

Где Бог, когда я страдаю?

Филипп Янси

[Предисловие](#)

[Часть 1. Для чего существует боль?](#)

[Глава 1. Венная проблема](#)

[Глава 2. Дар, который никто не хочет получать](#)

[Глава 3. Ад без боли](#)

[Глава 4. Агония и экстаз](#)

[Часть 2. Боль — это сигнал от Бога?](#)

[Глава 5. Стонущая планета](#)

[Глава 6. Что хочет сказать нам Бог?](#)

[Глава 7. Для чего мы здесь?](#)

[Глава 8. Сражаться с Богом? Руки коротки!](#)

[Часть 3. Как люди реагируют на страдание](#)

[Глава 9. После падения](#)

[Глава 10. Я танцую!](#)

[Глава 11. Другие свидетели](#)

[Глава 12. Экстремальные случаи](#)

[Часть 4. Как справляться с болью?](#)

[Глава 13. Признаки выздоровления](#)

[Глава 14. Страх](#)

[Глава 15. Беспомощность](#)

[Глава 16. Смысл](#)

[Глава 17. Надежда](#)

[Часть 5. Как помогает вера?](#)

[Глава 18. Смотреть на мир Его глазами](#)

[Глава 19. Остальные части тела](#)

[Глава 20. Впереди — новый мир](#)

[Предисловие](#)

В книгоиздании существует основополагающее правило, которое, впрочем, в равной степени можно отнести также и к действиям нейрохирурга, и к ремонту автомобиля: «Не ремонтируйте то, что не сломано». Поскольку книга «Где Бог, когда я страдаю?» еще в продаже, я, наверное, нарушаю это правило, пытаюсь внести радикальные изменения. Я написал книгу «Где Бог, когда я страдаю?» в середине семидесятых, когда мне было двадцать с небольшим. Проходили годы, но я не переставал думать над этой темой. Как гончая, бегущая по свежему следу, я кружился вокруг тайны страдания в поиске разгадок. Я также получил сотни откликов от читателей, многие из которых рассказывали о своей одиссее страданий. Вот почему я почувствовал необходимость возвратиться к этому труду, законченному много лет назад, и переписать его.

Многие библиологи считают книгу Иова старейшей книгой в Библии, но удивительно то, что вопросы, которые так проникновенно задавал Иов, не утратили своей актуальности. Эти вопросы с веками звучат все назойливее. Недавно я прочел книгу «Единственная

проблема». Название книги взято из диалога, где два персонажа рассуждают о том, почему Бог допускает страдания, и главный герой замечает: «Это единственная проблема, которая достойна обсуждения».

Еще одно меня удивляет. Книги о страдании можно очень легко разделить на две категории. В более старых книгах такие авторы, как Фома Аквинский, Буньян, Донн, Лютер, Кальвин и Августин, безропотно принимают боль и страдания как орудия, которыми пользуется Бог. Они не ставят под вопрос действия Бога. Они просто пытаются «оправдать действия Бога по отношению к человеку». Они писали с такой уверенностью, как будто их сила убеждения могла сама по себе успокоить эмоциональную реакцию на страдание.

Современные книги о страдании контрастно отличаются от старых. Их авторы считают, что обилие зла и страданий в мире невозможно сопоставить с традиционными представлениями о добром и любящем Боге. Они относятся к Богу не как к законодателю, а как к обвиняемому. Создается впечатление, что наши раздраженные современники спрашивают Бога: «Какие же у Тебя могут быть оправдания?» В результате, многие из них изменяют свои представления о Боге. Они либо начинают по-иному понимать Божью любовь, либо ставят под вопрос Его способность сдерживать зло. Если сравнивать эти книги, можно легко заметить, насколько изменился тон рассуждений на эту тему. Наши современники считают, что на нашу долю выпала львиная доля страданий. Кажется, мы забыли, что Лютер и Кальвин жили в мире без антибиотиков и средняя продолжительность жизни составляла тридцать лет; а Буньян и Донн написали свои самые известные книги в тюрьме и эпидемиологическом диспансере соответственно. Иронично то, что именно современные писатели, живущие комфортабельно, работающие в офисах, где регулируется температура воздуха, имеющие массу лекарств, - именно они полны негодования.

Прочитав множество таких книг, я спрашивал себя: «Нужна ли еще одна книга о страдании?» Но после общения со страдающими людьми я пришел к заключению, что нужна. Я понял, что многие книги о страдании совершенно не отвечают запросам самих страдающих. Для них страдание - не теоретический вопрос, не теологическая игра, состоящая из серии хитроумных доказательств. Это вопрос взаимоотношений. Многие страдающие люди хотят любить Бога, но не видят Его за своими слезами. Им кажется, что их обидели и предали. К сожалению, Церковь часто приносит им не утешение, а замешательство.

Пятнадцать лет назад, будучи в возрасте, когда я не имел права затрагивать пугающую нас проблему боли, я написал книгу «Где Бог, когда я страдаю?» именно для этих людей. Очень многие читатели прислали мне свои отклики, и, отчасти, поэтому я решил переписать эту книгу, что-то изменив, многое добавив. В какой-то мере это новое издание — мой диалог с читателями, а еще — следующий шаг на моем личном жизненном пути.

Я уделил особое внимание части книги под названием «Как справиться с болью?», расширив ее, потому что считаю, что Сам Бог поручил Церкви представлять Его любовь страдающему миру. Вопрос о страдании мы, обычно, обращаем к Богу, но это также и вопрос, который Он обращает к нам. Как мы относимся к страдающим людям?

Часть 1. Для чего существует боль?

Глава 1. Вечная проблема

«Между тем, где же Бог? Когда вы счастливы, счастливы настолько, что даже не чувствуете в Нем нужды, и в такой момент обратитесь к Нему со славословием, то будете приняты с распростертыми объятьями. Но подойдите к Нему в безысходной нужде, когда ни на что другое надежды нет, и что? Перед вами захлопнется дверь, и вы услышите, как изнутри один за другим замыкаются замки. Затем - тишина. Остается только развернуться и уйти».
— Клайв Стейплз Льюис
«Горе. Наблюдения»

Я чувствую себя беспомощным, находясь рядом с людьми, которые испытывают сильную боль. Чувствую себя беспомощным и виноватым. Я стою рядом с ними, смотря на гримасы боли на лице, слушая вздохи и стоны, понимая, что между нами - огромная пропасть. Я не могу проникнуться их страданием, я в состоянии лишь смотреть. Все, что я пытаюсь сказать, звучит неубедительно и неестественно, будто эти строки выучены мною для какой-то школьной постановки.

Однажды мои близкие друзья, Джон и Клаудия Клак-стон, обратились ко мне за помощью. Правильнее будет сказать, что это был неистовый крик о помощи. Им было немногим более двадцати, они недавно поженились и начинали устраивать свою жизнь. Я удивлялся, наблюдая, как Джон Клакстон, влюбившись, менялся у меня на глазах. Два года дружбы с Клаудией растопили его цинизм и сделали его мягче. Он стал оптимистом, и теперь его письма ко мне, как правило, были полны энтузиазма — он рассказывал о своем прекрасном браке.

Но одно письмо от Джона встревожило меня, как только я открыл его. Обычно Джон писал аккуратно, а здесь - ошибки, перечеркнутые слова. Он писал: «Извини за неаккуратность... Наверное, я не могу подобрать правильные слова. Понимаешь? Я не знаю, что и сказать...» Молодая семья Клакстонов столкнулась с препятствием, которое преодолеть им самим было не под силу. У Клаудии обнаружили болезнь Ходжкина, рак лимфатических желез; шансов на выживание врачи давали не более пятидесяти процентов.

За одну неделю хирурги сделали ей операцию, разрезали тело от груди до живота, чтобы удалить все видимые очаги болезни. Молодая женщина лежала на больничной койке, потрясенная и изможденная.

В это время Джон по иронии судьбы работал в больнице помощником капеллана. Его сочувствие больным вдруг практически сошло на нет. «С одной стороны, — рассказывал он мне, — я теперь лучше понимал, через какие страдания проходили другие пациенты. Но мне теперь было все равно. Я думал только о Клаудии. Мне хотелось кричать: «Да перестаньте вы ныть! Вы думаете, ваши проблемы важнее всего? Моя жена, может быть, умирает в этот самый момент!»

Хотя Джон с Клаудией были убежденными христианами, неожиданно у них появилась обида на Бога. Это было чувство глубокой обиды на любимого друга, предавшего их. «Боже, почему мы?! — кричали они. — Неужели Ты подарил нам этот прекрасный год для того, чтобы посмеяться над нами, приготовив такой финал?»

Сеансы лечения радиацией оказали сильное воздействие на тело Клаудии. Красота исчезла почти за сутки. Она чувствовала страшную усталость, и это отражалось на ее лице. Кожа потемнела, волосы выпали. Горло стало рыхлым, и ее рвало почти от всего, что она ела. Врачи вынуждены были на время остановить лечение, потому что ее горло настолько распухло, что она была не в состоянии глотать.

Когда сеансы облучения возобновились, она должна была лежать, нагая, на столе. Она не могла ничего делать — ей приходилось просто лежать, прислушиваясь к жужжанию и щелчкам больничных аппаратов, которые бомбардировали ее тело невидимыми частицами, и от каждой дозы она старилась на несколько месяцев. Лежа в этом холодном больничном кабинете, обитом железом, Клаудия думала о Боге и о своих страданиях.

Посетители

Клаудия надеялась, что навещающие ее христиане принесут успокоение, помогут по-другому увидеть происходящее с ней. Но их слова приносили скорее замешательство, чем утешение. Дьякон из ее церкви с серьезным видом посоветовал Клаудии еще раз пересмотреть, чему ее хочет научить Бог. «По всей видимости, ты где-то не угодила Богу, —

говорил он. — Где-то ты вышла за пределы Его воли. Такое просто так не случается. Бог использует обстоятельства, чтобы предупредить или наказать нас. Что Он говорит тебе?»

Через несколько дней Клаудию удивила своим визитом малознакомая женщина из церкви. По-видимому, эта полненькая, несколько легкомысленная вдова взяла на себя роль увеселителя больных. Она принесла цветы, пела гимны, читала Псалмы о бегущих потоках и рукоплещущих холмах и не спешила уходить. Как только Клаудия пыталась заговорить с ней о своей болезни или о том, что говорят врачи, женщина тут же меняла тему разговора, пытаясь побороть страдание радостной улыбкой. Но она пришла только однажды. Цветы завяли, гимны казались нестройными, и Клаудия должна была встречать следующий наполненный болью день в одиночестве. Затем зашла еще одна женщина, преданная последовательница телепроповедников, акцентирующих внимание на исцелении по вере. Излучая уверенность, она убеждала Клаудию, что исцеление — это единственный выход. Когда та рассказала ей о советах дьякона, женщина взорвалась. «Болезнь — это ни в коем случае не воля Божья! — воскликнула она. — Ты что, Библию не читала? Дьявол ходит за нами, как рыкающий лев, но Бог избавит тебя, если ты наберешься достаточно веры, если поверишь в исцеление. Помни, Клаудия, вера сдвигает горы, и рак — не исключение. Просто возьми верой обетование, а затем провозглашай победу».

В течение нескольких следующих дней, лежа в стерильной комнате, где ее облучали, Клаудия пыталась набраться веры. Она задавала себе вопрос, понимает ли она вообще, что это значит? У нее не вызывало сомнений наличие сверхъестественной силы у Бога, но как убедить Бога в своей искренности? Вера оказалась не похожей на мышцы, которые можно укрепить, если регулярно упражняться. Это было что-то ненадежное, неосязаемое, за что невозможно было ухватиться. Сам процесс «накопления» веры казался чрезвычайно изматывающим, и она не могла решить, в чем именно состоял этот процесс.

Возможно, самая «духовная» женщина в церкви принесла Клаудии несколько книг о том, что в любых обстоятельствах нужно прославлять Бога. «Клаудия, ты должна суметь сказать: «Боже, я люблю Тебя и благодарна Тебе за то, что Ты проводишь меня через эти страдания. Это Твоя воля, ведь Ты знаешь, что лучше для меня.

Славлю Тебя за то, что Ты настолько любишь меня, что позволяешь мне испытывать все эти страдания. Я благодарю Тебя за все, даже за эту болезнь».

Клаудия обдумывала сказанное ей, и в ее воображении возникали непривычные, нелепые образы Бога. Перед ее мысленным взором явился некий тролль, огромный, как сама Вселенная, который обожал давить беспомощных людей ногтями, растирать их в порошок, швырять на острые камни. Это существо издевалось над людьми до тех пор, пока они не начинали кричать: «Боже, я благодарю тебя, что Ты так со мной поступаешь! Я люблю Тебя!» От этой мысли Клаудии стало противно, и она сказала, что служить такому Богу не хочет; такого Бога она не может любить.

Однако другой посетитель, пастор Клаудии, заставил ее чувствовать, будто она выполняет особую миссию. Он сказал: «Клаудия, тебе дано страдать за Христа, и Он вознаградит тебя. Бог избрал для этого тебя, потому что ты сильный и хороший человек, как Он избрал Иова, чтобы он стал примером для других. Другие будут смотреть, как ты ведешь себя в этих страданиях, и у них возрастет вера. Ты должна почувствовать, что избрана для этого. Не допускай обиду на Бога. То, что нам кажется препятствием, для Бога — возможность сделать что-то благое». Он сказал ей, чтобы она чувствовала себя как победительница забега и рассматривала несчастье как череду препятствий, которые нужно преодолеть.

Иногда Клаудии нравилось чувствовать себя избранной страдальницей, особенно когда ей было жалко себя. А когда боль становилась невыносимой, когда начиналась рвота, когда она замечала, что стареет на глазах, Клаудия спрашивала: «Боже, почему Ты избрал меня?! Есть миллионы других христиан, которые сильнее и лучше меня, почему Ты не избрал кого-нибудь из них?» Она никак не чувствовала себя победительницей в беге с препятствиями и думала, зачем Бог умышленно ставит барьеры на пути тех, кого любит. Я также посетил Клаудию и заметил, что она находится в замешательстве от этого обилия противоречивых слов. Она пересказывала мне советы доброжелательных христиан, а я слушал ее сбивчивый рассказ — это была масса вопросов. Как получить больше веры? Какой из этих уроков она должна была запомнить? Кого ей надо было слушать? Пребывая в замешательстве, Клаудия была уверена в одном: счастливый мир, в котором они с Джоном жили, разрушался. А этого она больше всего не хотела.

В тот день у меня не было советов для Клаудии. Честно говоря, когда я вышел из палаты, у меня появилось еще больше вопросов. Почему она лежала в больничной койке, а я, здоровый, стоял около нее? Когда я слушал, как она пересказывала заученные комментарии своих посетителей, у меня что-то переворачивалось внутри.

Неужели христианство должно приносить страдающему еще больше мучений? В то время я работал в журнале «Университетская жизнь», а также подрабатывал, печатаясь в других изданиях. В течение короткого времени мною были написаны шесть историй для журнала «Ридерс дайджест», напечатанных под рубрикой «Драмы из жизни». Я взял интервью у молодой пары из Канады, на которую напал бурый медведь. Они выжили, но молодой человек потерял глаз, и никакие пластические операции не могли скрыть шрамов на его лице. В другом городе двое братьев рассказали мне о том, как в детстве ходили в поход с отцом на гору Рейнир. Их настигла снежная буря, и они поскорее выкопали в снегу пещеру, чтобы согреться.

Их отец закрывал своим телом вход в укрытие, и к утру ребята обнаружили, что он замерз. Все эти люди повторяли мне свои собственные версии какофонии голосов христиан-«утешителей». Один человек, перенесший ампутацию, сказал мне: «Во всех этих переживаниях меня больше всего раздражали мои верующие друзья - именно они

доводили меня до состояния депрессии». Эта закономерность очень встревожила меня. Что-то здесь было не так. Вера, основанная Великим Врачом, должна во время кризиса приносить мир, а не замешательство.

Почему люди должны страдать? Что говорит об этом Библия? Вопросы, которые задавала мне Клаудия, а также многие другие заставили меня пойти на поиски ответов, и эта книга — результат моих поисков. Я искал те слова, которые мы, христиане, могли бы принести страждущим. В то же время я искал слова, которые могли бы укрепить мою личную веру, когда страдаю я сам. Где Бог, когда я страдаю? Что Он хочет сказать мне посредством страданий?

Личный подход

После того, как известный немецкий пастор и теолог Гельмут Тиелике посетил Америку и побывал во многих ее городах, его спросили, чего больше всего не хватает американским христианам. Он ответил: «Они недостаточно понимают страдание». И я с ним согласен.

Этот недостаток хорошо замечен всему нехристианскому миру. Я спрашивал студентов, что они имеют против христианства, и большинство их ответов были тем или иным образом связаны с проблемой страдания. «Я не могу верить в Бога, который может допустить то, что происходило в Освенциме и Камбодже». «Моя сестра, подросток, умерла от лейкемии, и никакие молитвы христиан не помогли ей». «Третья часть мира осталась сегодня голодной -как можно говорить о христианской любви?» Никакой другой аспект человеческого бытия не вызывает столь жгучих споров. Никто ведь не сидит допоздна где-то в ночном кафе, размышляя о вселенском значении вкуса или обоняния. «Обоняние! Что за странное чувство! Что хотел сказать Бог, дав нам его? Почему запах распределяется так неравномерно — розы благоухают, а кислород запаха не имеет вообще? И почему собаки улавливают в восемь раз больше запахов, чем люди?» Странно, но я никогда не слышу дебатов о «проблеме наслаждения». Почему наслаждение мы принимаем как должное, а против боли восстаем так яростно?

Проводя библиотечные исследования на тему боли, я обнаружил, что многие великие философы, которым, в общем, были по душе христианские нравственные принципы, сталкиваясь с проблемой боли и страдания, в конечном итоге отвергали христианство. Доктор Сирилл Джоуд писал: «Итак, каковы же аргументы — на мой взгляд, очень веские, — не согласующиеся с религиозной картиной мира?.. Прежде всего, сам факт существования боли и зла...» Другие философы, такие, как Б. Рассель и Вольтер, разделяют точку зрения Джоуда.

Упрямый вопрос боли и страдания остается открытым, невзирая на попытки эрудитов объяснить его и закрыть навсегда. Великий английский писатель Клайв Стейплз Льюис представил, наверное, наиболее четкий подход к этому вопросу в книге «Проблема боли», написанной на вершине его интеллектуальных способностей. Но, годы спустя, после того, как его жена умерла от поразившего ее кости рака, Льюис написал другую книгу, «Горе. Наблюдения», которую опубликовал под псевдонимом. Книга на ту же самую тему, но с иной точки зрения. Как видно из цитаты, приведенной в начале главы, уверенность Льюиса пошатнулась. Его эмоциональные силы были истощены до предела. «Мы не понимаем, насколько сильна наша вера во что-то, пока истина и ложь не становятся для нас наравне с жизнью и смертью», — говорил он.

Как в битве Геркулеса с Гидрой, все наши попытки прорубить дорогу сквозь аргументы агностиков встречаются с новыми, терзающими нас примерами страданий. Писатель Питер ДеВрайс называет проблему страдания «вопросительным знаком, перевернутым,

как рыболовный крючок в сердце человека». И часто ответы христиан на вопрос о страдании звучат как извинения покрасневшей школьницы с опущенной головой.

Вопрос страдания — сложнейшая задача, и философский подход к предмету иногда основывается только на абстрактном мышлении, как в книжке по математике. В этой книге я не буду пытаться убеждать философов — другие, намного более образованные люди, уже сделали это. Напротив, когда я писал эту книгу, то всегда старался помнить о своей подруге Клаудии Клакстон, лежащей на больничной койке. Большинство наших вопросов в отношении страдания не имеют ничего общего с умственной гимнастикой. Нет, нас беспокоит другое, как в случае с Клаудией: потерянная молодость, пораженное язвами горло, возможность распада брака из-за смерти, парализующий страх перед неизвестным. Клаудия слышала много советов от христиан, которые еще больше запутали ее. А вот чему мы можем верить, не сомневаясь?

При подготовке к написанию этой книги я беседовал со многими христианами, которые перенесли намного больше страданий, чем придется перенести большинству из нас. Для некоторых из них боль — это фактически и есть жизнь. Это первое ощущение, с которым они просыпаются утром, и последнее, с которым засыпают, если им вообще посчастливится уснуть. Я также общался с прокаженными, которые, наоборот, физической боли не чувствуют, но страстно желали бы получить такую способность. С такими проводниками я вошел в мир страдающего, чтобы узнать, какую роль там играет вера во Христа.

Прежде всего, я хочу посмотреть на боль с биологической стороны - через микроскоп, если хотите, - чтобы увидеть, какую роль она играет в жизни человека. Затем, отступив на шаг, попытаюсь взглянуть на всю нашу планету со стороны, стремясь понять, что делает с нами Бог. Что такое страдание? Страшная ошибка Бога-Творца? И, наконец, я попытаюсь ответить на вопрос, как нам реагировать, если нас посещает страдание, и как можно помочь другим? Возможно, когда я в очередной раз заболею, когда грипп уложит меня в постель и я буду ворочаться, борясь с тошнотой, возможно, в то время мои заключения о боли не принесут мне утешения. Но как христианин, пытающийся постичь, что делает Бог с нашим миром, я понял многое. Я стал глубже понимать страдание в нашем мире, и это значительно изменило мое отношение к Богу.

Глава 2. Дар, который никто не хочет получать

«Симптомы болезни и сама болезнь — не одно и то же. Болезнь существует задолго до появления симптомов. Симптомы — это не болезнь, но начало исцеления. Тот факт, что мы не желаем их иметь, делает их еще большим феноменом благодати — Божьего дара, голосом подсознания, если хотите, призывающим начать самопроверку и исправление».
— Скотт Пек «Заброшенная дорога»

Я сижу в величественном симфоническом зале Чикаго. Вообще, Бетховен и Моцарт вдохновляют меня, но длинный, сложный концерт Прокофьева — это другое дело. Энергонесущие потоки крови хлынули из мозга к желудку, чтобы справиться с его содержимым, и мне все сложнее бороться со сном.

В концертном зале тепло и душно. Постепенно звуки разных инструментов сливаются в один приглушенный гул. Веки мои тяжелеют. Вздрагиваю, смотрю по сторонам и

замечаю, что многие из хорошо одетых слушателей уже сдались. Я снова опираюсь локтем на деревянный подлокотник и подпираю подбородок. Музыка затихает...

Вдруг — бух! Я очнулся в момент, когда мои конечности простерлись в разные стороны. Мой пиджак упал на пол. Люди на соседних сиденьях бросили в мою сторону неодобрительные взгляды. Испуганный и смущенный, я поднимаю пиджак, сажусь ровно и снова пытаюсь слушать музыку. Теперь кровь приливает к голове — я чувствую удары в висках.

Что произошло? Даже когда я опускался в царство дремоты, мое тело верно охраняло меня. Хотя мой сознательный ум уже отключился, система рефлексов продолжала работать. Когда моя голова резко качнулась вниз, два маленьких мешочка во внутреннем ухе, наполненные жидкостью и сверхчувствительными волосками, зарегистрировали тревожную перемену в системе равновесия. В последний момент, когда моя голова была готова удариться о подлокотник, внутреннее ухо включило всеобщую тревогу. Вдруг мои руки начали искать опору, голова подскочила вверх, все тело вздрогнуло в спазме пробуждения. Эта реакция, которая ввела меня в краску, была всего лишь попыткой моего тела предотвратить падение. Все эти сложные действия происходили в тот момент, когда я засыпал. Механизмы боли работают примерно так же, как предупредительная система, действие которой я испытал в концертном зале. Датчики боли моментально указывают телу на опасность: «Здесь болит!» — и заставляют человека сконцентрировать внимание на проблеме.

Иногда реакция происходит произвольно. Например, на приеме у врача, когда он стучит резиновым молоточком по колену, нога человека резко выпрямляется. Почему? Удар молоточка передает колену ту же информацию, которую оно получает, случайно подворачиваясь при ходьбе. Тело стремится тут же исправить ошибку, чтобы не допустить падения и, следовательно, большей боли. Реакция эта настолько спонтанна и молниеносна, что мозг не успевает осознать, что человек не стоит, а сидит и не находится в опасности.

Следы Творца

Несмотря на явно необходимые предохранительные функции миллионов предупредительных сенсоров, люди не ценят эту систему. Она вызывает множество неприятных чувств. Мне никогда не приходилось встречать стихов, посвященных боли. Не видел я и монумента, воздвигнутого в ее честь, не слышал гимна, посвященного ей. Боль часто определяют как неприятное чувство.

Христиане, которые верят в любящего Творца, в большинстве своем не знают, как объяснить боль. Зажатые в тесный угол, где никто не услышит их, многие христиане признались бы, что считают боль единственной ошибкой Бога. Действительно, неужели Он не мог разработать другой механизм, предохраняющий нас от опасности? Я сам думал точно так же. Теперь же я считаю, что боль во многом обвиняют напрасно. Возможно, было бы хорошо, если бы были гимны и стихи о боли. Почему я изменил свое мнение? Потому что, если рассматривать боль под микроскопом, то сеть, передающая боль, видится в совершенно ином свете. Поэтому мои рассуждения о боли я начну со взгляда на организм человека. Для чего нужна боль? Когда мне больно - о чем мое тело сообщает мне?

Я начинаю с рассматривания этой системы потому, что именно этот аспект проблемы часто остается незамеченным людьми, задающими вопрос: «Где Бог, когда я страдаю?» Я

прочел десятки философских и теологических книг о боли, но в них, в лучшем случае, только вскользь упоминается о том, что боль может служить для благородных целей в организме. Но «система боли» заслуживает намного большего внимания. В ней видны гениальные следы Творца. Возьмите во внимание один орган человеческого тела -кожу. Это эластичный, но прочный орган, покрывающий тело и защищающий нас от опасности окружающего мира. Миллионы сенсоров боли расположены по всей поверхности кожи. Причем, они расположены в определенных местах, с учетом определенных потребностей тела человека. Вообще, в теле нет особенных «болевых клеток», потому что чувство боли передается через сложнейшую систему сенсоров, которые также передают информацию о давлении, осязании и температуре. Для того, чтобы измерить чувствительность кожи, ученые проводят следующий эксперимент (чаще всего — над бедными студентами). Например, необходимо выяснить, какое давление нужно создать, чтобы человек с закрытыми глазами почувствовал, что к его коже прикасаются каким-то предметом. Специально созданная система измерений чувствительности замеряет давление в граммах на квадратный миллиметр поверхности кожи. Вот как разные точки кожи реагируют на давление.

- Кончик языка чувствителен к 2-м граммам давления
- Пальцы чувствительны к 3-м граммам давления
- Кисть руки чувствительна к 12-ти граммам давления
- Верхняя часть руки чувствительна к 33-м граммам давления
- Подошва ноги чувствительна к 250-ти граммам давления

Итак, кожа, единый орган, обладает широкой амплитудой чувствительности к давлению. Языком мы совершаем сложнейшие операции — от формирования слов до нахождения остатков пищи между зубами. Пальцами — играем на гитаре, пишем и ласкаем любимого человека. Эти участки кожи должны иметь хорошую чувствительность.

Но менее важные участки кожи не нуждаются в такой чувствительности. Мы бы очень быстро уставали, если бы наш мозг должен был принимать сигналы из высокочувствительных датчиков на ступне, на которую человек ежедневно наступает, перенося вес всего своего тела. Поэтому, если пальцы и язык способны уловить прикосновение перышка, то по другим частям тела нужно хорошенько пошлепать прежде, чем они передадут в мозг информацию о прикосновении. Эти измерения чувствительности только слегка приоткрывают завесу в мир системы, передающей боль. Известно, что чувствительность к давлению изменяется в зависимости от контекста. Например, я могу различить письмо весом в тридцать граммов от письма весом в тридцать пять граммов. Но если мне дать в руки ящик весом пять килограммов, я не смогу уловить такой разницы. Тогда нужно, чтобы вес изменился на 100 или более граммов.

Другой тест определяет абсолютный предел боли. Здесь ученые измеряют, какое давление нужно оказать на иглу прежде, чем человек почувствует боль

- Роговая оболочка глаза — 0,2 грамма
- Предплечье — 20 граммов
- Ладонь — 100 граммов
- Подошва ноги — 200 граммов
- Кончики пальцев — 300 граммов

Заметьте, в каком контрасте состоят эти данные с таблицей давления. Кончиками пальцев,

например, можно почувствовать давление всего в 3 грамма, но боли человек не чувствует до тех пор, пока давление не увеличится до 300 граммов.

Почему? Подумайте о действиях пальцев. Скрипач должен чувствовать широчайшую амплитуду давления, чтобы инструмент издал совершенный звук и нужную громкость. Опытный пекарь, вымешивая руками тесто, способен уловить разницу в густоте теста до двух процентов. В текстильной промышленности есть специалисты, на ощупь определяющие качество материала. Кончики пальцев должны быть чрезвычайно чувствительными к малейшему изменению в прикосновении. Но одной чувствительности недостаточно. Кончики пальцев также должны быть жесткими для выполнения более грубых действий. Прикоснитесь к мозолистой, жесткой ладони плотника или теннисиста-профессионала. Жизнь поистине была бы невыносимой, если бы от кончиков пальцев посылались сигналы боли при каждом ударе молотка или сжатии теннисной ракетки. Поэтому кончики пальцев сверхчувствительны к давлению и сравнительно невосприимчивы к боли. Руки и кончики пальцев мы используем больше других членов тела, и они верно служат нам. В теле человека находится столько датчиков боли, сколько необходимо. Ученые определяют другой феномен нервной системы, называемый пределом двух точек. Человеку с завязанными глазами делают легкие уколы двумя иглами одновременно, постепенно сближая иглы между собой, до тех пор, пока он не почувствует не два укола, а один. Другими словами, это показывает, на каком расстоянии друг от друга находятся датчики боли. На ноге я не различаю два укола, поставленных на расстоянии 68 мм друг от друга. Но я могу уловить два укола на тыльной стороне руки на расстоянии 32 мм друг от друга, а на кончике пальца — даже при двухмиллиметровом расстоянии. А на кончике языка рецепторы расположены на каждом миллиметре.

У роговой оболочки глаза совершенно иные функции и иного рода существование. Поскольку она должна быть прозрачной - что необходимо для принятия лучей света, - в ней мало кровеносных сосудов, и она очень ранима. Небольшое повреждение может привести к потере зрения, и любое вторжение посторонних предметов в область глаза — занозы или пылинки представляет серьезную опасность. Поэтому рецепторы роговой оболочки глаза соединены с мозгом электронной линией связи. Как-то я присутствовал на финальной игре мирового первенства по бейсболу. Игра была на время приостановлена, так как одному из игроков в глаз попала ресница. Игроки и судьи собрались вокруг него, и игра не возобновилась до тех пор, пока он не вытащил волосинку, причинявшую ему острую боль. Если бы эта волосинка упала на его руку, нос или другую часть тела, он бы вообще ничего не почувствовал.

Колики, камни в почках и головная боль от мороженого

Если заглянуть внутрь тела, мы увидим еще больше свидетельств, говорящих о разумном устройстве сети, передающей боль. Уколы булавками и изменения температуры, излюбленные способы ученых для измерения боли на поверхности кожи, неприменимы к внутренним органам, которые просто не реагируют на них. А почему они должны реагировать?

Поскольку тело возлагает обязанности на кожу следить за ожогами, порезами и ударами, внутренние органы могут вполне обойтись без такой сложной предупредительной системы. Если пройти сквозь оборонительные рубежи кожи с помощью местной анестезии, можно обжечь желудок огнем спички, проткнуть иглой легкие, разрезать мозг ножом, зажать почки в тиски или просверлить кость, и пациент не почувствует ни

малейшего дискомфорта. Такие внутренние сигналы боли были бы излишними, ведь кожа и скелет уже в достаточной мере предохраняют внутренние органы от таких опасностей.

Вместо этого, защищенные органы тела обладают уникальным набором рецепторов, способных предупреждать об опасности, которая может угрожать им. Если доктор помещает в желудок пациента шар, который затем наполняется воздухом с целью расширить желудок, острые сигналы боли, говорящие о коликах, передаются в мозг пациента. Система передачи боли желудка создана с учетом опасностей, которым подвергается именно этот орган. Точно так же, если в почках появился камень, человек чувствует ужасную боль. А сухожилия не реагируют на порез, но очень чувствительны к определенным химикатам.

В редких случаях внутренние органы должны передавать в мозг информацию о боли, к регистрации которой их датчики не предназначены. Как они могут сообщить мозгу об опасности, которую чувствуют? В таких случаях органы пользуются удивительным феноменом, называемым «передаваемая боль», заставляя соседние с ними датчики бить тревогу. Например, больной, получивший сердечный удар, может почувствовать жжение в области шеи, груди, скулах или левой руке. Клетки кожи, будучи совершенно здоровыми, сообщают об опасности в мозг, будто они сами поражены, хотя проблема — в соседнем органе, в сердце. Таким образом, кожа как бы одалживает сердцу свои датчики боли.

Любители поесть мороженое в жаркий день, возможно, испытывали похожий феномен. Вдруг начинается сильная боль в лобной части головы. Понятно, конечно, что мороженое в лоб не попадает. Сигнал о переохлаждении поступает в мозг через блуждающий нерв из желудка. Этот нерв пересекается с тройничным нервом, расположенным в области лба, скул и лица, и боль переходит из одного нерва в другой — поэтому переохлаждение в желудке вызывает боль в голове.

Тайна передающейся боли часто затрудняет постановку правильного диагноза. Повреждение селезенки может вызвать боль в левом плече. Аппендикс может позаимствовать датчики боли в самых разных местах, в любой стороне живота. Повреждение в шее может вызвать боль в руке. Все эти примеры показывают, как запасная система передачи боли работает для предотвращения возможных повреждений.

В медицинских библиотеках хранятся объемные тома, в которых описывается работа системы передачи боли в теле человека, и приведенные выше факты — это только отдельные примеры. Подобные факты — продуманное расположение датчиков боли, различные уровни чувствительности к боли и запасная система передачи боли — убеждают в том, что система передачи боли — что угодно, но не ошибка. Боль — это не великая ошибка Бога. Нет, она — часть чудесно построенной системы, которая служит на благо человеку. Можно утверждать, что боль не менее важна для нормального функционирования, чем зрение или хорошее кровообращение. Без боли, как мы увидим далее, наша жизнь была бы полна опасностей и лишена многих удовольствий, к которым мы привыкли.

Но неужели нельзя, чтобы не болело?

Я стал лучше понимать и ценить систему боли с тех пор, как познакомился с доктором Полом Брендом, о котором впервые узнал еще в 1975 году, когда я только начал исследовать проблему боли. К тому времени я уже прочел много книг на эту тему. Но однажды моей жене попала в книжном магазине брошюра с интересным названием: «Дар боли». Автор — доктор Пол Бренд. Некоторое время спустя, мы встретились с ним в

лепрозории г. Карвилл, штат Луизиана, а позже написали вместе две книги («Я дивно устроен» и «По Его образу»).

Доктор Бренд завоевал широкое признание за свои достижения в области медицины. Он получил награды фонда Альберта Ласкера, Службы общественного здравоохранения США, а также королевы Елизаветы II. Но, как ни странно, наибольшую известность он получил как человек, выступающий в защиту боли. Без колебаний доктор Бренд заявляет: «Слава Богу за то, что Он изобрел боль! Мне кажется, лучше ничего здесь и не придумаешь. Боль прекрасна». Являясь одним из ведущих экспертов по проказе, заболеванию нервной системы, он заслужил право высказывать такое мнение.

Однажды доктору Бренду даже выделили несколько миллионов долларов для разработки искусственной системы передачи боли. Как известно, люди с такими заболеваниями, как проказа и диабет, могут потерять пальцы на руках и на ногах и даже полностью потерять конечности только потому, что прекращает функционировать их система передачи боли. Не догадываясь об этом, они буквально разрушают сами себя. Ему предлагалось попытаться создать простую систему-заменитель, которая предупреждала бы больного об опасности.

Работая над этим проектом, доктор Бренд должен был мыслить подобно Творцу, думая о потребностях тела. Он взял себе в ассистенты трех профессоров по электронике, биолога и нескольких биохимиков-исследователей. Эта группа специалистов решила сконцентрировать внимание на кончиках пальцев, то есть на органах, которыми человек пользуется чаще всего и которые, следовательно, подвержены наибольшему риску. Они разработали что-то вроде искусственного нерва, реагирующего на давление: датчик, который можно надевать на палец, как перчатку. При нажатии на него, электронный нерв посылает электрический сигнал, который, в свою очередь, включает предупредительную систему.

Доктор Бренд и его ассистенты встретили массу сложных технических проблем. Чем больше они изучали работу нервов, тем более сложной казалась им их задача. При каком давлении датчик должен подавать сигнал? Как механический датчик может различить нормальное давление, если, скажем, человек взялся за поручень, от ненормального, если человек схватился за куст терновника? Как отрегулировать датчик для таких активных действий, как, например, игра в теннис? Бренд также понимал, что нервные клетки изменяют свое восприятие боли с учетом потребностей тела. Если, например, в пальце из-за инфекции образовалось воспаление, то этот палец может стать в десять раз более чувствительным к боли. Вот почему, если на пальце образуется небольшая опухоль около ногтя, он вам постоянно мешает — тело пытается сказать вам, что об этом органе необходимо позаботиться. Нервные клетки «повышают громкость», обращая внимание мозга на легкие удары и царапины, которые обычно остаются незамеченными.

Современные ученые, даже обладая необходимыми финансами, не в силах воспроизвести подобный механизм. Искусственный датчик стоит около 450 долларов, и для того, чтобы предохранить только одну руку или ногу, необходимо много таких датчиков. К тому же, они довольно быстро изнашиваются — металл подвергается коррозии. Работая над этим проектом, доктор Бренд и его коллеги с каждым месяцем все больше понимали, насколько совершенна система передачи боли в человеческом теле, включающая в себя несколько сот миллионов датчиков, которые работают, не требуя обслуживания, в течение всей жизни здорового человека.

Вначале Бренд попытался создать систему предупреждения об опасности, которая бы не причиняла пациенту боли. Он ведь также читал жалобы философов на сотворенный мир, в котором существует боль. Почему Бог не создал нервную систему, которая бы предохраняла нас, но не с помощью боли? Теперь у него был шанс самому усовершенствовать первоначальный замысел защитной системой, которая исключала бы боль. Прежде всего, эта группа специалистов попыталась воспользоваться звуковым сигналом. При нормальном давлении на кончики пальцев в слуховом аппарате раздавалось легкое жужжание, а в случае опасности звучал громкий сигнал. Но выяснилось, что звуковые сигналы легко игнорируются. Если пациент с больной рукой слишком сильно поворачивал ручку отвертки, он просто не обращал внимания на звуковой предупредительный сигнал и продолжал поворачивать отвертку. Подобное происходило часто. Людей, не чувствующих боли, трудно было убедить доверять искусственным датчикам. Тогда группа Бренда попыталась провести подобный эксперимент с мигающим световым сигналом, но вскоре вынуждена была отказаться от этого варианта по тем же причинам. В конце концов им пришлось прибегнуть к электрическому разряду, прикрепив электроды к подмышке, которая еще не совсем потеряла чувствительность. Людей необходимо было заставить реагировать — простое предупреждение об опасности было неэффективным. Оказалось, что стимул должен быть неприятным, как неприятна боль.

«Мы также нашли необходимым, чтобы пациент не мог самостоятельно отключить сигнал, -- говорит Бренд. -Потому что даже образованные люди, когда хотели сделать что-то, но боялись, что тем самым причинят себе боль, просто отключали сигнал, делали то, что хотели сделать, а затем, когда опасность получения неприятного сигнала проходила, снова включали. Наблюдая за этим, я, помню, думал, насколько мудро поступил Бог, лишив нас возможности «отключать» боль».

Потратив на этот проект пять лет, несколько миллионов долларов и тысячи человеко-часов, Бренд и его группа прекратили работу, не достигнув удовлетворительных результатов. Система предупреждения только для одной руки получилась слишком дорогой, часто выходящей из строя и совершенно недостаточной для интерпретации обилия чувств. Система, которую иногда называют «большой ошибкой Бога», является на самом деле настолько сложной, что ученые даже при помощи сверхсовременных технологий оказались не в силах воспроизвести ее эффект. Вот почему Пол Бренд произносит эти слова абсолютно искренне: «Слава Богу за боль!» Да, боль неприятна, достаточно неприятна, чтобы заставить нас отдернуть пальцы от плиты. И ведь именно это спасает нас от разрушающих сил! Если бы предупредительные сигналы не требовали реакции, мы, возможно, не обращали бы на них должного внимания. Типичный американец, почувствовав малейшую боль, принимает аспирин и заглушает ее. Но такой подход лишь удаляет симптомы проблемы. Мы не можем позволить себе заглушать систему предупреждения, не прислушавшись предварительно к тому, о чем она нам говорит. Вот трагический пример, показывающий, что значит не обращать внимания на систему предупреждений. Боб Гросс, известный баскетболист, хотел участвовать в игре, невзирая на сильно поврежденную лодыжку. Зная, что Гросс нужен для победы в ответственном матче, врач команды сделал ему в ногу три укола маркаина, сильного болеутоляющего препарата. Гросс начал игру, но через несколько минут, когда он боролся за мяч, послышался резкий хруст. Гросс, ничего не чувствуя, пробежал еще два раза по залу, а затем свалился на пол. Хотя он не чувствовал боли, в лодыжке у него сломалась кость. Поскольку система передачи боли была заглушена анестезией, игрок остался с больной ногой на всю жизнь и его баскетбольная карьера закончилась.

Боль — это не великая ошибка Бога. Чувство боли — это дар. Дар, принимать который не хочет докто. Мы должны видеть боль в первую очередь как сеть коммуникаций. Так же, как система, предупреждающая о нарушении равновесия, спасла меня в концертном зале от падения, удивительная система датчиков боли охраняет тело от повреждений.

Я не говорю, что всякая боль хороша. Иногда, вспыхнув, она делает жизнь невыносимой. Для страдающего артритом или для смертельно больного раком боль настолько всепоглощающа, что любое облегчение, не говоря уже о мире без боли, представляется ему раем. Но для большинства из нас сеть передачи боли — это ежедневная служба предохранения. Она дана человеку для выживания на этой не всегда дружелюбной планете. Как говорит доктор Бренд: «Единственная проблема с болью состоит в том, что ее нельзя отключить. Она может разгореться безудержно, как это бывает у людей, смертельно больных раком, хотя предупреждение уже было услышано и невозможно устранить причину болей. Но как врач я с уверенностью заявляю, что боль такого рода, которую люди не могут контролировать, встречается нечасто. Девяносто девять процентов болей, которые испытывают люди, — это краткосрочные боли, извещающие нас о необходимости принимать лекарства, отдохнуть или изменить стиль жизни».

Безусловно, теория под названием «Дар боли» не решает все проблемы, связанные со страданием. Но она может послужить отправной точкой для нахождения реалистического взгляда на боль и страдание. Очень часто эмоциональные травмы, связанные с сильными болями, не дают нам увидеть ценность страдания. Если я сломаю руку и выпью пригоршню таблеток аспирина, чтобы заглушить боль, я, наверное, не буду думать: «Как прекрасно, что существует боль!» Но в этот момент боль указывает телу на опасность, мобилизует защитную антиинфекционную систему и заставляет меня воздерживаться от действий, которые могут усугубить положение. Боль требует внимания, и это важно для выздоровления.

Глава 3. Ад без боли

«Лишь тот над шрамами смеется, кто ранен не бывал».
— Уильям Шекспир
«Ромео и Джульетта»

Практически всегда, если у нас что-то болит, мы не хотим боли. Почему же доктор Бренд и его ассистенты потратили так много времени и энергии на то, чтобы создать боль, если большинство других медиков стремятся к тому, чтобы устранить ее? Я много узнал о том, как работает система передачи боли. Я даже стал рассматривать ее как «дар». Но знание само по себе не могло преодолеть мое инстинктивное сопротивление боли. У меня было много сомнений на этот счет до тех пор, пока я не провел неделю в Луизиане с доктором Брендом, который часто говорит о боли в своих выступлениях.

Доктор Бренд начал понимать важность боли, когда стал жить среди больных проказой. Именно он сделал открытие, что прокаженные страдают по той простой причине, что их система передачи боли работает ненормально. Слово «проказа» часто вызывает в воображении для правдоподобные картины: больные без пальцев, с язвами на теле и с изуродованными чертами лица. Книги и фильмы, такие, как «Бен Гур» и «Прокаженный» (часто неточные) заставляют нас думать о проказе как о невыносимо жестокой болезни.

Это одна из старейших болезней, о которой упоминается в древней литературе, и одна из наиболее страшных. В течение столетий прокаженные должны были кричать: «Нечист! Нечист!» -- как только кто-то приближался к ним.

Проказа — это действительно жестокая болезнь, но не в такой форме, как другие болезни. В сущности, она действует как анестезиологическое средство, поражая и делая нечувствительными клетки, передающие боль, в ногах, руках, носу, ушах и глазах. Кто-нибудь подумает, что это не так уж и страшно. Ведь люди боятся болезней, которые несут боль. Чем же страшна болезнь без боли? Но именно обезболивающий эффект проказы является причиной разрушения тканей. В течение тысяч лет считалось, что язвы на руках и ногах, приводившие к заражению и, впоследствии, к потере конечностей, вызывались самой болезнью. Но, проводя исследования в Индии, доктор Бренд установил, что почти во всех случаях проказы только лишает конечности чувствительности. А разложение — это результат того, что перестала функционировать предупреждающая система боли. Как происходит поражение? Доктор Бренд задавал себе этот вопрос тысячу раз,

оказывая медицинскую помощь индийским деревенским жителям, у которых были поражены руки. Казалось, помочь им невозможно. Он залечивал раны, перебинтовывал их, а несколько месяцев спустя тот же человек приходил к нему с еще более страшными ранами. Вначале доктор Бренд, как и другие врачи, считал, что проказа действует как грибок, уничтожая все клетки на своем пути. Но вскоре он стал более подробно расспрашивать пациентов об их действиях, в результате которых могли бы возникнуть раны. Однажды ему пришлось с ужасом наблюдать, как прокаженный сунул руку в костер, чтобы достать картофелину из раскаленных углей. Бренд знал, что вскоре придется лечить этого человека, обрабатывая его раны, возникшие не от проказы, а от ожогов. Этот крестьянин, не чувствуя боли, невольно подверг себя страшным ожогам.

Бренд стал внимательно наблюдать за пациентами лепрозория в Индии. Как еще они могли ранить себя? Как-то он заметил человека, который работал в саду, не замечая крови, текущей по руке. Бренд осмотрел лопату и нашел гвоздь, торчащий из черенка как раз в том месте, где крестьянин обхватывал ее. Другие прокаженные руками тушили фитиль лампы, ходили босиком по осколкам стекла. Наблюдая за своими пациентами, Бренд начал формировать свою теорию о том, что проказа действует, в основном, как анестезия, а собственно поражение органов — это следствие. Однако для того, чтобы опровергнуть вековые медицинские теории, ему нужно было собрать больше фактов. Однажды, во время проведения исследований, доктор Бренд пошел за медикаментами в небольшой склад, находившийся за больницей. Он пытался открыть двери, но заржавевший замок не поддавался. Как раз в то время мимо пробежал один из его самых молодых пациентов, десятилетний мальчик маленького роста, которого явно плохо кормили. Бренд любил этого паренька, потому что у того был хороший характер.

«О, сахиб доктор, давайте я Вам помогу», — сказал мальчик и взял ключ. Он резко повернул ключ в замке. Бренд был поражен. Как этот слабенький паренек, который в два раза меньше его, мог продемонстрировать такую силу?

И тут он заметил что-то на полу... что это, капля крови? Доктор понял, что произошло. Осмотрев руку мальчика, он обнаружил, что с его указательного пальца во время поворота ключа до такой степени была сорвана кожа, что обнажились кость и сухожилия. А мальчик даже ничего не заметил! Для него это ощущение ничем не отличалось от других, как если бы он, скажем, поднял камень или играл монетой в кармане.

После этого случая Бренд удвоил свои усилия по проверке теории о проказе как о вторичной, а не первичной причине ран. Он стал ежедневно осматривать руки своих пациентов, записывая причину появления волдыря, язвы или пореза. Он понял, что его пациенты находились в постоянной опасности оттого, что не чувствовали боли. Болезни ног объяснялись просто. Если больной проказой, подвернув ногу, потянул мышцу или порвал сухожилие, он шел дальше как ни в чем не бывало, возможно, лишь прихрамывая. Поскольку отсутствует предупредительная система, пациент не чувствует необходимости дать ноге отдых или обратиться к врачу, что в итоге приводит к еще более серьезным повреждениям. Но наиболее труднообъяснимые случаи происходили ночью. Во время сна у пациентов исчезали куски пальцев рук и ног.

Как такое могло происходить? Бренд вскоре нашел неутешительный ответ: в открытые помещения, где спали больные, пробирались крысы и обгрызали концы их пальцев. Не чувствуя боли, пациенты продолжали спать и только утром сообщали доктору Бренду о своих новых ранах. В результате, в лепрозории установили строгое правило: каждый выписывающийся больной должен был брать с собой кота для охраны от грызунов.

Слушая, как доктор Бренд рассказывает все эти страшные истории, я начинал понимать, что, говоря: «Слава Богу за боль!» — он произносил эти слова абсолютно искренне. Для него боль — это действительно великий Божий дар, которым он хотел бы поделиться с пятнадцатью миллионами больных проказой. Проведя в Индии двадцать лет, доктор Бренд начал работать в исследовательском центре болезни Хансена* в Луизиане, в г. Карвилле. Там, работая под эгидой

Общественной службы здравоохранения США, он имел возможность продолжить свои исследования и, возможно, помочь многим пациентам по всему миру. Я впервые встретился с доктором Брендом в больнице г. Карвилла, и с тех пор я совершенно по-иному воспринимаю боль. Поскольку к прокаженным, обычно, относятся предвзято, больница находится в отдаленном районе, и туда непросто добраться. Она была построена в 80-х на болотистых берегах Миссисипи, на территории бывшей плантации (чтобы не тревожить понапрасну соседей, при покупке земли указывалась цель — разведение страусов).

Центр для прокаженных занимает 337 акров земли. Кроме оснащенных современным оборудованием медицинских зданий, здесь также есть площадка для игры в гольф и озеро. Раньше больница была окружена колючей проволокой, но теперь там с радостью принимают посетителей. Для них три раза в день проводятся экскурсии. Приятная атмосфера, здания, построенные с учетом нужд пациентов на инвалидных колясках, бесплатное лечение с использованием современнейших лекарств — на первый взгляд пациентам, живущим здесь, можно даже позавидовать. Теперь эта болезнь контролируется с помощью лекарств, и в большинстве случаев ее прогресс может быть остановлен на начальных этапах. Но, как я вскоре узнал, один ужасный аспект проказы остается — это потеря чувства боли.

Посещение Карвилла

Итак, я нахожусь в клинике для прокаженных г. Карвилла. Около телемонитора полукругом расположились два физиотерапевта, медсестра и доктор Бренд. Вместе они будут оценивать состояние трех пациентов, больных проказой. Первым входит уроженец Гавайских островов среднего возраста по имени Лу. Я замечаю, что у него больше видимых физических недостатков, чем у большинства других пациентов. Он прибыл в Карвилл с прогрессирующим случаем болезни. У него не было ни ресниц, ни бровей, что

придавало его лицу оголенный, неестественный вид. Поскольку его веки парализованы, у него обильно выделяются слезы и кажется, что он постоянно плачет.

Доктор Бренд еще раньше рассказал мне, что Лу практически ничего не видит. Он ослеп потому, что не чувствовал боли. Микроскопические, находящиеся на поверхности глаза и передающие боль клетки перестали подавать сигналы раздражения, заставляющие глаза моргать. В результате того, что Лу моргал недостаточно часто, его глаза постепенно высохли.

Предотвращение слепоты — одна из наиболее сложных задач, которую пытаются разрешить в Карвилле. Несколько пациентов лишили себя зрения, просто умываясь: их бесчувственные руки не передали в мозг сигнал о том, что из крана течет кипяток.

Кроме того, что Лу лишился зрения, он также страдает от многих других побочных эффектов проказы. На ногах у него нет пальцев — он потерял все десять пальцев по причине инфекции и от нечаянных повреждений, которые он сам себе наносил. На его руках — глубокие трещины и шрамы. Но Лу прибыл в Карвилл, в основном, из-за психологических, а не физических проблем. Лу кажется, что дверь между ним и остальным миром наглухо закрыта. Он не может видеть людей. Он настолько потерял чувствительность, что не ощущает рукопожатия или любого другого прикосновения. Только его слух пока остается неповрежденным, но он боится, что и этот контакт с миром вскоре оборвется: новое экспериментальное лекарство, которое он принимает, оказывает негативный эффект на его слух.

Дрожащим от волнения голосом Лу рассказывает, как он любит играть на арфе. Наигрывая гавайские мелодии, которые он помнит с детства, он может предаться воспоминаниям о прежних днях. Будучи искренним христианином, он поет и песни прославления Господу, а иногда играет на арфе в церкви. Для того, чтобы играть, он вынужден прикреплять медиатор к большому пальцу, в котором еще немного сохранилась чувствительность. Ощущая вибрацию струн, он может играть. Но его большой палец недостаточно чувствителен для того, чтобы зарегистрировать и передать боль. Часы занятий на арфе сделали его палец мозолистым, затверделым, а теперь на нем появилась рана. До сих пор он боялся приходить в клинику.

«Можете ли вы помочь мне, чтобы я смог продолжать играть, не повреждая палец?» — спрашивает он. Говорит он с акцентом, а в голосе звучит мольба.

Группа докторов и физиотерапевтов рассматривают руку Лу на телевизионном мониторе. Они пользуются термографическим способом обследования, когда специальный аппарат регистрирует тепловое излучение и отображает различные его уровни на экране яркими цветами. Эту же технологию используют на спутниках, определяя погодные условия. На термограмме рука Лу выглядит как яркий орнамент из желтого, фиолетового, малинового и спектра других цветов. Самые холодные части руки окрашены в зеленый или голубой цвет. Ярко-красный — это цвет, указывающий на инфекцию: к этому месту приливает кровь, повышая температуру. Особо опасные места окрашены в желтый цвет. Большой палец Лу выделяется на термограмме: он воспален от частого использования и окрашен в желтый цвет.

Термография революционизировала методы лечения в Карвилле, потому что она служит как система предупреждения для бесчувственного человека. К сожалению, в отличие от естественной системы передачи боли, с помощью этой технологии можно заметить опасность только после стрессового периода, а не в то самое время, когда происходит

повреждение. Человек, у которого система передачи боли функционирует нормально, обратился бы за помощью намного раньше. Палец давно бы уже привлек к себе внимание здорового человека — пульсирующая боль не давала бы ему покоя, требуя лечения и отдыха. Но у Лу, к сожалению, нет боли. Он никогда не узнает, когда именно снова повредит свой палец. Группа специалистов разрабатывает специальную перчатку, которая подойдет Лу и уменьшит нагрузку от медиатора. Доктор Бренд строго наказывает Лу, чтобы тот

давал больше отдыха пальцу, всегда носил перчатку и приходил в клинику каждую неделю. Но после того, как Лу уходит, физиотерапевт говорит пессимистически: «Лу терпеть не может перчаток. Они привлекают внимание посторонних, и, к тому же, он будет хуже чувствовать медиатор. Вероятнее всего, он поносит ее день-другой, а затем выбросит».

Лу все больше отстраняется от людей по мере снижения своих чувств — зрения, слуха, осязания. А теперь и то, что он страстно любит, его самовыражение посредством музыки, возможно, будет отобрано у него. Вероятно, он вернется в клинику через несколько недель с другой инфицированной раной, которая оставит неизлечимые повреждения на пальце. Может быть, он вообще потеряет палец. Но в Карвилле никого не принуждают к лечению. Не обладая системой боли, которая заставила бы его действовать, Лу легко может просто проигнорировать предупреждение термограммы.

Швабра и туфля

В комнату входит другой пациент, Гектор. Хотя на его лице нет уродующих следов болезни как у Лу, взглянув на него, я едва сдерживаюсь, чтобы не выдать своего состояния. Я шокирован. Я несколько привык к разным цветам на мониторе, но не на лице человека. У Гектора синяя кожа! Заметив мою реакцию, доктор Бренд шепотом объясняет мне, что организм Гектора не принимает лекарства «сульфон», которое обычно применяется для лечения проказы, и врачи проводят эксперименты с другим лекарством, которое носит синюю окраску. Больной с радостью согласился пожертвовать нормальным цветом своей кожи, лишь бы остановить распространение проказы в своем теле.

Гектор явно пытается помочь врачам, отвечая на все вопросы обдуманно, по-техасски растягивая слова. Нет, у него не было проблем со времени последнего посещения клиники. Термограмма, однако, не согласна с его ответом - на ней видно красное пятнышко между большим и указательным пальцами. При наружном осмотре инфекции не видно, но внутри — гноящаяся рана. Задавая массу вопросов, как группа следователей подозреваемому, доктор Бренд и другие просят Гектора вспомнить, что он делал в этот день. Как он бреется? Как обувается? Работает ли он? Играет в гольф? В бильярд? Где-то на протяжении дня Гектор слишком сильно сжимал что-то между большим и указательным пальцами.

Если они не выяснят, какие именно его действия вызвали инфекцию, это приведет к дальнейшим, более серьезным заболеваниям.

Наконец, Гектор определяет проблему. Он работает продавцом, а в конце рабочего дня помогает навести в магазине порядок и моет шваброй пол, чтобы на нем не осталось следов разлитых напитков. Движения взад-вперед, сопряженные с неспособностью Гектора чувствовать, насколько сильно он сжимает ручку швабры, повредили ткани внутри его большого пальца. Тайна разгадана.

Гектор горячо благодарит группу медиков. Один из них пишет записку начальнику магазина с просьбой найти Гектору другое занятие вместо мойки полов.

Входит следующий пациент — Хозе. В отличие от большинства пациентов в Карвилле, Хозе одет по последней моде. Брюки выглажены, хлопчатобумажная рубашка ладно подогнана. Его туфли совсем не такие, какие носят большинство пациентов, — черные ортопедические туфли. Нет, на нем — модные, до блеска начищенные коричневые туфли с острым носком. Вообще, проблема как раз в них, в туфлях. Он безупречно одевается потому, что работает продавцом мебели у себя в Калифорнии. Работники клиники не раз пытались убедить Хозе, что ему необходимо носить не самую модную, а более удобную обувь, но он не соглашался. Для него собственный имидж важнее, чем то, в каком состоянии находятся его ноги. Когда Хозе снимает туфли и носки, я вижу, что его ноги ужасно изранены. Раньше такого я не видел. Там, где должны были быть пальцы, не осталось и бугорка. За

многие годы болезни его ноги превратились в округлые культи, будто пальцы были ампутированы. Поскольку у больного нет пальцев на ногах, при ходьбе изнашиваются даже сами ступни. Термография рисует ясную картину происходящего. Доктор Бренд обращает внимание Хозе на ярко-желтые участки, указывающие на распространяющуюся инфекцию. Обыкновенно, в такой ситуации человек начал бы хромать или изменил походку, подобрал бы более удобную обувь. Но Хозе не чувствует сигналов опасности. Медики поочередно пытаются убедить Хозе в серьезности проблемы, но он вежливо отказывается носить туфли, изготовленные в Карвилле. Они кажутся ему тренировочной обувью для калек. Как только покупатели увидят эту обувь, считает он, они сразу же поймут, что с ним что-то не в порядке. На его лице и руках — почти никаких следов болезни. Он не позволит, чтобы обувь выдавала его.

В конце концов доктор Бренд вызывает специалиста по изготовлению обуви и просит его поработать над туфлями Хозе, сделать их более свободными. После того, как последний пациент покинул здание, доктор Бренд обращается ко мне: «Часто мы считаем, что боль только ограничивает нас, мешает быть счастливыми. А мне кажется, она дает свободу. Посмотри на этих людей. Лу — мы напряженно работаем над тем, чтобы он снова обрел свободу на элементарном уровне и смог играть на арфе. Гектор — он даже не может вымыть полы, не повредив себе. А Хозе не может красиво одеваться и нормально ходить. Для этого ему необходим дар боли».

Безразличие, несущее смерть

Проказа — это не единственная болезнь, повреждающая систему передачи боли. Результаты исследований, проводимых в Карвилле, также используются для лечения других болезней, поражающих чувствительность. В тяжелых случаях диабетики тоже теряют ощущение боли и встречаются с теми же проблемами. Многие из них потеряли пальцы на руках и ногах и даже целые конечности в результате несчастных случаев, которые произошли потому, что больной не чувствовал боли. Алкоголики и наркоманы также могут убить свою чувствительность — каждую зиму алкоголики замерзают на улицах, потому что не чувствуют жгучего мороза.

Некоторые вообще рождаются с поврежденной системой передачи боли, и многие из них также обращаются за помощью в Карвилл. Редкая болезнь, которую неформально называют «врожденное безразличие к боли», позволяет человеку слышать сигналы об опасности. Но так же, как световые и звуковые сигналы доктора Бренда, эти предупреждения не несут боли. Больной, проведя рукой по горячей плите, ощутит то же, что он почувствует, проведя рукой по поверхности асфальта, — оба ощущения будут нейтральными. Особенные трудности возникают у родителей, которые воспитывают детей с врожденным безразличием к боли. Родители рассказывали об ужасном случае, который произошел с их больной девочкой, когда у нее появились первые четыре зуба.

Мать услышала, что девчушка смеется и воркует в соседней комнате, и зашла, чтобы посмотреть, что происходит, думая, что дочка нашла себе новую забаву. Войдя в комнату, мать в ужасе закричала. Дочка откусила себе кончик пальчика и, смеясь, рисовала на полу кровью.

Как объяснить таким детям, что спички, ножи, лезвия - очень опасны? Как их наказывать? Маленькая девочка, видя, какой эффект произвела ее «игра» на маму, стала использовать этот способ для того, чтобы установить над матерью свой контроль. Если мать запрещала ей что-то делать, девочка брала палец в рот и начинала его кусать. К шестнадцати годам у нее на руках не осталось пальцев.

Это редкая болезнь — в медицине зарегистрировано всего около ста случаев заболеваний. Семилетняя девочка ковыряла в носу, пока там не появились язвы. Восьмилетняя девочка в Англии, разозлившись, вытащила почти все свои зубы, оставив только восемь, и достала глаза из глазных впадин. Больные дети могут удивлять своих друзей, прокалывая иглой пальцы и показывая другие «удивительные трюки».

Нечувствительность к боли обрекает таких людей на жизнь в постоянной опасности. Они могут вывихнуть руку или ногу и не подозревать об этом, или прикусить язык, жуя жевательную резинку. Суставы изнашиваются быстрее, потому что им не приходит информация относительно нагрузки, которая на них возлагается. Одна больная женщина умерла, потому что просто не могла чувствовать головную боль, извещавшую о серьезной проблеме.

Эти люди не нуждаются в анестезии во время операции, но как они могут узнать, когда им нужна операция? Если здоровый человек чувствует определенные симптомы, сообщающие о возможном сердечном приступе или больном аппендиците, они не чувствуют ничего. В случаях, когда большинство встревоженных болью людей реагируют мгновенно, люди, ее не чувствующие, должны внимательно следить за своим телом — не возникло ли каких-то намеков на болезнь? А потом нужно решать, что предпринимать. Ощущение щекотки внутри живота — а не значит ли это, что лопнул аппендикс?

Учебники по медицине сделали много, чтобы убедить меня в ценности боли еще до приезда в Карвилл. Я уже начинал понимать, что даже в случае с Клаудией Клакстон, корень проблемы — это не боль, а болезнь. Тело Клаудии использовало боль просто как агента, который верно доносил ей информацию о том, что ее поражали раковые клетки и радиация. Не будь этих предупреждений, она бы умерла, не зная о присутствии болезни в ее теле.

Покидая спустя неделю Карвилл, я увозил с собой незабываемые картины. Как только я чувствую недовольство на Бога из-за какой-либо боли, я вспоминаю Лу: бегающие глаза, лицо в шрамах, неспособность почувствовать прикосновение другого человека, страстное желание сохранить способность играть, чтобы не расстаться с музыкой -последней любовью в его жизни. Боль позволяет нам, тем, кому посчастливилось иметь ее в своем защитном арсенале, свободно жить и действовать. Если вы сомневаетесь в этом, посетите лепрозорий и сами понаблюдайте за тем, что происходит в мире без боли.

Боль — это не неприятное чувство, которого нужно избегать любой ценой. Тысячу раз в день боль помогает нам нормально существовать на этой планете. Если мы здоровы, боль напоминает нам, когда нужно сходить в туалет, когда сменить обувь, когда нужно легче держать швабру, когда нужно моргнуть. Без боли мы бы жили в постоянном страхе,

будучи беззащитными перед опасностями и не чувствуя их. Для человека, не чувствующего боли, единственное безопасное место — в постели... да и там у него станут образовываться пролежни.

Глава 4. Агония и экстаз

*«Удовольствие — оно настолько необычайно.
Но любопытно то, что оно сродни боли, которая,
казалось бы, противоположна ему... Если кто-то-
ищет удовольствия, ему обычно приходится
и пострадать, и наоборот, довольствие и боль —
как два разных тела, у которых одна голова».*
— Сократ

Когда мы поставлены перед фактами, мы соглашаемся, что боль или, по крайней мере, определенные ее дозы, необходимы человеку. Если бы не было предупреждающей системы боли, наша жизнь проходила бы под постоянной угрозой невидимых опасностей. Но еще меньше внимания мы уделяем тесной связи между болью и наслаждением. Эти два чувства иногда настолько близки, что их не различить. Боль — это важная часть наиболее удовлетворяющих нас чувств. Странно звучит? Возможно, ведь современная культура кричит об обратном. Нам говорят, что боль — это противоположность наслаждению. Если вы чувствуете легкую головную боль — заглушите ее скорее с помощью новейшего болеутоляющего средства. Появился легкий насморк — обязательно воспользуйтесь лекарством от насморка. Вам показалось, что у вас запор? Немедленно зайдите в аптеку и выберите подходящее средство из широчайшего набора конфет, жидкостей, таблеток и клизм.

Я вспоминаю замечание Тиелике о том, что американцы недостаточно понимают страдание. Неудивительно. Мы, современные люди, как бы отрезали себя от потока истории человечества, где страдание принималось как естественная составная жизни. До недавнего времени любой взвешенный взгляд на жизнь включал в себя боль, как нечто обыкновенное, естественное. Теперь боль — это то, что нарушает порядок жизни.

Позвольте мне тут же заметить, что я покупаю в магазинах мясо, которое хорошо упаковано, работаю в офисе с кондиционером и ношу туфли, дабы сохранить свои ступни при ходьбе по чикагским тротуарам. Но я отдаю себе отчет в том, что, пользуясь всеми этими удобствами и привилегиями, я не в состоянии видеть мир и страдание так, как видели его живущие до нас, да и те, кто принадлежит сегодня к двум третям жителей планеты, у которых таких удобств нет. Как и большинству американцев, мне кажется, что боль — это чувство, которое необходимо подавлять с помощью новых технологий. Такой неверный взгляд на вещи подпитывает наше убеждение в том, что боль и удовольствие диаметрально противоположны; об этом нам говорит сам образ жизни.

Лауреат Нобелевской премии Джордж Уолд размышляет об этом: «Представьте себе: мне шестьдесят девять лет, и я еще ни разу не видел, как умирает человек. Я даже никогда не находился в одном доме с умирающим. А что можно сказать о рождении? Только в прошлом году меня пригласили понаблюдать за родами. Подумайте: ведь это величайшие события человеческой жизни, а нас отстранили от них. Мы хотим, чтобы наша эмоциональная жизнь была полной, и в то же время методично отгораживаем себя от самых глубоких источников человеческих эмоций. Если вы никогда не испытывали боли, вам будет сложно понять, что такое радость».

«Шум в мозгах»

В какой-то мере мозг человека напоминает электронный усилитель, координирующий сигналы, поступающие из самых разных источников. Вместо сигналов, идущих от проигрывателей компакт-дисков, видеомагнитофонов, магнитофонов, мы принимаем сигналы из таких источников, как осязание, зрение, вкус, слух и обоняние. В здоровом теле боль — это только один из сигналов, предназначенный для того, чтобы сообщать нам о нашем состоянии.

Если орган, передающий чувства, начинает хуже работать, мозг автоматически повышает мощность поступающего от него сигнала. Иногда человек, болеющий проказой, не замечает потери осязания, пока оно не исчезнет полностью — его мозг увеличивал мощность слабых сигналов до тех пор, пока сенсоры совсем не умерли, перестав подавать сигналы вообще. Современная культура удручает меня потому, что, пытаясь уменьшить громкость боли, она постоянно повышает громкость других источников. У нас есть уши. Их бомбардируют децибелами до тех пор, пока человек не теряет способность улавливать нежные тона. Послушайте музыку любого другого столетия — двенадцатого, шестнадцатого, даже девятнадцатого — и сравните ее с сегодняшней музыкой. У нас есть глаза. Мир атакует их неоновыми огнями и флуоресцирующими цветами до тех пор, пока закат или бабочка не начинают блекнуть в сравнении с ними. Представьте, какой эффект оказывала разноцветная бабочка на крестьянина в средневековой Европе в сравнении с эффектом, производимым бабочкой сегодня в Лас-Вегасе. У человека есть обоняние. Сегодня лекарственные препараты для носа приходят в печатном виде, на страницах журналов. Все, что нужно сделать — это поскрести ногтем по бумаге и понюхать. Для нас запах естественного мира — это запах аэрозолей из гардеробов в наших домах и вредных частиц, загрязняющих воздух на улице.

Людей, переполняющих себя чувствами, часто с помощью химикатов, до такой степени, что они становятся практически бесчувственными, иногда называют «окаменелыми». Следуя аналогии усилитель/мозг, я предпочитаю использовать слово «оглушенные». Живя во время стремительного развития техники, люди и, особенно, молодежь часто ошибаются, принимая подделки за истинное удовлетворение и воспринимая жизнь как видеоигру. Для них удовольствие — это не цель, которую нужно достигать, преодолевая препятствия. Удовольствие — это что-то уже готовое, нужно просто пристегнуться и — вперед на американские горки. Проблемы с наркотиками в США — наглядный тому пример: искажая восприятие человека, химические возбудители открывают новый мир поколению, которое не научилось еще ценить мир реальный. Нет, нам недостаточно походить у озера и послушать лягушек и сверчков, посмотреть, как черепахи, словно подводные лодки, плюхаются в воду; нам недостаточно уловить легкий запах цветов или побыть на границе пустыни, где природа более жестка. Нет, вместо этого мы смотрим передачи о природе, сидя у экранов телевизоров, излучающих низкочастотную радиацию, и получаем стимуляцию чувств только посредством зрения. Нам кажется, что мы были на Эвересте, а на самом деле некоторые из нас никогда еще не пытались взобраться на Аппалачи.

Замена естественных ощущений поддельными оказывает неблагоприятный эффект на организм человека. Наши чувства, как и мышцы, могут атрофироваться. Французские ученые доказали это с помощью экспериментов, помещая человека в темный изолированный бассейн с теплой водой. Не имея внешних стимулов, чувства начинали отказывать. Вскоре человек становился нервным, терял ориентиры и у него начинались галлюцинации. Летчики, летающие на большой высоте, а также военные, охраняющие

удаленные объекты, испытывают подобные галлюцинации. Если мозг не получает никакой информации от тела, похоже, он пытается создать свою «реальность».

С другой стороны, человек, регулярно пользующийся своими чувственными способностями, может выработать даже большую чувствительность. Нервные окончания становятся более чуткими, если ими пользуются. Некоторые ученые считают, что кончики пальцев имеют такую высокую чувствительность именно потому, что с младенческого возраста мы постоянно ими пользуемся. Подобным образом можно увеличить чувствительность кожи, если, например, каждый день расчесывать руку нейлоновой щеткой. В результате, поверхность кожи будет улавливать намного более широкий спектр чувств, приносящих наслаждение и боль.

Хожение босиком также помогает повысить и разнообразить чувствительность кожи, особенно если ходить по песку на пляже или по траве. Нежные и не похожие друг на друга прикосновения травы к ногам подают в мозг сигналы, которые важны для нормального развития мозга.

Вот почему доктор Бренд полушутя-полусерьезно говорит, что малышам лучше спать не на мягких пуховых, а на жестких кокосовых матрасах. Если постоянно окружать ребенка мягкими вещами и нежными прикосновениями, его нервы развиваются не так активно, и это в результате ограничивает спектр чувств, которые он сможет воспринимать. Бренд также признается, что только благодаря протестам жены он не стал обносить колючей проволокой ме--сто, где игрались его малые дети. Жестоко? Но ребенок просто понял бы, что определенные вещи (такие, как нож или горячая плита) трогать не следует, так как они могут принести боль. Он считает, что чем больше нежишь детей, тем более изолированная жизнь их ожидает, потому что им будет очень не хватать чувствительности. Доктор Бренд старается придерживаться этих принципов на протяжении всей своей жизни, даже когда приближаются последние десятилетия его жизни. «Когда-то я считал, что боль и счастье — это противоположные вещи. В то время я бы изобразил жизнь в графическом виде, как два пика по обе стороны графика со впадиной посередине. Пик слева — это боль и полное отсутствие счастья, пик справа — полное счастье или блаженство. Посередине — нормальная, тихая жизнь. Моя задача, думал я, — идти от боли в сторону счастья. Но теперь я понимаю жизнь по-другому. Сегодня я изобразил бы жизнь иначе. Посередине графика я бы начертил один пик, окруженный пустотой. Пик — это Жизнь с большой буквы, это состояние, где встречаются боль и наслаждение. Окружающая пустота -это сон, апатия или смерть».

Боль и наслаждение

Природа всегда бережлива и использует те же нервные окончания и пути для передачи и боли, и наслаждения. На клеточном уровне чувства от укуса комара (неприятное) и от легкой щекотки (приятное) практически идентичны. Разница только в том, что при щекотке какой-то посторонний предмет воздействует на нас - по коже проводят перышком, пальцами раздражают чувствительные участки кожи. Те же нервные окончания регистрируют и передают в мозг идентичные сигналы, просто мы их по-разному интерпретируем, считая одно приятным, а другое — неприятным.

В теле нет датчиков, предназначенных исключительно для приятных чувств. Сенсоры в пальцах, передающие в мозг информацию о температуре, о силе легкого удара током либо о шероховатости определенной поверхности, передают также информацию о прикосновении к вельвету или сатину. Даже сенсоры, передающие сексуальное наслаждение, используются и для регистрации тревожных сигналов. Анализ эрогенных зон указывает на обилие осязательных клеток (что объясняет и повышенную

чувствительность к боли в этих зонах), но не обнаруживает клеток, предназначенных исключительно для передачи наслаждения. Природане расточительна. Некоторые виды боли — например, когда вы ногтем надавливаете на место, где вас укусил комар, или потягиваетесь, растягивая усталые мышцы, -- считаются скорее приятными, чем неприятными. Возвратившись со склона горы, где я в течение целого дня катался на лыжах, я спешу найти ванну с обжигающе горячей бурлящей водой. Посидев несколько минут около воды, я несмело окунаю в воду ногу. Ой! Резкий сигнал боли. Я ретируюсь, а потом снова пробую. Я уже по лодыжку в воде, и боль намного слабее. Я постепенно окунаюсь в воду. Вода, которая несколько минут назад причиняла мне боль, теперь кажется чудесной. Мои натруженные мышцы чувствуют себя прекрасно. (Мази типа «Бен Гей» действуют по тому же принципу — производя легкое раздражение кожи, они обеспечивают прилив крови к месту боли, а кровь приносит успокоение натруженным мышцам.)

Эта тесная связь между болью и наслаждением существует не только на клеточном уровне, но и прослеживается в случаях, когда задействовано все тело. Часто наиболее яркое наслаждение приходит после долгого напряжения.

Однажды я пошел в поход, составленный по программе «В природу!», в северных лесах штата Висконсин. Подобные программы приносят мгновенное исцеление тем, кто чувствует себя оторванным от естественного мира или от чувства боли. Подъем в четыре утра, лазанье по каменной стене без перчаток, марафон после десяти дней в лесу, вторжение в логово черных мух и «невидимой мошкары» — такие удовольствия ожидают изнеженного горожанина. Никогда в жизни я не чувствовал себя более усталым, чем в конце дня, закинув свое изможденное тело в спальный мешок, еще не просохший после вчерашней росы. Несмотря на усталость, нормально выспаться все равно не удавалось благодаря «невидимой мошкаре», которую не останавливает никакая сетка и которая жалит больнее, чем любая пчела.

Но сегодня, припоминая тот поход, я в первую очередь вспоминаю, как изменились мои чувства. Казалось, они ожили. Я дышал этим лесным воздухом и, казалось, чувствовал его вкус, притом совсем не так, как я чувствую вкус чикагского воздуха, когда я дома. Я замечал и слышал то, что обычно упускал из виду.

Однажды, пройдя в жару полдня по пыльной дороге с тридцатикилограммовым рюкзаком за плечами, мы остановились на короткий привал. Один из членов группы, следуя за пчелой, обнаружил неподалеку поляну, усеянную земляникой. Ни один уважающий себя владелец овощного магазина не стал бы продавать такую землянику — ягоды были маленькими, некрасивыми и пыльными. Но мы не обращали на это внимания: они были съедобны и содержали в себе немного воды, а что еще нужно?

Отправив в рот пригоршню собранных мною ягод, я сразу почувствовал вкус сладкого, приятного земляничного сока, разливающегося во рту. Мне никогда не приходилось пробовать ничего вкуснее этих, наполовину высохших на солнце, лесных ягод! Я скорее взялся собирать их в полиэтиленовый мешочек, чтобы поесть еще и после обеда. Сначала мне казалось, что мы нашли новый сорт вкуснейших ягод, и наша находка произведет революцию в садоводстве. Но потом я все-таки понял, что дело здесь не в ягодах, а в моем состоянии. Активность тела и использование всех моих чувств открыли во мне новый уровень восприятия удовольствий. Я бы никогда не почувствовал прекрасного вкуса этих ягод, если бы сначала не провел полдня в дороге под жарким солнцем и не проголодался. Все это оживило мой вкус.

Спортсмены хорошо понимают, что значит это странное братство боли с наслаждением. Понаблюдайте за штангистом на олимпиаде. Он подходит к массивной стальной штанге, делает глубокий вдох, разминает мышцы, наклоняется, примеряется к штанге. Затем он присаживается на корточки, делает глубокий вдох, напрягает все свое тело и делает рывок. О! Какая боль на лице штангиста! Во время толчка каждая доля секунды рисует на его лице еще одну линию агонии. Кажется, его напряженные мышцы кричат: «Хватит!» Если толчок удался, он бросает штангу на пол и подпрыгивает, хлопая руками над головой. За какую-то долю секунды агония сменяется торжеством победы. Не будь агонии, не было бы и торжества. Если вы спросите у штангиста, что он думает о боли, он удивленно посмотрит на вас, не понимая, о чем речь. Он уже забыл о боли, потому что она поглощена волной наслаждения.

Лин Ютанг в своей книге «Моя страна и мой народ» описывает один из аспектов философии древних китайцев: «Быть томимым жаждою, идя по пыльной дороге в жару, и вдруг почувствовать на коже капли дождя — разве это не счастье? Да просто когда чешется в неудобном месте и вы, наконец, вышли из комнаты, полной друзей, и уединились — разве это не счастье?» В длинном списке Ютанга почти каждое удовольствие сопряжено с болью.

В «Исповеданиях» Августина выражается очень похожая мысль: «Что же, — пишет он, — происходит с душою? Почему она больше наслаждается тем, что находит или что ей возвращают, нежели тем, чем всегда обладала?» Далее Августин пишет о генерале, который испытывает наивысшее торжество победы, если битва была особенно опасной; о моряке, который наслаждается штилем после ужасного шторма; о больном, который, выздоровев, от простой ходьбы испытывает радость, какую до этого не испытывал никогда в жизни. «Всегда, — заключает Августин, — большей радости предшествует большее страдание». Как и другие отцы Церкви, он понимал, что, если ограничить одни чувства, например, с помощью поста, другие чувства обостряются. Глубокие духовные процессы лучше всего проходят в пустыне.

Я надеюсь, что когда состарюсь, я не должен буду дышать через респиратор, проводя дни в постели, в стерильной палате, где нет микробов. Не хочу, чтобы меня охраняли от опасностей. Я хочу быть на теннисном корте, заставляя сердце напрягаться при мощной подаче. Или буду пыхтеть и кряхтеть, двигаясь по тропинке к водопадам Йосе-митской долины, чтобы еще раз почувствовать освежающую водную пыль на своей морщинистой щеке. В общем, надеюсь, что я не должен буду настолько изолировать себя от боли, чтобы потерять способность воспринимать наслаждения.

Дружите с врагами

И спортсмены, и художники знают, что практически все достижения человечества — это результат длительного, титанического труда. Для того, чтобы закончить работу над фресками Сикстинской капеллы, Микеланджело понадобились многие годы — годы труда и страданий. Но сколько людей потом получили удовольствие, смотря на них! Каждый из нас, кто делал ремонт на кухне или ухаживал за огородом, понимает это, хотя, возможно, на другом уровне — наслаждение, приходящее после боли, поглощает ее. Иисус использовал в качестве примера рождение ребенка: девять месяцев ожидания и подготовки, мучительные роды, а затем — счастье рождения новой жизни (Иоан. 16:21).

Когда-то я брал интервью у Робина Грэма, самого молодого путешественника, совершившего самостоятельно кругосветное путешествие на паруснике. (О нем написана книга «Голубь» и снят одноименный фильм.) Робин начал свое путешествие, когда ему

исполнилось шестнадцать, -он не спешил взрослеть, ему хотелось приключений. И приключений у него хватало: лодку бросало в штормах, неистовая волна сломала мачту, а водяной смерч чуть было не лишил его жизни. Пересекая экваториальную штилевую полосу, где практически нет ветров и течений, он оказался в такой депрессии, что, облив лодку керосином, поджег ее и бросился за борт. (Внезапный порыв ветра, однако, ободрил его, и он, забравшись обратно в лодку, потушил огонь и продолжил путешествие.)

Через пять лет Робин прибыл в порт Лос-Анджелеса, где его приветствовали с кораблей, встречали толпы народа, от журналистов не было отбоя. Звучали пароходные гудки и сигналы машин, кругом были развешены приветственные плакаты. В тот момент он испытывал непередаваемую радость. Робин никогда не почувствовал бы таких эмоций, если бы просто возвращался с прогулки на яхте у берегов Калифорнии. Не будь трудностей во время кругосветного путешествия, не было бы и такого ликования триумфального возвращения. Он начал плавание, будучи шестнадцатилетним мальчиком, а возвратился двадцатидвухлетним мужчиной. Ощувив, насколько здорово он себя чувствует, достигнув своей цели, Робин купил участок земли в Монтане, г. Калиспелле, построил домик из бревен и стал в нем жить. Его забрасывали выгодными предложениями издательства, агенты киноиндустрии, предлагали рекламный тур по стране, участие в радиопрограммах, но Робин от всего отказался.

Мы, живущие в современных комфортных условиях, склонны винить в наших несчастьях боль, называя ее врагом номер один. Если бы мы только могли каким-то образом выбросить боль из своей жизни, тогда мы были бы полностью счастливы! Но жизнь не поддается такому простому разделению. Как в истории с Робинсом, часто боль является прелюдией к наслаждению и удовлетворению. Боль — это неотъемлемая часть мира чувств. Ключ к счастью — не в попытках избежать боли любой ценой, а в понимании ее роли в системе защиты и разумном ее использовании, таком, чтобы она работала на нас, а не против нас.

Я обнаружил, что этот же принцип можно обратить не только к боли, но и другим так называемым «врагам». Когда я встречаюсь с чем-то, что на первый взгляд кажется недобрым, я спрашиваю себя: «Могу ли я даже в этом найти нечто, за что можно быть благодарным?» К моему удивлению, я почти всегда прихожу к утвердительному ответу.

Например, страх. Что хорошего в страхе? Я знаю, какие процессы вызывает в организме страх. В результате повышения адреналина, сердце начинает биться чаще, повышается реакция, увеличивается сила мышц — и все это за мгновение, мгновение страха. Я пытаюсь представить горнолыжный спорт без предохраняющих реакций страха, которые хоть немного урезонируют меня. Страх, как и боль, является предохранительной системой, только страх действует до того, как человек попадает в беду.

Как-то швейцарского врача и писателя Поля Торнье спросили, как он помогает пациентам избавиться от страха. Он ответил: «Я не стремлюсь к этому. Все, что имеет истинную ценность в жизни, отделено от нас страхом. Выбор колледжа, профессии, женитьба, дети — это все страшит нас. То, что делать не страшно, скорее всего не обладает истинной ценностью».

Или другой так называемый «враг» — чувство вины. Чувство, знакомое всем, и от которого многие пытаются избавиться. Но представьте мир без чувства вины, общество, где нет ограничения в поведении. В юридической системе США вменяемость

определяется как способность различать добро и зло; мир без чувства вины скатился бы к безумию.

Чувство вины — это сигнал боли, идущий к совести, который информирует человека: что-то не в порядке и с этим нужно разобраться. Здесь необходимо предпринять два шага. Сначала человек должен найти причину чувства вины, так же, как он находит причину боли. Большая часть деятельности современных психологов заключается в том, что они помогают человеку отсеять сигналы ложной вины. Но необходим и второй шаг — процесс освобождения от чувства вины. На первый взгляд, от неприятного чувства вины, как и от боли, нужно просто поскорее избавиться. Но если взглянуть глубже, мы поймем, что необходимо разобраться с причиной, которая вызывает чувство вины. В конечном итоге, если вы просто избавитесь от чувства вины, не придя с его помощью к прощению и примирению, вы в проигрыше. Чувство вины само по себе, как и боль, не является самоцелью — оно просто направляет нас к той области, которая нуждается во внимании.

Или представьте себе мир, лишенный другого вида боли — боли одиночества. Существовала бы дружба и даже любовь, не будь у нас внутренней потребности к общению — влечения, которое не позволяет нам стать отшельниками? Выходит, нам необходима сила одиночества, которая бы подталкивала нас к общению с другими. Я не пытаюсь отвернуться от реальных страданий, существующих в нашем мире, никоим образом не хочу обесценить их. Тем не менее, когда происходит трагедия и мы не имеем контроля над ситуацией, мы все-таки в состоянии как-то контролировать нашу реакцию на происшедшее. Можно кричать, переполняясь злобой и обидой, о том, что жизнь несправедливо обошлась с нами, лишив нас удовольствия и радости. Или можно попытаться найти что-то доброе в неожиданных источниках, даже в наших явных врагах. Недавно в Лондоне провели опрос общественного мнения среди пожилых жителей города. К ним обращались с просьбой назвать наиболее счастливый период их жизни, и шестьдесят процентов ответили: «Время бомбежек». Каждую ночь эскадрильи толстобрюхих бомбардировщиков «Люфтваффе» сбрасывали на город тонны взрывчатки, разрушая до основания гордую цивилизацию, а теперь жертвы бомбежек вспоминают те времена с ностальгией! В те страшные, темные дни они научились держаться вместе и идти к общей цели. Они научились таким качествам, как смелость, надежда, участие, находясь в нужде.

Когда происходит что-то плохое — спор с женой, досадное непонимание с другом, боль вины за упущения — я пытаюсь смотреть на это так, как если бы это была физическая боль. Я принимаю это как сигнал того, что необходимо что-то изменить. Я пытаюсь быть благодарным не за собственно боль, а за возможность отреагировать на нее, выделить что-то доброе из того, что кажется нехорошим.

Неожиданное счастье

Иисус высказал парадоксальную сущность жизни в этих коротких словах, которые повторяются в разных Евангелиях: «Сберегший душу (жизнь) свою, потеряет ее; а потерявший душу свою... сбережет ее». Он говорит вопреки движению «за самоудовлетворение» в прогрессивной психологии, которая оказывается не такой уж прогрессивной. Христианство представляет более глубокий взгляд на вещи: удовлетворение приходит не посредством угождения своему «эго», но посредством служения другим. И это приводит меня к последнему примеру, относящемуся к принципу боль/наслаждение: примеру христианской концепции служения.

Когда я работал журналистом, мне приходилось брать интервью у самых разных людей. Оглядываясь назад, я могу разделить их на две группы: звезды и служители. Звезды — это известные футболисты, актеры, музыканты, писатели, дикторы телевидения и другие. Именно об этих людях пишут в журналах и передают по телевидению. Мы буквально выслеживаем их, хотим знать, во что они одеваются, чем питаются, каким видом аэробики увлекаются, кого любят, какой зубной пастой пользуются.

Но я должен сказать вам, что эти «идолы» — несчастные люди. У большинства из них — либо неудачные браки, либо разрушенные семьи. Почти все они ищут помощи у психологов. Иронично, но эти герои страдают, постоянно ставя под сомнение свои способности.

Я также встречался со служителями — такими людьми, как Пол Бренд, проработавший в селах Индии двадцать лет среди самых бедных людей — прокаженных. Я встречался с медработниками, которые, оставив высокооплачиваемые должности, поехали с миссией милосердия от церкви Менденхолл в какой-то отдаленный городок штата Миссисипи. Я встречался с работниками миссий милосердия в Сомали, Судане, Эфиопии, Бангладеше и других рассадниках человеческого страдания. Я встречался с докторами наук в джунглях Южной Америки, которые занимаются переводом Библии на неизвестные языки.

Я всегда был готов почитать этих служителей, говорить о них, приводя их в пример другим, но никогда им не завидовал. Однако теперь, сравнивая эти две группы людей, я прихожу к выводу, что по большому счету выигрывают служители. Они работают за небольшую плату, перетруждаются, не ища славы, «расточая» свои таланты и способности среди необразованных бедняков. Но, теряя свою жизнь, они ее обретают. Они получают мир — «не от мира сего». Когда я думаю о великих церквях, в которых бывал, на память приходит не какой-нибудь величественный собор в Европе. Нет, эти стали просто музеями. Мне приходит на память церковь в Карвилле, церковь в бедном районе Ньюарка с протекающей крышей и обваливающейся штукатуркой, миссионерская церковь в Чили, в г. Сантьяго, построенная из бетонных блоков и рифленого железа. В этих местах, находящихся в самой гуще человеческих страданий, я видел обилие христианской любви.

Лепрозорий в Луизиане, в г. Карвилле, — прекрасный пример действия этого принципа. Государственное агентство приобрело этот участок с целью построить комплекс для прокаженных, но никто не соглашался работать там -- расчищать дороги, ремонтировать домики, прорывать каналы — все боялись иметь что-либо общее с прокаженными.

Наконец, орден монахинь «Сестры милосердия» перебрался в Карвилл, чтобы ухаживать за прокаженными. Поднимаясь за два часа до рассвета, одеваясь в открахмаленные белоснежные балахоны, невзирая на жару, эти монахини жили более дисциплинированно, чем лучшая воинская часть. Они также доказали, что способны работать. Монахини копали ямы, закладывали фундамент, делали Карвилл уютнее, прославляя Бога и принося радость пациентам. Они испытывали то состояние, где боль и наслаждение, наверное, наиболее близки — жертвенное служение.

Если моя жизнь пройдет в поисках счастья с помощью наркотиков, удобств и роскоши — счастье ускользнет от меня. Правильно говорят: «Счастье бежит от тех, кто гонится за ним». Счастье придет ко мне неожиданно, как побочный результат, как сюрприз, как награда за то, что я сделал что-то доброе, вложив туда душу. И, вероятнее всего, это вложение будет сопряжено с болью. Трудно представить наслаждение без нее.

Часть 2. Боль — это сигнал от Бога?

Глава 5. Стонущая планета

«Представьте себе группу людей, живущих в одном здании. Половина из них думает, что они живут в гостинице, а другая половина — что это тюрьма. Тем, кто думает, что это гостиница, условия могут показаться невыносимыми, а считающим, что это тюрьма — на удивление хорошими. Так вот, то, что кажется нам отталкивающей доктриной сегодня, в конечном итоге укрепляет нас. Те, кто пытается видеть мир оптимистически, станут пессимистами; а люди, которые видят мир довольно жестким, станут оптимистами».
— К.шиив Льюис
«Бог на скамье подсудимых»

Подумайте о Земле, нашем доме. Окунитесь в летний закат со всем обилием цветов и легких оттенков. Пойдите босиком на мокром песке на берегу океана, чувствуя пену и легкие брызги волн. Или пойдите на выставку коллекций бабочек и всмотритесь в абстрактные рисунки на их крылышках — 10 тысяч разных вариаций, уместившихся на миниатюрных образчиках летающей ткани, более образных, чем творения любого абстракциониста! Верить в любящего Творца легче, окружив себя прекрасным.

Но солнце, которое раскрашивает на закате небо, также высушивает почву в Африке, обрекая на нищету миллионы. Ритмично бьющиеся о берег волны во время шторма превращаются в семиметровые стены смерти, сносящие с лица земли прибрежные поселки. А безобидные разноцветные бабочки, порхающие среди цветов, живут, в среднем, около двух недель, а потом становятся достоянием жестокого круговорота в природе. Природа - это не мать наша, а погибающая сестра. А земля, являясь прекрасным образцом творения Божьего, это хорошее, но все-таки подпорченное творение. Взгляните на человечество. Оно родило Баха, Бетховена, Лютера, Гете, но также произвело на свет Гитлера, Эйхмана и Геринга. Общество, построенное на принципах свободы, принесло нам также рабство и гражданскую войну. Как во всем человечестве, так и в отдельно взятой личности мудрость, творчество и милосердие соперничают с мошенничеством, гордостью и самолюбием. То же самое с болью. При ближайшем рассмотрении она покажется нам настоящим, достойным другом. С точки зрения специалиста, скажем, биолога, система передачи боли -- одно из наиболее замечательных созданий. Нервная система человека, несущая на себе отпечаток гениальности Творца, вызывает восхищение, подобно изящному полотну Рембрандта.

Но чаще всего боль напоминает о себе не посредством линз микроскопа, а через невзгоды, от которых мы пытаемся избавиться. Если соотносить каждый сигнал боли с определенной причиной, система передачи боли покажется рациональной и хорошо построенной. Но если мы посмотрим на все человечество, на эту корчащуюся от рака,

голодную, кровоточащую процессию миллиардов людей, движущихся к смерти, проблема встанет перед нами во весь рост.

«Проблема боли» включает в себя нечто намного более значимое, чем правильную реакцию нервных клеток. Что сказать о побочной реакции боли, о том, что она подталкивает душу к разочарованию и безнадежности? Почему жизнь одних омрачена артритом, раком или врожденным дефектом, а другие вообще не болеют в течение всех своих семидесяти лет?

Поэт Уильям Блэйк так суммировал существование человека: «Мама стонала, плакал отец. Я ворвался в этот полный опасностей мир».

Философы обожают огульные дискуссии на тему страданий всего человечества, будто их, страдания, можно собрать в один огромный котел и представить их Богу: «Вот боль и страдания Земли! Что Ты скажешь обо всех этих несчастьях?» Но, как заметил Иван Карамазов, персонаж великого произведения Достоевского, боль приходит к каждому человеку по отдельности, и незаслуженное страдание одного ребенка, бьющего себя кулаком в грудь, ставит; проблему не менее остро.

Возможно, система боли и была разработана как система предупреждения и предохранения, но где-то на нашей планете произошло замыкание, и боль в нашем мире сегодня бушует бесконтрольно. Нам, наверное, следует определиться с терминами. Слово «боль» будем употреблять, говоря о защитной системе организма, а слово «страдание» - о человеческих несчастьях. Ведь прокаженные не чувствуют боли, но их жизнь полна страданий.

Хотя многие люди, к счастью, не испытывают острой физической боли, никто не в силах избежать страдания хотя бы в одной из его форм: черта характера, разорванные взаимоотношения, незалеченные раны детства, удушающее чувство вины. Чтобы понять страдание, нужно отойти от микроскопа, где нервные клетки послушно отзываются на стимулы, и посмотреть прямо в лица людей, лица, полные агонии. Тогда вопрос: «Где Бог, когда я страдаю?» звучит несколько иначе: «Где Бог, когда страданиям нет конца?» Почему Бог допускает, чтобы человек так сильно и несправедливо страдал?

Лучший из возможных миров?

В течение многих столетий философы спорили на тему: «Является ли земля лучшим из возможных миров?» Истоки этих дебатов — в предположении, что всезнающий, всемогущий, любящий Бог, естественно, сотворил бы прекрасное место жительства для Своих творений. Но посмотрите, что творится на нашей планете: здесь рождаются дети с синдромом Дауна, здесь СПИД и полиомиелит, здесь скорпионы и мухи цеце, землетрясения и тайфуны. Неужели Бог не мог сотворить что-то лучшее? Как саркастически пишет Вольтер в своей повести «Кандид»: «Если это — лучший из миров, то каковы же остальные?»

В былые времена христианские теологи, такие, как Августин и Фома Аквинский, доказывали, что Бог действительно сотворил лучший из возможных миров. В наши времена, времена трагедий двадцатого века — трагедий естественных и сотворенных человеком, — только чрезвычайно смелый мыслитель смог бы произнести такое утверждение. Лично я не стал бы отстаивать такую точку зрения. Но одна из причин, по которой я столько времени уделил биологическому аспекту боли, — это мое убеждение, что современные философы, на мой взгляд, не берут в расчет сложности, которые несет

в себе сам акт творения. Им кажется, что Богу стоит только взмахнуть волшебной палочкой для того, чтобы стереть с лица земли большинство опасностей. Чтобы доводы критикующих эту планету звучали убедительно, им, по крайней мере, надо хотя бы описать, какой они видят лучшую Вселенную с полным комплектом естественных законов, Вселенную, в которой было бы намного меньше страдания. Вот несколько возможных вариантов. Почему бы не уничтожить все бактерии? Это была бы катастрофа: найдено более 24-х тысяч различных видов бактерий, и только некоторые из них несут болезни. Если убрать бактерии вообще — мы не сможем усваивать пищу. Тайфуны? В Индии и Бангладеше узнали на своем горьком опыте, что благоприятная погода напрямую связана с тревожными явлениями в природе: в годы, когда нет тайфунов, нет и дождей. Творение включает в себя выбор одного варианта из нескольких альтернативных. Если бы я, катаясь на лыжах, сломал ногу, то, может быть, захотел бы иметь более крепкие кости ног. Возможно даже, что их можно было бы сделать более прочными (хотя ученые пока не нашли более крепкого материала, который годился бы для замены кости), но тогда мои ноги были бы тяжелее и массивнее - в результате, скорее всего, я вообще не смог бы кататься на лыжах. Если бы пальцы человека были более толстыми и крепкими, — невозможно было бы играть на пианино.

Творец должен был выбирать между прочностью и мобильностью, весом и объемом. Доктор Пол Бренд должен был решать подобные проблемы, пытаясь разработать простые датчики боли, которые бы предохраняли руки прокаженных. Вот что он обнаружил:

«Чем больше я познаю естественный мир — атомы, Вселенную, твердые тела, молекулы, солнце и, больше того, переплетение механизмов, предназначенных для поддержания жизни, — тем больше поражаюсь. Все творение могло бы разрушиться, как картонный домик, если бы был нарушен только один фактор. Некоторые искренне верят, что точность и дизайн в природе — результат случайности, то есть, если миллионы молекул будут в постоянном взаимодействии, то, в конечном итоге, в самом оптимальном месте образуются нервные клетки. Таким людям я просто предлагаю попробовать создать систему, как делал я, и они поймут, насколько невероятна такая случайность.

Я провел большую часть своей жизни, делая операции на руках, и мог бы заполнить целую комнату книгами, которые объясняют различные виды операций на руках. Но я никогда не слышал, чтобы кто-то предложил операцию по улучшению здоровой руки. Рука создана по удивительному плану, и боль, естественно, — часть этого плана. У 99% людей руки абсолютно здоровы. Но в группе людей, неспособных чувствовать боль, все наоборот: у 99% из них руки либо функционируют неправильно, либо не функционируют вообще только потому, что у них расстроена система передачи боли».

Большая часть страданий на нашей планете является результатом двух принципов, соблюденных Богом при творении. Первый: физический мир существует на основании постоянно действующих естественных законов. Второй: человек свободен. Приняв решение придерживаться этих двух принципов, хороших самих по себе, Бог тем самым оставил людям возможность извращать их. Например, вода необходима всем нам и всему сотворенному — без этой «мягкой» жидкости нам не обойтись. Но в этой самой жидкости можно утонуть, что необходимостью не назовешь, а еще страшнее то, что в ней можно утопить ближнего.

Или другой пример — дерево. Оно приносит плоды, дает тень и является домом для птиц и белок. Даже срубленное дерево ценно для нас — мы используем его для отопления

помещений, строительства жилищ, изготовления мебели. Основные качества дерева — прочность, упругость, горючесть — делают его полезным для нас. Но как только вы посадите дерево с такими качествами в мире, населенном свободными людьми, появляется возможность злоупотребления им. Свободный человек может взять дубину и, пользуясь ее твердостью, разбить голову другому. Бог, наверное, мог бы всякий раз в подобных случаях превращать древесину в мочалку, чтобы удар был полегче, но не этим Он занимается в нашем мире. Он установил определенные физические законы, которые человек злой, либо неправильно понимающий свободу, может извращать. (Бог отвечает на подобные рассуждения в конце книги Иова. Выслушав жалобы Иова объемом в 35 глав, Он, наконец, лично является ему и говорит о величии сотворенного мира. Его речь поражает Иова. Бог указывает этому человеку на некоторые образцы Своего творения и дает возможность что-либо предложить для его усовершенствования. Может, у него есть предложения по улучшению существующего мира? Можно сказать, Бог там сравнивал свое резюме с резюме Иова — как вы думаете, кто победил?)

Несет ли Бог ответственность за страдания этого мира? Да, но не непосредственно. Подарить ребенку пару коньков, зная, что он может упасть, и толкнуть его, чтобы он разбил лицо об лед, — это далеко не одно и то же. В мире, где все происходит согласно установленным естественным законам и который населен наделенными свободной волей людьми, предохраняющая система боли также может быть использована неверно. Но разве Бог не мог бы по-другому сконструировать эту систему, устранив недостатки? Только была бы эта система эффективной, если бы не содержала в себе аспект страдания? Это вопрос.

Как показывают эксперименты доктора Бренда и наблюдения за жизнью людей, не чувствующих боли, недостаточно просто известить человека о проблеме. Для того, чтобы он обратил серьезное внимание на проблему, необходимо, чтобы у него там БОЛЕЛО.

Можно спорить о том, мог ли Бог построить мир по-другому, например, встроить систему отключения боли. Допустить тропические штормы, но не ураганы? Меньшее количество вирусов и бактерий? Никто из нас не в силах ответить на эти вопросы, мы даже не знаем, как возник тот или иной вирус. (В результате прямого творения Божьего? Или это — последствия падения человека? Действий сатаны? Генной мутации?) Но все предположения на этот счет теряют свою значимость в свете того, какой ответ на вопрос: «Является ли Земля лучшим из возможных миров?» дает Сам Бог. Он отвечает однозначно: «НЕТ!»

Дикое животное

Читая Библию, мы видим, что вторжение зла и страдания в наш мир связано со свободой человека — качеством великим, но страшным. Что отличает нас от дельфинов, белок и бурых медведей? Только человек свободен от предопределенного плана, приводимого в действие инстинктами. Мы обладаем способностью выбирать — и этот выбор определяет нашу судьбу. В результате того, что человек обладает свободой, он принес нечто новое на нашу планету — неповиновение исходному предопределению. Мы имеем только отвлеченное представление о том, какой должна быть Земля, но знаем, что человек вышел за рамки дозволенного. «Мы говорим о диких животных, — пишет Честертон, — но человек — это единственный образец дикого животного. Именно человек вырвался за рамки дозволенного. Все остальные животные, по сути, дрессированные — они следуют строгим предписаниям, определяемым их типом и видом». Человека потому можно назвать диким, что только он один стоит на этом обломке

расплавленного камня, который мы называем Землей, потрясает кулаком и говорит Богу: «Что хочу, то и делаю, потому что мне так хочется!»

В результате нас и нашу планету разделяет с Богом великая пропасть. Самое удивительное то, что Бог позволяет нам делать, что нам угодно, вопреки всем законам Вселенной (до определенного времени). Вот что еще говорит Честертон: «Создав мир, Он освободил его. Он написал не поэму, а, скорее, пьесу, пьесу совершенную, но постановщики и актеры в ней - люди, которые и перевернули все вверх дном».

Теологи пользуются термином «падение» для обозначения страшного перекоса в творении, который произошел при первом неповиновении Богу, когда зло вошло в мир. Сжатое описание происшедшего в 3-й главе Бытия дает только общую картину последствий противления Богу, но из этого описания становится ясно, что последствия коснулись не только человека, но и всей природы. Как пишет Мильтон в поэме «Потерянный рай»: «Земля изранена, а Природа во всех своих трудах явила, что все потеряно».

Вот как об этом пишет апостол Павел: «Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих, потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее... Ибо знаем, что вся тварь совокупно стонет и мучится доньше» (Римл. 8:19-20, 22).

Каким-то образом боль и страдание на земле умножились после того, как люди злоупотребили своей свободой. Когда первые мужчина и женщина нарушили волю Божью, их свободный мир навсегда испортился. Как пишет Павел, после падения планета и все ее обитатели издают низкочастотные сигналы боли. Мы живем на «стонущей» планете. Поэтому любые рассуждения на тему о несправедливости страданий должны начинаться с того, что Бог также не удовлетворен состоянием нашей планеты. Вся Библия, от Бытия до Откровения, - это рассказ о том, что Бог желает вернуть Свое творение к первоначальному совершенству. И в начале, и в конце Библии мы видим ту же картину: рай, река, сияющая Божья слава и древо жизни. Вся история человечества лежит где-то между началом Бытия и концом Откровения и представляет собой борьбу за возвращение потерянного.

Судить о Боге только на основании происходящего в настоящем мире было бы глубочайшей ошибкой. Когда-то, возможно, он был «лучшим из возможных миров», но уж точно не в наше время. Ничто другое не выражается в Библии более ясно, чем НЕДОВОЛЬСТВО Бога состоянием творения вообще и человечества в частности. Представьте: в музей, где выставлены работы Голубого периода Пикассо, врываются вандалы. У них одно на уме - разрушение, и они обливают красной краской картины, режут полотна ножами. Было бы верхом несправедливости, если бы эти картины, едва ли являющиеся образцами великого гения Пикассо, к тому же испорченными, выставлялись как презентация творчества художника. То же относится и к Божьему творению. Бог уже повесил над землей вывеску: «Обречена». Он также обещает, что будет суд и восстановление. То, что этот мир, поврежденный злом и страданием, вообще еще существует, говорит о Божьей милости, а не о жестокости.

Мегафон

Чем может Бог привлечь наше внимание? Что может убедить восставших людей в том, что творение живет не так, как должно, не так, как имел в виду Бог?

Клайв Льюис ввел в оборот фразу: «Боль — мегафон Бога». «Бог шепчет нам посредством наслаждений, говорит посредством совести и кричит посредством боли, - пишет он. — Это Его мегафон, предназначенный для пробуждения оглохшего мира».

Слово «мегафон» очень подходит к боли, потому что по своей сути она - кричащая. Если я подвергну лодыжку или ударю палец, боль подает в мозг громкое сообщение о том, что что-то не в порядке. Также и наличие страдания в нашем мире говорит, мне кажется, о том, что в мире что-то не в порядке. Страдание останавливает нас на наших путях и заставляет переосмыслить наши ценности. В одной басне о животных, под названием «Тонущий корабль», рассказывается о

группе зайцев, которые были вытеснены с территории, где они жили, так как там началось строительство. В своих блужданиях они наткнулись на другую группу зайцев — больших, красивых, с лоснящейся густой шерстью и прекрасными зубами.

«Какая у вас прекрасная жизнь! — воскликнули зайцы. — Разве вам не нужно добывать пищу?» Прирученные зайцы, кролики, объяснили им, что пищу им подают — морковь, яблоки, кукурузу и капусту. Жизнь великолепна и прекрасна.

Однако, через несколько дней зайцы заметили, что самый жирный и красивый кролик исчез. Кролики объяснили, что такое иногда происходит, но они не позволяют, чтобы это отравляло им жизнь. Ведь вокруг — так много хорошего! Вскоре зайцы поняли, что повсюду в той местности расставлены западни, и смерть, как облако, витает над ними. Кролики, не желая терять свою удобную, сытную жизнь, закрывали глаза на один факт: постоянную опасность смерти.

В этой басне — своя мораль. Мы можем, как жирные кролики, думать, что цель жизни — жить с удобствами; и многие люди так и считают. Ублажай себя, построй хороший дом, вкусно питайся, кого-то люби и живи хорошей жизнью. Вот и все. Но наличие страдания усложняет такой подход к жизни — разве что мы готовы надеть на глаза повязку и жить, как те кролики.

Трудно поверить, что мир предназначен для того, чтобы я веселился, если треть населения голодает. Трудно поверить, что цель жизни в том, чтобы хорошо себя чувствовать, когда я вижу, как на дороге машина сбивает подростка. И если мне хочется убежать в гедонизм, — страдания и смерть витают неподалеку, преследуя меня и напоминая о том, какой эфемерной была бы жизнь, если бы я знал только этот мир.

Страдание — иногда ноющее, иногда кричащее — говорит о том, что состояние человечества никуда не годится. Что-то не в порядке с жизнью, которая полна войн, насилия и трагедий. Тот, кто хочет находить удовлетворение в этом мире, кому хочется думать, что цель жизни состоит в удовольствиях, должен закрывать уши, потому что мегафон боли включен на всю громкость. Три столетия назад французский математик Блез Паскаль переживал за своих друзей, которые, как он считал, избегают самых главных вопросов в жизни. Вот как он характеризовал их — эта характеристика похожа на пародию.

«Я не знаю, кто поселил меня в этот мир, не понимаю этот мир, не понимаю самого себя. Я вообще чрезвычайно мало знаю... Знаю только, что скоро мне надлежит умереть, но об этой самой неизбежной смерти я не знаю ничего вообще. Я не знаю, откуда пришел. И точно так же мне неизвестно, куда уйду. Либо исчезну, либо впаду в руки разгневанного Бога — не знаю, в какой из этих двух областей я останусь навеки. Таково мое состояние, полное слабости и неизвестности. И из всего этого я делаю следующее заключение: я буду проводить все дни своей жизни, не пытаюсь узнать, что со мной произойдет. Возможно,

ответы на эти вопросы и существуют, но зачем мне это? Я не стану предпринимать никаких шагов для достижения ответа».

Паскаль в удивлении покачивал головой, глядя на людей, которые занимаются пустяковыми, а иногда и важными делами, но игнорируют самый основной вопрос.

«Это необъяснимое наваждение, сверхъестественная дремота», — говорил он. Некоторые другие религии пытаются отречься от боли, подняться выше нее. А христианство утверждает, что страдание существует и является доказательством падшего состояния человечества. Можно не принимать христианские объяснения об источнике страдания, а именно тот факт, что страдание вошло в мир вследствие неправильного использования человеком свободы. Однако, по крайней мере, концепция великого, но падшего мира соответствует сегодняшней реальности. Она отвечает двойственной природе мира и нас самих.

Мы — как пережившие кораблекрушение; подобно Робинзону Крузо, мы выброшены на чужой берег с реликвиями из родной страны. Об этом аспекте христианства Честертон писал: «Современные философы утверждают, что я на своем месте (в этом мире), и, даже соглашаясь с ними, я чувствовал уныние. Но когда мне сказали, что здесь - не мой дом, душа запела, как весной поют птицы».

Оптимисты говорили ему, что мир, в котором он живет, — лучший из возможных, но он никак не мог с этим согласиться. Ему легче было принять объяснение христианства, ясно говорящее, что он выброшен на мятежную планету. Честертон делает заключение: «Самое важное вот в чем: причины для оптимизма стали совершенно другими. И как только произошла эта перемена, я моментально почувствовал облегчение — будто мне вправили вывихнутую кость. Я часто называл себя оптимистом, просто пытаюсь избежать явного богохульства пессимизма. Но весь этот оптимизм был ложным и разочаровывающим именно потому, что с его помощью пытались доказать, что мы — от мира сего, ему принадлежим. А христианский оптимизм основывается на том, что мы — не от мира сего».

Иногда, конечно, мегафон боли производит обратный эффект: в результате страданий люди отворачиваются от Бога. С другой стороны, боль, как в случае с Честертоном, может приблизить человека к Богу. Можно поверить Богу, который говорит, что этот мир — это еще не все. Можно довериться Ему в том, что Он готовит совершенный мир для тех, кто последует за Ним на этой разоренной болью планете.

Быть творением нелегко. Нам кажется, что мы достаточно сильны, чтобы управлять своим миром без боли и страданий, назойливо напоминающих нам о нашей зависимости. Нам кажется, мы достаточно мудры, чтобы принимать решения относительно морали, жить правильно без мегафона боли, оглушающего нас. Но, как доказывает история Эдемского сада, мы ошибаемся. Мужчина и женщина, жившие в мире без страданий, пошли против Бога.

Также и мы, потомки Адама и Евы, имеем право на выбор. Мы можем довериться Богу-Или же можем обвинять Его, а не себя самих, в том, что происходит в мире.

Прислушайтесь: эхо!

Если вы сомневаетесь в существовании мегафона страданий, я советую вам посетить реанимацию. Там, в коридорах больницы, вы встретите самых разных людей: бедных, богатых, красивых, простых, чернокожих, белых, умных, скучных, духовных, атеистов, интеллигентов, простых рабочих. Но реанимационное отделение в больнице — это то место, где все эти различия не имеют абсолютно никакого значения.

В реанимационном отделении все посетители объединены единственной страшной угрозой: их друг или родственник на грани смерти. Экономические и даже религиозные различия отодвигаются на второй план. Здесь вы не заметите искры расистских трений. Здесь незнакомые люди иногда утешают друг друга, а иногда открыто, не стесняясь, плачут. Все встречаются с самой сутью жизни лицом к лицу. Многие первый раз в жизни приглашают пастора или священника. Только мегафон страданий способен поставить этих людей на колени и заставить размышлять о значении жизни и смерти. Как с сожалением замечает Гельмут Тиелике, к капеллану обращаются в больнице, но никогда — на вечеринке. И в этом, мне думается, — огромная ценность страдания. Наша планета издает постоянный стон, вопль об избавлении и восстановлении, но часто мы игнорируем его до тех пор, пока страдание или смерть не заставляет нас обратить на него внимание. Я не говорю, что Бог допускает страдания по причине его ценности. (Я также не считаю, что оно говорит о чем-то определенном: «Твое страдание — результат такого-то поступка», — как станет ясно из следующей главы.) Но мегафон боли сообщает об общем бедствии всему человечеству.

Джон Донн, поэт, живший в XVII веке, также был вынужден слушать, что говорит ему мегафон боли. Отец его жены был зол на него и посодействовал тому, чтобы его выгнали с работы и вообще закрыли дорогу в юриспруденцию. Донну было некуда деваться, и он обратился в англиканскую церковь, став впоследствии священником. Но через год после того, как Донн принял первую паству, умерла его жена Анна, оставив ему семерых детей. А через несколько лет, в 1623 году, на теле самого Донна стали появляться пятна. Ему поставили диагноз — бубонная чума. Болезнь продолжалась долго, высасывая из Донна силы, — он был на грани смерти. (Впоследствии оказалось, что у него была одна из форм тифа, а не чума.) Во время своей болезни Донн написал серию размышлений о страдании, считающуюся одной из наиболее острых работ на эту тему. Он писал свою книгу в постели, будучи уверенным в том, что умирает.

В «Размышлениях» Джон Донн вызывает Бога на откровенный разговор. Оглядываясь на свою жизнь, он не видит в ней смысла. Проблуждав полжизни, Донн наконец достиг того уровня, где он мог бы служить Богу, и в этот самый момент его поражает смертельная болезнь. На горизонте не видно ничего, кроме лихорадки, боли и смерти. Какой из всего этого можно сделать вывод?

Каково значение болезни? Книга Джона Донна предлагает один из возможных ответов. Окно в его спальне было открыто, и однажды, услышав звон колоколов, грустно возвещающих о смерти, он на мгновение подумал, что это по нем заранее звонят его друзья, которые, наверное, лучше знают, насколько серьезна его болезнь. Но тут же он понял, что звонили по умершему от чумы соседу.

«Размышление XVII» Донн посвятил значению колокольного звона, и оно стало одним из наиболее известных произведений в английской литературе («Не спрашивай, по ком звонит колокол. Он звонит по тебе»). Он понял, что хотя колокол звонит в память о чужой смерти, этот звон служит пронзительным напоминанием о том, о чем человек пытается позабыть на протяжении всей своей жизни: мы все умрем.

«Когда человек умирает, из книги не вырывается глава - она переводится на лучший язык; и каждая глава должна быть переведена. Бог использует разных переводчиков: некоторые главы переводятся возрастом, некоторые — болезнью, некоторые — войной, некоторые — судом. Но в каждом переводе — Божья рука, и Его рука снова переплетет наши разбросанные листки для той библиотеки, где каждая книга будет открыта для всех... Этот колокольный звон кличет нас всех, но больше меня, приведенного к самой двери этой болезнью».

За триста лет до Льюиса, назвавшего боль Божьим мегафоном, Донн другими словами выразил ту же концепцию: исключительную способность боли прорываться через обыкновенные заграждения и ежедневную рутину. «О Боже, мне нужен Твой гром. Твоя музыка не принесет желанного результата», — говорил он. Звон колоколов стал для него эхом приближающейся собственной смерти. Для умершего это была точка, конец жизни. Для Донна, державшегося за жизнь, это был вопросительный знак: готов ли он встретиться с Богом?

Колокольный звон интересным образом изменил мышление Донна. Мегафон, или гром боли заставил его пересмотреть свою жизнь, и то, что он увидел, стало для него откровением. «Я — человек, познавший страдание», — сказал он как-то в проповеди, как бы жалея самого себя. Но теперь становилось ясным, что времена наиболее тяжких страданий были также временами духовного возрастания. Испытания изгоняли грех и улучшали характер; бедность научила его надеяться на Бога и очистила от жадности; беспомощность и недоброжелательность со стороны окружающих помогли исцелиться от мирских амбиций. Создавалась ясная картина: боль можно использовать, извлечь из нее драгоценное. Продолжая анализировать происходящее, Донн стал размышлять об окружающих его обстоятельствах. Неужели и ЭТУ боль можно как-то использовать? Болезнь, безусловно, препятствовала ему в совершении многих добрых дел, но не остановила его духовный рост. У него было достаточно времени для молитвы. Колокольный звон напомнил ему и об умершем соседе, и о многих других страдающих в Лондоне. У него была возможность учиться смирению, доверию, благодарности и вере. Донн создал своего рода игру: он представлял себе, как его душа, становясь крепче, поднималась с постели, прохаживалась по комнате, хотя тело было приковано к постели.

В общем, Донн понял, что его жизнь не была бессмысленной даже тогда, когда он был прикован к постели. Он направил свою энергию в духовное русло: молился, исповедовал свои грехи, вел дневник (который впоследствии был издан как «Размышления»), думал не о себе, а о других.

В «Размышлениях» мы видим, как изменяется отношение Донна к болезни. Вначале он молится, чтобы Бог забрал ее, а в конце — чтобы Бог ее использовал, чтобы он мог быть «наученным болезнью». Использование болезни могло проявиться и в чудесном исцелении, и Донн не переставал надеяться на это. Но даже если Бог не исцелит его, Он может взять его, «этот расплавленный брусок металла, и посредством огня страданий сделать из него чистое золото».

Глава 6. Что хочет сказать нам Бог?

«Я могу воспринимать свою болезнь как исправление или как милость, и, признаюсь, я не знаю, как ее воспринимать. Как мне понять эту болезнь? Я не могу прийти к заключению,

*но смерть может заключить меня в свои объятия.
Если это исправление, позволь мне принять его как
милость; пусть это и кажется исправлением,
я не могу найти лучшего доказательства Твоей
милости, как умереть в Тебе и посредством
смерти соединиться с Тем, Кто умер за меня».*
— Джон Донн
«Размышления»

Отрывок из статьи в журнале «Тайм», где описываются события, происшедшие в Калифорнии, в г. Юба.

«Окруженные плачущими родственниками, супруги -американцы испанского происхождения — сидели под палящим солнцем на кладбище и смотрели на бронзовый гроб с останками их 17-летнего сына Бобби. Шестеро его одноклассников возложили на гроб букеты белых гвоздик. Маленькая племянница Бобби рыдала, обхватив гроб руками. Несколько человек в толпе собравшихся тоже плакали. Отец Бобби сидел молча, только время от времени вздрагивал. Затем он встал и скованной походкой пошел вместе с женой к зеленому лимузину, возглавлявшему печальную процессию. На том же кладбище женщина по имени Хэрри Роуз-бро смотрела выпланными глазами, как хоронили ее сына. Он погиб в свой день рождения, когда ему исполнилось шестнадцать. Памела Энгстром, одетая в бело-голубое платье в полоску — подарок матери — погибла на следующий день после того, как ей исполнилось восемнадцать. Среди жертв оказались также восемнадцатилетние близнецы Карлин и Шарлин Энгел, которые любили петь песни, написанные их матерью: «Просыпайся, улыбнись солнцу!» и «Гордись Америкой!» После похорон запыленный автомобиль Шарлин был выставлен напротив дома на продажу.

Пятнадцать тысяч человек плакали о погибших. Автобус, в котором находились 53 хориста школьного хора и их руководитель Кристина Истабрук, при съезде с трассы потерял управление, снес на своем пути ограждение длиной в 20 метров и, перевернувшись, упал с семиметровой высоты. Крыша автобуса смялась до сидений... Разбросанные нотные страницы были забрызганы кровью. «Я слышал, как кто-то, сидевший впереди, кричал: «Боже!» — рассказывал, всхлипывая, шестнадцатилетний Ким Кеньен, чья подруга, сидевшая рядом, погибла. Восемнадцатилетний Перри Мартин, ведущий тенор хора, добавляет: «Это была смесь плача и стонов, а еще — разбросанных рук и ног». Тогда погибли 29 человек и 25 были травмированы. Эти ребята успели сдружиться за время совместной учебы. В начале года они вместе исполняли произведение «Скрипач на крыше». До окончания учебного года оставалось всего три недели, и многие из хористов в прошлую субботу были участниками праздника по поводу окончания школы. А теперь их друзья, ошеломленные происшедшим, бродили по ее коридорам, время от времени останавливаясь у кабинета директора, где вывешивалась последняя информация о состоянии тех, кто находился в больнице с травмами. Восемнадцатилетняя Карина Хесс, президент союза учащихся, заметила: «Для большинства из нас это - первая потеря близких друзей».

Почему город Юба?

Почему это не произошло в г. Салине в Канзасе или в г. Кларкстоне в Джорджии, или г. Риджвуде в Нью-Джерси? Почему именно хор? Почему не оркестр, дискуссионный клуб или футбольная команда? Это была обыкновенная дорожная авария, в которой погибло больше людей, чем обычно, но это не калифорнийское землетрясение, не наводнение в

Пакистане и не страшная авария на теплоходе в Маниле. Тем не менее, обыкновенная трагедия, как случившаяся в г. Юба, снова выбрасывает на поверхность массу вопросов.

Неужели двадцать девять подростков действительно заслуживали такой ужасной смерти? Хотел ли Бог что-то сказать им? Или это предупреждение их родителям и друзьям? Если бы вы были на месте подростков, посещающих школу в Юбе, вы также не смогли бы избежать этих вопросов. А окажись на месте выжившего в той аварии, вы до конца жизни думали бы о том, почему вы выжили, а ваши друзья — нет.

Может быть, Бог каким-то образом слегка подталкивает школьные автобусы, направляя их к обочине, и затем наблюдает, как они на полном ходу врезаются в ограждения и съезжают с дороги? Может, Он красным карандашом тщательно наносит на карту штата Индиана точный маршрут, по которому должен пройти ураган? «Сюда; теперь задень этот дом; уничтожь вот этого шестилетнего ребёнка, но следующее здание оставь нетронутым». Может быть, Бог программирует события на земле, как видеоигру, постоянно проводя эксперименты со штормами, землетрясениями и ураганами? Возможно, именно так Он вознаграждает и наказывает человека, свою беспомощную жертву?

Такие вызывающие вопросы могут показаться богохульными по своей сути. Но они долгое время преследуют меня. Мои друзья-агностики бросают в мою сторону, как стрелы, подобные вопросы в самых разных формах. Когда человек страдает, он начинает размышлять о Боге; так случается почти со всеми. На моей книжной полке стоит книга «Теории болезни», где собраны результаты опросов среди 139-ти племен по всему миру. Почти все, кроме четырех племен, считают, что болезнь — это знак того, что Бог (или боги) недоволен человеком.

Все соглашались с тем, что боль играет позитивную роль в предохранении физического тела. Страдание обладает нравственной ценностью в том смысле, что обнажает нищенское состояние смертного творения на стонущей планете; по крайней мере, большинство христиан соглашались с тем, что Бог обращается к человечеству в общем через мегафон боли. Но страдание не приходит к нам «в общем». Оно приходит «в частности» — как огненный смерч нервов, либо как эмоциональная туча печали и горя. Как-то я смотрел интервью с известной голливудской актрисой, любовник которой утонул в порту Лос-Анджелеса.

Полицейские, исследовавшие причины его гибели, пришли к заключению, что он, бесчувственный, просто скатился с яхты, будучи в состоянии сильного опьянения. Актриса посмотрела в камеру — ее привлекательные черты были омрачены горем — и сказала вызывающе, как мне показалось, не продумав свои слова: «Как мог любящий Бог такое допустить?»

Эта актриса, наверное, не думала о Боге в течение нескольких месяцев или лет. Но вдруг, когда ее постигло страдание, она, озлобившись, стала винить Бога. У нее, как и практически у всех нас, боль вызвала сомнение — это происходит почти на уровне рефлекса. Страдание ставит под вопрос наши наиболее утвердившиеся убеждения о Боге. Страдая, я помимо своей воли спрашиваю: «Что хочет сказать мне Бог, если у меня заболело горло? А если умер мой друг? Он хочет сказать что-то определенное именно мне?» Как-то на обеде, где собрались христиане, один мужчина, сидевший со мной за одним столом, сказал по поводу недавнего землетрясения в Южной Америке: «Вы знаете, книг Ветхого Завета подчеркивают следующий принцип: «Неправильные поступки приводят к болезненным последствиям». В Притчах часто встречаются

подобные высказывания: «Леность погружает в сонливость, и нерадивая душа будет терпеть голод» (19:15). Те, кто писал эти книги, считали, что в соответствии с Божьим предназначением отдельные личности и общество в целом должны поступать согласно определенным принципам. Честность, справедливость и сострадание приносят добрые плоды; обман, жадность и несправедливость — недобрые.

В некоторых отрывках из Ветхого Завета мы видим, что Бог посылает людям страдание в качестве наказания за неверные поступки. Пророческие книги полны строгих предупреждений о грядущем суде. Но всмотритесь. Их слова о наказании обычно произносятся после долгих, ясных предупреждений. Амос, Иеремия, Исайя, Аввакум, Осия и Иезекииль — все они перечисляют множество грехов и безнравственных поступков, которые повлекут за собой наказание.

Тем не менее, почти в каждом случае пророки высказывают надежду на то, что если Израиль покается и обратится к Богу, то Он помилует их. Если же народ будет продолжать противиться Богу, ему не миновать кары. Таким образом, наказание явно приходит от Бога, но ни в коей мере не является несправедливым. Наказание в Ветхом Завете всегда находилось в рамках «завета» или соглашения Бога с Израилем и постигало израильтян только после многих предупреждений.

Я согласен с тем, что Ветхий Завет пропитан принципом вознаграждение/наказание, что вся жизнь там сводится к следующему: «Поступай хорошо - будешь вознагражден; поступай плохо - будешь наказан». Я не считаю, однако, что этот принцип вполне применим в наши дни. В книге «Разочарование в Боге» я доказываю, что принципы, на которых был построен завет Бога с израильтянами, отражали их уникальные взаимоотношения, которые мы не в силах имитировать, да и пытаться не стоит.

Подумайте об этих ветхозаветных принципах, учитывая вопросы, которые мы поднимаем сегодня. «Почему именно я?» — спрашиваем мы почти инстинктивно, когда происходит трагедия. Этот вопрос задавала и Клаудия Клакстон, и родственники погибших в г. Юба, и даже актриса, потерявшая своего любовника. Две тысячи автомобилей ехали по этой скользкой дороге, почему именно я потерял управление? Подъемники для лыжников были перегружены целый день, почему именно я сломал ногу и испортил себе отпуск? Только один из ста заболевает таким видом рака, почему этим человеком должен быть именно мой отец?

Страдающие люди мучают себя такими вопросами, и библейские примеры помогают им разобраться в них. Первое общее наблюдение, что определенные действия могут привести к плачевным последствиям, безусловно остается в силе и сегодня, этот принцип действует. Лыжник, выезжающий за пределы дозволенного, туда, где глыбы снега готовы сорваться и завалить его, конечно же рискует жизнью. Водитель, превышающий скорость на мокрой от дождя трассе, сам подвергает себя опасностям, с которыми сталкивается пилот гидроплана. Человек, злоупотребляющий жареной пищей и пирожными, подвергает свое здоровье определенному риску. Книга Притч объясняет больше, чем эти простые примеры. Наши поступки имеют моральный аспект, и это оказывает непосредственное влияние на наше здоровье и жизнь на земле. Сегодняшние пороки — курение, разврат, наркотики, загрязнение окружающей среды, объедение — несут за собой прямые и болезненные последствия. Ученые видят взаимосвязь и много говорят об этих проблемах. Упомянутые принципы, являющиеся частью творения, относятся как к христианам, так и к неверующим. Статистика явно подтверждает это. В штате Юта, где живет много

мормонов, которые уделяют большое внимание вопросам здоровья, — один из самых низких показателей сердечных заболеваний; в соседнем штате Невада, рассаднике «свободной» жизни, этот показатель является одним из самых высоких.

Но что можно сказать по поводу второго принципа, утверждающего, что иногда происходит непосредственное вмешательство Бога, который наказывает людей за их неправильное поведение? Меня поражает то, насколько часто современные христиане необдуманно применяют этот принцип. Они приносят в больничную палату подарки вины («Что ты сделал, чтобы заслужить такое?») и обвинений («Ты, наверное, недостаточно молишься»).

Но между страданиями, с которыми мы чаще всего встречаемся — спортивная травма, редкая форма рака, дорожная авария — и страданиями, которые посылаются, как в Ветхом Завете, в наказание за грех, — огромная разница. Там наказание следует после многих предупреждений о недопустимости определенных поступков. Вообще, для того, чтобы наказание было эффективным, должна явно просматриваться связь между поступком и наказанием. Представьте себе родителя, который наказывает малого ребенка. Что пользы, если он будет просто время от времени подходить к ребенку и шлепать его, ничего не объясняя? Результатом такого воспитания скорее будет неврастеник, чем послушный ребенок.

Израильский народ знал, за что он несет наказание, — пророки предупреждали их, объясняя все до мельчайших деталей. Египетский фараон прекрасно понимал, за что десять бедствий постигли его страну, — Бог предсказал их появление, объяснил причины и сообщил, как фараон может изменить свое поведение, чтобы предотвратить бедствия. Итак, библейские примеры страдания как наказания за грех, похоже, указывают на определенный порядок действий: боль приходит после многих предупреждений, и никто не спрашивает: «А почему?» Они прекрасно понимают, почему они страдают. Замечается ли этот порядок в страданиях, с которыми мы сталкиваемся сегодня? Получаем ли мы непосредственное откровение от Бога, предупреждающее нас о грядущей катастрофе? Разве личное страдание приходит к нам вместе с ясным объяснением причин от Бога? Если нет, то я должен поставить под сомнение утверждение, что страдания, с которыми встречается большинство из нас — рак, аварии, — являются наказанием от Бога. Если страдание — это действительно наказание, то мы приходим в замешательство, потому что болезнь и страдание, похоже, выбирают свои жертвы произвольно, вне зависимости от добродетелей или пороков людей.

Если честно, мне кажется, что если Бог не дает конкретного откровения, то мы должны искать другие библейские объяснения страдания. И в Библии содержатся рассказы о людях, которые страдали, но явно не были наказываемы Богом.

Что говорит Иисус

Христиане верят, что с приходом Иисуса Бог полностью вошел в историю человечества. Теперь Он был не «где-то там, наверху», только иногда погружаясь в ход истории, чтобы что-то изменить. Теперь Он жил на земле в человеческом теле, подчинив Себя физическим законам и ограничениям, существующим на нашей планете. Поэтому слова Иисуса о страдании — это наиболее точное отражение чувств Бога по этому вопросу. Иисус никогда не говорил бедному или страдающему человеку о том, чтобы он «не жаловался на свою долю» или воспринимал страдание как лекарство от Бога. Он, напротив, был необыкновенно чувствителен к стонам страдальцев и освобождал их. Свои сверхъестественные способности Он всегда использовал для исцеления, не для

наказания. Чудеса исцеления, естественно, собирали толпы людей, но Иисус, невзирая на это, не делал их центральной частью Своего служения. Чаще всего Он использовал исцеления как «знамения», чтобы привести людей к более глубоким истинам. Иногда Иисус, казалось, совсем не стремился к вмешательству в естественный ход событий, говоря Своим последователям, что делает чудеса только потому, что люди нуждаются в них. Часто Он приказывал не рассказывать о происшедших чудесах. В определенных случаях Иисус умышленно не вмешивался в ход событий, например, не призывая ангелов, которые могли бы освободить Его в самый тяжкий для Него час страданий.

Не говорил ли Иисус Своим поведением о том, что нехорошо Богу нарушать естественный ход событий в повседневной жизни? Ведь самое главное, Царство Небесное - разве это не работа духа в наших сердцах и умах, а не внешнее яркое проявление силы Божьей? По крайней мере мы видим, что Иисус не стал радикально менять естественные законы, по которым живет наша планета. Вместо того, чтобы, скажем, изменить нервную систему, привести в нее некоторые улучшения, Он Сам принял систему передачи боли со всеми ее неприятными аспектами. И когда Иисус лично столкнулся со страданиями, Его реакция была похожей на реакцию каждого из нас: Его охватил страх и ужас.

Как Иисус отвечал на вопрос о том, кто несет ответственность за страдание? Наиболее ясный ответ на этот вопрос содержится в 13-ой главе Евангелия от Луки. Здесь, как и в Ветхом Завете, дается несколько ответов. Например, в 16-м стихе Иисус говорит, что причиной болезни женщины, страдавшей в течение восемнадцати лет, был сатана. В конце главы Иисус скорбит о будущем Иерусалима; как и ветхозаветные пророки, Он видел, что поступки жителей города и их упорство в неповиновении принесут им много страданий.

Но в начале главы мы читаем, что Иисуса спрашивают о двух недавно происшедших событиях, которые, как видно, вызывали много толков. Один случай касался политического угнетения: римские, солдаты жестоко подавили восстание религиозного меньшинства. Другой случай - в аварии на стройке погибло восемнадцать человек. Изучая Библию, я не нахожу более близких параллелей между этими событиями и страданиями, с которыми часто встречаемся мы. Евреи, жившие в первом веке, спрашивали Иисуса о событиях, тождественных аварии в г. Юба или падении крыши на стадионе. Ответ Иисуса одновременно и блестящ, и загадочен. Он не отвечает полностью на вопрос, который тревожит их больше всего, вопрос о причине происшедшего. Иисус не объясняет, почему произошли эти две трагедии. Одно Он говорит ясно: эти события не были результатом определенных поступков. «Думаете ли вы, что эти галилеяне были грешнее всех галилеян, что так пострадали? Нет, говорю вам... Или думаете ли, что те восемнадцать человек, на которых упала башня Силоамская и побила их, виновнее были всех живущих в Иерусалиме? Нет, говорю вам».

Скорбящие родственники не должны изводить себя вопросами о том, что явилось причиной трагедии; Иисус ясно говорит, что жертвы не сделали ничего необычного, чтобы заслужить такое. Они были такими же людьми, как и Другие. Он не говорит об этом, но, возможно, башня упала потому, что была плохо построена. Мне кажется, Иисус подобным образом ответил бы и на вопрос о трагедии в г. Юба: «Не думаете ли вы, что погибшие были грешнее других подростков?» Возможно, автобус разбился просто потому, что в нем была неисправность, или водитель не справился с управлением.

Но Иисус не останавливается на этом. Пользуясь случаем, Он указывает на вечную истину, имеющую отношение к каждому из нас («...если не покаетесь, все так же

погибнете»), и в заключение рассказывает притчу о Божьей милости, охраняющей нас. Он дает нам понять, что для тех, кого трагедия не коснулась, это не меньший урок, чем для пострадавших. Трагедии призваны напоминать нам о том, что мы должны быть готовыми на случай падения другой башни или следующего акта политического терроризма. Таким образом, катастрофы, напоминая нам о краткосрочности жизни, являются призывом к покаянию как для пострадавших, так и посторонних наблюдателей.

В Боге ли причина?

Я как-то присутствовал на похоронах девочки-подростка, погибшей в автомобильной аварии. Ее мать причитала: «Господь забрал ее домой. Наверное, у Него есть для этого причины... Благодарю Тебя, Господь». Я не раз встречался с больными христианами, тщетно пытающимися найти ответ на вопрос: «Чему хочет научить меня Господь?» А иногда в их голосе звучит мольба: «Где мне взять Достаточно веры, чтобы избавиться от этой болезни? Что мне нужно сделать, чтобы Бог спас меня?»

А может быть, эти люди неправильно воспринимают происходящее с ними? Возможно, Бог не пытается что-то нам сказать всякий раз, когда нам больно? Боль и страдания — неотъемлемая часть жизни на нашей планете, и для христиан здесь нет исключения. Часто мы знаем, отчего болеем: недостаточная физическая активность, неправильное питание, контакт с болезнетворными бактериями. Неужели мы надеемся, что Бог будет охранять нас всякий раз, когда мы сталкиваемся с какой-либо опасностью?

В моем понимании, подход Иисуса полностью совпадает с тем, что я говорил о «боли как Божьем мегафоне». Страдание несет в себе общее предупреждение: что-то не в порядке с нашей планетой, и для нас необходима радикальная интервенция извне («...если не покаетесь...»). Но нельзя из этого делать заключение, что всякое определенное страдание — это результат прямого вмешательства Бога.

Другая подобная евангельская история еще более проясняет такой подход. В 9-й главе Евангелия от Иоанна мы находим, что Иисус отвергает традиционное объяснение страдания. Его последователи, полные жалостливых слов, спрашивали Иисуса о человеке, который был рожден слепым: «Кто согрешил, он или его родители?» Другими словами, чем он заслужил эту болезнь? Иисус отвечает прямо: «Не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нем явились дела Божий».

Ученики смотрели в прошлое, желая узнать причину болезни. Иисус сосредоточивает их внимание на будущем. Показывая вперед, Он отвечает на вопрос: «С какой целью?» И этими словами, мне кажется, можно суммировать библейский подход к проблеме страдания. На вопрос, направленный в прошлое, вопрос о причине страдания, Библия не дает ясного ответа. Но она дает надежду на будущее, надежду на то, что даже страдание может послужить к добру. Человеческая трагедия, такая, как слепота, может послужить для того, чтобы была явлена слава Божья. Иногда, как в случае с человеком, который был рожден слепым, Божья слава проявляется посредством великого чуда. Иногда — нет. Но в любом случае страдание предоставляет нам возможность для того, чтобы через нас проявилась слава Божья.

Глава 7. Для чего мы здесь?

*«Только там, лежа на гнилой тюремной соломе,
я почувствовал в себе первое пробуждение добра.
Постепенно я стал понимать, что линия,
разделяющая добро и зло, проходит не через
государства или классы и не через политические
партии, но прямо через сердце человека — и через
все сердца... Там я взрастил свою душу
и без сомнения говорю: «Будь благословенна,
тюрьма, за то, что ты была в моей жизни»,
— Александр Солженицын
«Архипелаг ГУЛАГ»*

Библия, возможно, не дает определенного ответа на вопрос о причинах страдания. Но ее исчерпывающее освещение вопроса несет безошибочный смысл. Обратимся к книге Иова, находящейся в самой середине Ветхого Завета. Одна из старейших книг Библии — книга Иова — читается как наиболее современная, потому что напрямую затрагивает вопрос о страдании, терзающий наше столетие. В недалеком прошлом такие писатели, как Роберт Фрост, Арчибальд МакЛиш и Муриел Спарк пробовали пересказать историю Иова.

Иов, наиболее праведный, духовный человек своего времени, любит Бога всем сердцем. Более того, Сам Бог выбрал его, чтобы продемонстрировать сатане, насколько некоторые люди могут быть преданы Ему. Кто-то, а Иов меньше всех других заслуживал страдания в наказание за свои поступки.

Но что происходит? Невероятно, но на жизнь Иова накатывается череда разрушительных трагедий, каждая из которых вполне могла бы сломить многих из нас. Налетки, пожар, разбойники и буря разрушают его владения - он теряет все, что имел. Из многочисленной семьи Иова в живых остается только жена, но и она не в силах утешить его. Затем приходит вторая фаза испытания — тело Иова начинает распадаться от гноящихся нарывов.

Вот так, в течение нескольких часов все ужасы ада обрушились на бедного Иова, сведя на нет его благосостояние и здоровье. Он стонет, раздирая раны. Он еще в состоянии стерпеть боль, но больше всего его беспокоит чувство, что его предали, и это — боль, которую он не в силах вынести. До сих пор он верил в любящего, справедливого Бога. Но факты не согласуются с этим его представлением. Он задает мучительные вопросы, вопросы, которые задает почти каждый страдающий человек. Почему именно я? Где я поступил неверно? Чему Бог хочет научить меня?

В таком положении Иов и его друзья размышляют о таинстве страдания. Друзья, люди набожные и почтенные, блистают эрудицией. В сущности, все их аргументы идентичны и сводятся к следующему. «Иов, Бог пытается что-то сказать тебе. Не бывает страдания без причины. Сама логика жизни подсказывает нам, что справедливый Бог справедливо относится к людям. Он поощряет тех, кто послушен и верен Ему. А тех, кто грешит, Он наказывает. Поэтому исповедуй свой грех, и Бог облегчит твои страдания».

Жена Иова предложила еще один вариант разрешения проблемы: похули Бога и умри. Но и этот вариант не может принять Иов. Пусть случившееся с ним не похоже на справедливость, но он не может отречься от Бога. Где же Иову искать ответ? В своей

безысходности он даже заигрывает с идеей о том, что Бог, как садист, «пытке невинных посмеивается» (9:23). Под нажимом словесного нападения друзей Иов колеблется, противоречит себе, иногда даже соглашается с ними. Но, всматриваясь в жизнь, он замечает и другие следы несправедливости. Воры тучнеют и живут в благополучии, а некоторые святые люди живут в бедности и страданиях. Очевидно, что добро и зло не всегда вознаграждаются и наказываются в этой жизни.

Эмоциональные восклицания Иова находятся в ярком контрасте со спокойными рассуждениями его друзей. Но, обдумывая свое положение снова и снова, он приходит к выводу, что они не правы. Невзирая на все факты, он твердо верит в два утверждения, которые кажутся несовместимыми: он, Иов, не заслужил того, что с ним произошло; тем не менее, Бог заслуживает его преданности. Иов отстаивает свою точку зрения, даже когда ему бросают: «разве ты праведнее Бога?»

Возможно, самый нерешенный аспект книги Иова состоит в том, что аргументы, приводимые его друзьями, очень уж напоминают аргументы современных христиан. Попробуйте найти аргументы в пользу страдания, которые в той или иной форме не прозвучали в их речах. А ведь Бог, в прекрасном неожиданном завершении книги дает следующую оценку всем их теориям: «Горит гнев Мой на тебя и на двух друзей твоих, — сказал он одному из них, — за то, что вы говорили о Мне не так верно, как раб мой Иов» (42:7).

Как видим, даже в Ветхом Завете, где страдание часто идентифицируется с Божьим наказанием, ярко сияет пример Иова. Книга Иова должна вбить последний гвоздь в крышку фоба с убеждением, что всякий раз, когда мы страдаем, Бог наказывает нас или пытается что-то нам сказать. Хотя в Библии и содержатся мысли о том, что человек жнет то, что сеял, даже в этой жизни (см. Псал. 1:3, 36:25), книга Иова доказывает, что другие люди не имеют права применять этот общий принцип к определенному человеку. Иов менее всех заслуживал такие страдания, но мало кто страдал, как он.

Абсолютно справедливый мир

Если смотреть поверхностно, то книга Иова — книга о страдании. В ней поднимаются те же вопросы, которые я поднимаю в своей книге. Но если смотреть глубже - здесь затрагивается другой вопрос: доктрина свободы человека. Иов должен был претерпеть незаслуженное страдание, чтобы показать, насколько заинтересован Бог в любви свободных людей. Эта истина не из простых, и великие умы заходили в тупик, разбирая проблему Иова. Карл Густав Юнг, например, вдавался в странные и долгие рассуждения, чтобы объяснить поведение Бога, описанное в книге Иова. Он считал, что, принимая решение о воплощении Иисуса и Его смерти, Бог руководствовался чувством вины за Свое обращение с Иовом. Он считал, что Бог вошел в мир в Иисусе Христе, чтобы «вырасти в моральном сознании».

Юнг, мне кажется, не придавал должного значения тому, насколько высоко Бог ценит любовь свободного человека. Страдания Иова были результатом дебатов на небесах по вопросу о том, действительно ли люди свободны? В первых двух главах книги Иова сатана выставляет себя первым великим бихевиористом. Он утверждал, что вера — это всего лишь продукт окружения человека и обстоятельств. Иов был приучен любить Бога. А если отнять у него вознаграждения, утверждает сатана, то все увидят, как распадется его вера. Бедный Иов, ничего не подозревая, был выбран для участия в споре космических масштабов, дабы решить практический вопрос о свободе человека.

Этот спор между сатаной и Богом был не просто неким обычным соревнованием. Слова сатаны о том, что Иов любил Бога только потому, что Он «кругом оградил его», — это обвинение против Бога, нападки на Его характер. Согласно сатане, Бог, просто как Личность, не заслуживает любви. А верные люди, такие, как Иов, следуют за Ним только потому, что Он «подкупает» их благодеяниями. И действия Иова в момент, когда все, что поддерживало его веру, упадет, должны были опровергнуть это утверждение, либо подтвердить истинность слов сатаны. Чтобы понять вопрос о свободе человека, я иногда пытаюсь представить себе мир, в котором каждый действительно получает по заслугам. Как выглядел бы такой мир, в котором царит совершенная справедливость?

В совершенно справедливом мире моральные законы были бы частью общего, жестко работающего механизма, наподобие законов природы. Наказание за неверные поступки осуществлялось бы так, как физическая боль. Прикоснись к огню — и ты «наказан» предупреждающей болью; в справедливом мире наказание за грех происходило бы так же быстро и надежно. Протяни руку, чтобы украсть, — и почувствуешь электрический удар. Справедливый мир также поощрял бы хорошее поведение: заполнишь честно налоговую форму — заработаешь приятное чувство удовлетворения, как зарабатывает его в виде рыбы дрессированный морской котик. Такой мир из области фантастики чем-то привлекает нас. Здесь было бы все справедливо, и все ясно понимали бы, чего хочет от них Бог. Это было бы царство справедливости. В таком хорошеньком мире, однако, была бы одна громадная проблема: не это Бог хочет осуществить на земле. Он хочет от нас любви — любви, которую мы отдаем Ему свободно. Нельзя недооценивать это желание Бога. Для Него настолько важна любовь свободных людей, что Бог позволяет, чтобы этот рак зла — наша планета — существовал в Его Вселенной, но на определенное время.

Если бы в мире все действовало по строгим, совершенно справедливым законам, не было бы истинной свободы. Мы бы поступали справедливо только ради нашей же сиюминутной выгоды, и личные мотивы играли бы свою роль в каждом добром деле. Мы бы любили Бога в результате запрограммированного, врожденного голода, а не в результате личного выбора при наличии привлекательных альтернативных вариантов. Это был бы автоматически функционирующий мир, построенный по системе Скиннера: действие-реакция, действие-реакция. Христианские же добродетели, описанные в Библии, развиваются, когда мы избираем Бога и Его пути, невзирая на искушения и импульсы, подталкивающие нас к обратному. Читая Библию, мы снова и снова встречаемся с аналогией, иллюстрирующей взаимоотношения Бога со Своим народом. Бог — Муж. Бог ухаживает за Своей невестой. Он хочет ее любви. Если бы мир был построен так, что каждый грех бы наказывался, а каждое доброе дело вознаграждалось, невозможно было бы использовать эту аналогию. Скорее пришлось бы говорить о женщине, которую задаривают, но держат взаперти, чтобы муж был уверен в ее верности. Бог Своих людей не держит взаперти. Он любит нас, отдает Себя нам и с нетерпением ждет, как мы ответим на Его любовь.

Бог хочет, чтобы мы, как свободные люди, сами полюбили Его, даже если наш выбор принесет нам страдания; ведь мы преданы Ему и не концентрируемся на своих чувствах и награде. Он хочет, чтобы мы льнули к Нему, как Иов, даже если у нас есть все причины в горячке отречься от Него. Это, на мой взгляд, центральная мысль книги Иова. Сатана нападал на Бога со своими утверждениями о том, что люди, в сущности, несвободны. Но был ли Иов верен Богу только потому, что Он наделил его успехом? Огненные испытания Иова доказали обратное. Иов льнул к Божьей справедливости даже в то время, когда сам являлся ярчайшим примером кажущейся Божьей несправедливости. Он искал Дающего не

потому, что получал от Него дары; даже когда все дары были отобраны, он искал Дающего.

Долина, где куется дух

Совершенно справедливый мир не только не в силах произвести то, чего хочет от нас Бог — добровольную любовь, — но и не может дать того, что Бог хочет дать нам. В первых главах я продемонстрировал на примере проказы, что боль обладает ценностью и необходима для жизни на нашей планете. Точно так же и страдание может стать важным инструментом для осуществления Божьих целей в жизни людей. Я говорил, что наличие мегафона боли делает неприемлемой теорию о том, что мы помещены на этой «стонущей» планете для того, чтобы купаться в удовольствиях. Но если наше счастье на земле не является Божьей целью, то что же Он предопределил для этого мира? Зачем Ему вообще иметь дело с нами?

Чтобы нам было легче понять, что происходит, давайте возьмем для примера обыкновенную семью. Отец, который поставил себе цель никогда не допустить, чтобы его любимой дочери было больно, не позволит сделать ей ни шагу: она же может упасть! Нет, он будет всегда носить ее на руках или возить в коляске. Через время такой изнеженный ребенок превратится в инвалида, неспособного передвигаться и полностью зависящего от отца. Такой отец, как бы он ни любил ребенка, не справляется со своей самой важной задачей: помочь ребенку в конечном итоге стать самостоятельным взрослым человеком. Для самой дочери было бы намного лучше, если бы отец отошел и дал ей возможность начать ходить, позволил бы ей упасть. Обратите этот пример к Иову, который стоял сам посреди страданий со своими нерешенными вопросами и этим обретал огромную новую силу. Как говорил раввин Авраам Хескел: «Вера Иова не может пошатнуться, потому что она и есть результат потрясений».

Клайв Льюис развивает эту мысль в книге «Проблема боли», где, в частности, пишет: «Мы хотим, чтобы у нас на небесах был не отец, а скорее, дедушка, планы которого во Вселенной сводились бы к тому, что в конце каждого дня он говорил: «Сегодня всем было хорошо».

Мне бы очень хотелось жить во Вселенной, которая бы основывалась на подобных принципах, но поскольку я явно живу не в такой Вселенной, и в то же время у меня много оснований считать, что Бог есть любовь, мне приходится пересматривать свою концепцию любви... Художник, наверное, не станет долго трудиться над зарисовкой, сделанной на быструю руку для ребенка — даже если рисунок получился не очень удачным. Но над картиной своей жизни, над работой, которую он любит, — пусть по-иному, но так же пылко, как мужчина любит женщину или мать — ребенка, — он будет трудиться до бесконечности, тем самым, без сомнения, причиняя огромную боль картине, если бы она обладала чувствами. Представьте обладающую чувствами картину, которую скребут, разглаживают и закрашивают в десятый раз. Ей, наверное, хотелось бы быть небольшой зарисовкой, которую сделают за минуту. Так же и у нас возникает естественное желание, чтобы Бог предназначил нам менее славную и менее сложную судьбу; но в таком случае мы хотим не большего, а меньшего».

И снова эти рассуждения приводят нас к самому главному вопросу существования человека. Для чего мы здесь? Присутствие страдания вводит в замешательство и даже раздражает людей, считающих, что человек — это полностью сформировавшееся существо, которому нужен подходящий дом. В христианском же мировоззрении, как суммирует эту точку зрения профессор Джон Хик в «Философии религии», Бог имеет

дело с созданиями, развитие которых не завершено. Таким образом, земля — это «кузница духа». Мы уже говорили о некоторых преимуществах мира, в котором есть и жесткие законы, и свобода личности, хотя люди и злоупотребляют этой свободой, причиняя зло другим. Джон Хик рассматривает еще один альтернативный вариант, представляя утопический мир, предназначенный для того, чтобы оградить нас от всякого страдания и зла, и приходит к заключению, что мир без ошибок не позволил бы Богу осуществить Свои цели в нашей жизни.

Представим, вопреки фактам, что такой мир был бы раем, в котором исключалась бы всякая возможность боли и страдания. Это имело бы далеко идущие последствия. Например, никто не смог бы причинить боль другому человеку: нож убийцы становился бы бумажным, а пули растворялись бы в воздухе; ограбленный на миллион долларов банковский сейф чудесным образом снова наполнялся бы деньгами (что, конечно, в нормальных условиях неминуемо привело бы к инфляции); мошенничество, обман, конспирации и предательства каким-то образом не оказывали бы негативного влияния на общество. Также, не было бы несчастных случаев: альпинист, верхолаз или ребенок, падающий с высоты, плавно опускались бы на землю, не причиняя себе вреда; опрометчивый водитель никогда не попал бы в аварию. Не нужно было бы работать; не было бы необходимости помогать другим во время нужды или опасности, потому что в таком мире не было бы ни нужды, ни опасностей.

Чтобы сделать возможным продолжение этой серии изменений, природа должна была бы производить особые блага для каждого индивидуума, а не действовать согласно общим законам, которые человек должен научиться уважать под угрозой страдания и смерти. Законы природы должны были бы стать чрезвычайно гибкими: иногда предмет должен был бы быть твердым и прочным, иногда — мягким...

Можно, по крайней мере, попытаться представить себе такой мир. Ясно, что в нем наши настоящие этические концепции не имели бы смысла. Если, например, причинение вреда ближнему — один из важнейших элементов концепции неверного поведения, в нашем гедоническом раю неверных поступков не было бы вообще; не было бы и верных поступков, являющихся противоположностью неверным. Смелость и стойкость не имели бы смысла в такой атмосфере, где нет опасностей и трудностей. Щедрость, доброта, любовь «агапе», предусмотрительность, жертвенность и все другие этические понятия, необходимые для жизни в стабильном обществе, не смогли бы даже сформироваться. Следовательно, такой мир, выдвигающий на передний план наслаждение, был бы очень плохо оснащен для выработки моральных качеств личности человека. Для достижения этой цели это был бы самый худший из всех возможных миров.

Итак, становится ясным, что наиболее благоприятная атмосфера для зарождения и роста лучших личностных характеристик у свободных существ очень уж напоминает наш мир. Здесь должны быть общие надежные законы; здесь должны присутствовать реальные опасности, трудности, проблемы, препятствия; должны быть возможности боли, падений, горя, раздражения и поражений. Если бы в нем не было существующих ныне испытаний и опасностей, многие из которых приносит сам человек, то были бы другие.

Если мы понимаем это, то... становится ясным, что этот мир, со всей «болью сердца и тысячей потрясений, которых плоти не избежать», и в котором все построено явно не с целью повысить наслаждения для человека и уменьшить страдания, скорее сотворен для совершенно иной цели: он является «кузницей духа».

С одной стороны, Богу было бы легче Самому верить за нас и в нужных случаях оказывать особую помощь. Но Он стоит впереди нас, протягивая к нам руки, и просит, чтобы мы шли сами, чтобы мы также участвовали в работе над нашим духом. Этот процесс всегда включает в себя борьбу и часто — страдание.

С какой целью?

Если воспринимать землю как «долину, где куется дух» (выражение поэта Джона Китса), наиболее сложные места в Библии видятся в другом свете. Хотя в Библии нет четких определений причин конкретных страданий, мы находим в ней много примеров, подобных приведенному в книге Амоса, где Бог использует страдание с определенной целью: «За то и дал Я вам голые зубы во всех городах ваших и недостаток хлеба во всех селениях ваших; но вы не обратились ко Мне, говорит Господь» (Амос 4:6). Почти на каждой странице Ветхого Завета еврейские пророки предупреждали израильтян о том, что их ожидают бедствия, если они будут продолжать нарушать Божьи законы.

У большинства из нас другая шкала ценностей, отличная от Божьей. Для нас жизнь представляет наибольшую ценность (а убийство, следовательно, — наиболее тяжкое преступление). «Жизнь, свобода и стремление к счастью» ~ именно так основатели Соединенных Штатов определили наивысшие ценности, которые должно охранять государство. Но у Бога, явно, иная точка зрения. Он, безусловно, ценит жизнь человека, ценит до такой степени, что назвал ее «священной», и это означает, что только Он, а не человек, имеет право отнимать жизнь. Но во времена Ноя, например, Бог без колебаний использовал это Свое право; много раз в Ветхом Завете Он отнимал у людей жизнь, чтобы остановить распространение зла.

Также, многие библейские отрывки говорят о том, что некоторые вещи намного более неприятны Богу, чем страдания Его детей. Вспомните страдания Иова, или Иеремии, или Осии. Даже Сам Бог страдал: представьте, чего Ему стоило стать человеком и умереть на кресте. Говорит ли это об отсутствии сострадания у Бога или о том, что некоторые вопросы для Бога имеют намного более важное значение, чем жизнь без страданий даже самых верных Его последователей? Как я уже говорил, в Библии наши вопросы о страданиях часто освещаются с иной стороны. Мы редко получаем ответ на вопрос о прошлом: «Почему?», либо получаем неопределенные ответы. Вместо этого Библия отвечает на другой вопрос, вопрос о будущем: «С какой целью?» Мы поселены на земле не просто для того, чтобы исполнялись наши желания, не для того, чтобы стремиться к жизни, свободе и счастью. Мы здесь для того, чтобы измениться, стать более похожими на Бога, подготовиться к вечности с Ним. И этот процесс происходит в таинственных образах всего творения, где наслаждение иногда приходит после боли, зло преобразуется в добро, а страдание производит нечто драгоценное. Обращается ли к нам Бог посредством наших страданий? Истязание себя поисками Его слов в определенной боли, в определенном моменте страдания — опасное занятие, возможно, даже противоречащее Писанию. Возможно, дело просто в том, что мы живем в мире с определенными законами, как все. Но если смотреть на общую картину, на картину истории, то да, Бог обращается к нам посредством страдания или, возможно, невзирая на страдания. Симфония, которую Он пишет, включает в себя минорные аккорды, диссонансы и отрывки, повергающие в уныние. Но те, кто внимательно следит за Его творчеством, в определенное время, обновившись в силе, разразятся песней.

Две серьезные ошибки

Дискуссии о проблеме страдания часто незаметно становятся абстрактными и философскими. Такие фразы, как «лучший из возможных миров», «преимущества свободы человека» и «кузница духа» пробираются в нашу речь, а это может невольно отодвинуть насущные проблемы страдающих людей на второй план. И все же я посчитал необходимым поднять эти вопросы, потому что считаю, что они оказывают непосредственное и значительное влияние на нашу реакцию на страдание. Вообще, я считаю, что в интеллектуальном смысле христиане ходят по натянутому канату, и всегда существует опасность упасть в одну или другую сторону. А ошибки в размышлениях по этому предмету могут иметь трагические результаты.

Первая ошибка — это когда мы все страдания приписываем Богу, считая их наказанием за грехи человека; вторая ошибка заключается в обратном, когда мы считаем, что жизнь с Богом исключает страдание. Я уже вспоминал об одном из нежелательных последствий первой ошибки. Я не раз брал интервью у тяжело больных христиан, и все они без исключения рассказывали мне о том, какой душевный ущерб наносят посетители, наводящие на мысль: «Ты поступил где-то неправильно и заслужил это наказание». В тот самый момент, когда больным больше всего нужна сила и надежда для борьбы с болезнью, им преподносят леденящую дозу вины и сомнения. Я радуюсь тому, что автор книги Иова так подробно записал речи его друзей: эта книга служит мне постоянным напоминанием о том, что я не имею права стоять рядом со страдающим человеком, заявляя: «В этом — воля Божья», даже если я искусно маскирую эту мысль красивыми религиозными фразами.

Ошибка, которую мы совершаем, изображая Бога источником всех страданий, имеет далеко идущие последствия, как об этом печально повествует история церкви. Во времена средневековья женщин посылали на костер за еретический поступок — принятие обезболивающего средства во время родов. «В болезни будешь рожать детей», — осуждающе произносил священник, когда женщину посылали на смерть. А когда Эдвард Дженнер разработал вакцину от оспы, наиболее серьезная оппозиция исходила от священнослужителей, не желающих нарушать волю Божью. Даже сегодня некоторые религиозные секты отказываются от современных методов лечения.

Светские писатели используют эту слабость. В своей повести «Чума» Альберт Камус изображает католического священника, отца Панелуа, раздираемого дилеммой. Чему посвятить себя — борьбе с чумой или проповеди о том, что нужно принимать ее как от Бога? Он поднимает этот вопрос в проповеди. «Панелуа начал с того, что ему нелегко об этом говорить. Но, поскольку Бог хочет этого, мы также должны этого хотеть. Поэтому только христианин способен смело встретить чуму... Страдания детей — это хлеб болезни, но без этого хлеба наши души погибнут от духовного голода». Отец Панелуа проповедует об этом, но не в силах этому поверить: позже он отрекается от своей веры, видя, как ребенок умирает в мучениях от чумы.

Если бы Библия настолько явно не отрицала того, что всякое страдание — это результат конкретного греха; если бы трудности Иова не были описаны в ней столь ярко; если бы в ней не был изображен Божий Сын, который, будучи на земле, не приносил болезни, а исцелял их — то дилемма, выдвинутая Камусом, была бы неразрешимой. Потому что, если мы считаем, что все страдания приходят от Бога, чтобы чему-то нас научить (как, например, считают мусульмане), следующим логическим шагом был бы полный фатализм. Полиомиелит, СПИД, малярия, чума, рак, лихорадка — зачем человеку сражаться со всеми этими болезнями, если они — Божьи уроки для нас?

Когда в XVII веке «черная смерть» распространялась в Англии, некоторые уличные пророки с неким удовлетворением объявляли, что чума — это Божья кара. Но другие верующие — среди них были и врачи, и священники — остались в Лондоне с тем, чтобы помогать больным. Один жертвенный священник сплотил вокруг себя 350 жителей деревни Иам и убедил их не выходить из деревни, чтобы болезнь не распространялась. В конечном итоге умерло 259 жителей деревни, но они служили друг другу в болезни и предотвратили дальнейшее распространение заразы.

В своем «Дневнике года чумы» Даниель Дефо сравнивает поведение христиан с поведением магометан. Когда чума пришла на Средний Восток, живущие там религиозные фаталисты нисколько не изменили своего поведения: они, как и раньше, посещали общественные места. По сравнению с более осторожными лондонцами, намного более высокий процент из них был поражен чумой.

В наши дни некоторые христиане все еще рискованно склоняются к фатализму, который более присущ исламу или индуизму, чем христианству. Несколько лет назад проводилось исследование, целью которого было определить, почему в южной части США от ураганов погибает больше людей, чем в сред незапад ной части.

Исследователи обнаружили такие факторы, как разные типы построек и другие, но также выделили следующее: некоторые южане, будучи более религиозными, ведут себя по отношению к ураганам как фаталисты. «Ураган, так ураган, я же ничего изменить не могу!» А жители среднезападной части страны более внимательно относились к прогнозам погоды, закрепляли перед ураганом предметы, которые мог сорвать ветер, скрывались в убежищах.

Если заключения исследователей верны, я воспринимаю такие тенденции как опасное искажение христианских догм. Южанам надо было слушать прогнозы погоды и вовремя укрываться. Отцу Панелуа надо было быть в первых рядах борцов с чумой, наряду с докторами. Сам Иисус во время Своей жизни на земле боролся с болезнями и отчаянием. Ни разу Он не сделал намека на фатализм и не проповедовал безропотного принятия страданий. Мы, обитатели этой «стонущей» планеты, имеем право бороться со страданием; более того, это — наша обязанность. Тому, кто не согласен с этим, я советую перечитать притчу о добром самарянине в Евангелии от Луки, 10 глава, а также притчу об овцах и козлах в Евангелии от Матфея, 25 глава.

Теология богатства и здоровья

В последнее время определенная часть церкви склоняется в другом направлении, в сторону второй серьезной ошибки. Они учат, что жизнь с Богом вообще не должна включать в себя страдания. Такая «теология богатства и здоровья» могла возникнуть только в благополучные времена и в обществе, где предостаточно препаратов, облегчающих боль.

Христиане в Иране или, скажем, в Камбодже, вряд ли смогли бы изобрести такую жизнерадостную теологию. Один восточноевропейский христианин заметил: «Складывается впечатление, что вы, западные христиане, видите богатство как единственное доказательство Божьего благословения. А бедность, неустройство и страдание, напротив, как показатель неблагословения. В некотором смысле мы, восточные христиане, видим страдание с другой стороны. Мы верим, что страдание может являться показателем Божьего расположения к человеку, и доверяем христианам, претерпевшим страдания».

В наши дни мы уделяем особое внимание тем, кто получил чудесное исцеление, посвящаем им журнальные статьи и телепрограммы, обещая исцеление для всех, кто только захочет его принять.

Ни в коей мере я не желаю принизить значимость исцеления тела. Но чудеса, явно, не разрешают проблему страдания как таковую, ведь смертность среди христиан не ниже, чем среди нехристиан, — умираем мы все. Нам так же, как и всем, иногда нужны очки, иногда ломаются наши кости, и вообще наше тело не застраховано от бед — автомобильных аварий, бомб террористов и т. д. Христиане тоже болеют раком; они полностью разделяют страдания, существующие в этом мире. Побочный эффект современного акцента на чудесном исцелении — это чувства неисцеленного человека, мимо которого Бог будто бы прошел, не обратив на него внимания. Недавно я смотрел телепрограмму об исцелении в прямом эфире. Самые восторженные аплодисменты раздались, когда один из звонивших рассказал о том, что Бог исцелил его ногу за неделю до ампутации. Аудитория торжествовала, а ведущий сказал: «Это самое прекрасное чудо сегодня!» Я не мог не подумать о людях с ампутированными конечностями, которые смотрели эту программу и, наверное, думали о том, где их вера подвела их.

В отличие от многих телеевангелистов, апостол Павел ожидал от христианской жизни не только богатства и здоровья, но и определенных страданий. Он писал Тимофею: «Да и все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы» (2 Тим. 3:12). Если человек болен, это не значит, что он не духовен. И христианская вера не снабжает нас волшебным, герметически закрытым и не содержащим микробов скафандром, предохраняющим нас от всяческих опасностей в этом мире. Это изолировало бы нас от мира. Но Бог не сделал этого даже для Своего собственного Сына.

Заверения о том, что христианская жизнь гарантирует нам богатство и здоровье, перекликаются с аргументами сатаны в книге Иова. Его аргументы были решительно опровергнуты.

Чтобы восстановить баланс в этом вопросе, полезно было бы перечитать одну из величайших библейских глав о вере — 11-ю главу Послания к евреям. Автор упоминает ряд личностей, живших в разные исторические периоды и сохранявших верность Богу. Большинство из святых, перечисленных в первой части главы, получали чудесное избавление от Бога: Исаак, Иосиф, Моисей, Раав, Гедон, Давид. Но во второй части главы рассказывается о тех, которых мучили, держали в цепях, побивали камнями и распиливали надвое.

В 11 -ой главе Послания к евреям дается яркое описание этой группы: они одевались в овечьи и козьи кожи, терпели недостатки, скитались по пустыням и горам, по ущельям земли. А вот как автор подытоживает главу: «И все сии, свидетельствованные в вере, не получили обещанного». Но здесь также приводится Божья оценка этих земных пилигримов, которые стремились к лучшей, небесной стране: «Посему и Бог не стыдится их, называя Себя их Богом: ибо Он приготовил им город».

Я недавно вспоминал об этих «Божьих любимцах», читая книгу «Не убоишься зла» Дэвида Ватсона, известного английского проповедника и писателя. Достигнув успеха в своем деле, Ватсон получил страшный диагноз от врачей: рак кишечника. Сплотив вокруг себя друзей-христиан, он отчаянно пустился в путь, называемый верой. К тому времени он получил известность в харизматическом движении, и большинство его друзей были убеждены, что Бог разрешит проблему посредством чудесного исцеления.

Но болезнь брала свое, и Ватсон, слабея, потянулся к иному типу веры. Ему нужна была вера, которую имели святые, перечисленные во второй части 11-ой главы Послания к евреям, та вера, которая помогла выстоять Иову в самые мрачные дни. И в своей книге Ватсон рассказывает о том, как он достиг такой веры.

Дэвид Ватсон написал последние слова своей книги в январе, а умер в феврале. Многие люди восприняли его книгу с известной долей разочарования — они надеялись на чудо. Но Д. Пакер, написавший предисловие к книге после смерти автора, оценил ее как возрождение древней традиции христианских книг об «искусстве умирания». До недавних пор достойная смерть считалась достижением верующего человека, пиком его хорошей жизни.

Пакер пишет:

«Тот факт, что Дэвид до последней страницы надеется на сверхъестественное исцеление, которое никогда не получит, не так важен. По воле Бога, который не всегда показывает Своим служителям истинную суть книг, которые Он побуждает их писать, тема книги «Не убоишься зла» — это победа над смертью. Победа эта заключается не в том, чтобы игнорировать смерть, и не в том, чтобы быть от нее огражденным, но в смелом погружении в нее со знанием, что для верующего смерть — это вестибюль славы.

Теологическая позиция Дэвида подталкивала его к вере в то, что Бог желал исцелить Его тело. Моя позиция приводит меня к мысли, что Бог, очевидно, хотел забрать Дэвида домой и исцелил все его существо, приняв его во славу, как Он когда-то примет и исцелит нас всех. Умирая, мы не теряем здоровье и жизнь, — и я использую эти слова в их самом полном значении, — умирая, мы их обретаем.

Глава 8. Сражаться с Богом? Руки коротки!

*«Некоторые говорят, что для богов мы —
как мухи, которых мальчишки прихлопывают
в жаркий летний день. Другие говорят, что
и перышко не упадет с воробья
без воли Небесного Отца».*
— Торнтон Уайлдер
«Мост в Сан Луис Рей»

Вы лежите на больничной койке — жизнь ваша поддерживается искусственно через трубки, входящие в вену и в нос. Смртоносный ураган уничтожил все, что вы нажили. То, что вы заработали — дом, машина, сбережения — все исчезло навсегда. Ваша семья уничтожена, вас никто не навещает, кроме несколько эксцентричных соседей. Из последних сил вы цепляетесь за жизнь.

Вы проходите через обычные этапы горя, за вашими молитвами и вопросами чувствуется обида, если не ожесточение. «Если бы только Бог лично посетил меня и ответил на мучающие меня вопросы, — думаете вы. — Я хочу верить Ему, но как я могу верить?! Случившееся со мной перечеркнуло все мои представления о любящем Боге. Если бы я мог хоть раз увидеть Его и получить объяснение причин происходящего, я бы выстоял, я бы все перетерпел».

Один человек, который находился в очень похожем положении, получил ответ от Бога. Иову, который стал прототипом невинного страдальца, явился Сам Бог и отвечал ему из бури. Божий ответ Иову — одна из самых длинных речей, записанных в Библии, и поскольку она является завершением наиболее полного трактата о страдании, она заслуживает более внимательного чтения. Возможно, Бог уже записал то, что Он сказал бы нам лично. Прежде всего, давайте вспомним, в каком положении находился Иов. Что мог сказать ему Бог? Он мог бы нежно положить на голову Иова руку и рассказать о том, насколько он вырастет как личность, претерпев эти страдания. Бог мог бы похвалить Иова, который победил в этой схватке с врагом: «Иов, я знаю, что ты незаслуженно страдал, но ты выстоял! Ты даже не представляешь, какое важное значение имеет для Меня эта победа, и для Вселенной вообще». Бог мог бы прочесть ему лекцию о необходимости охранять свободу человека или о трагических результатах согрешения первых людей.

Несколько добрых фраз, улыбка сострадания, короткое объяснение происшедшего — все это помогло бы Иову. Но Бог ничего подобного не сделал. Наоборот, Он агрессивно настроен против Иова: «Кто сей, омрачающий Провидение словами без смысла? Препояшь ныне чресла твои, как муж: Я буду спрашивать тебя, и ты объясняй Мне» (38:2-3). И Бог вместо объяснений выставляет Иову ряд вопросов, в которых, в сущности, игнорируются тридцать пять глав дискуссий о проблеме страдания.

Уроки природы

О величественной речи Бога, обращенной к Иову (38-41 гл.), написано немало. В отрывке, который мог, быть обращен к таким обществам по охране природы, как клуб «Сиерра» или «Аудубон», Бог рассказывает Иову обо всех чудесах природы. Я также восхищаюсь величественными картинами природы, но вместе с восхищением невольно приходит чувство замешательства. Почему в такой момент произносится подобная речь?

Читатели, которые любят цитировать эти Божьи слова или выбирают из Его речи прекрасные поэтические отрывки для того, чтобы написать их на плакате и повесить у себя в доме, возможно, не принимают во внимание то, в каком состоянии находился Иов, когда слышал эти величественные слова: у него не было ни дома, ни друзей, ни одежды, а только раны и отчаяние. Какое удачное время для прохождения курса о любви к природе! Почему Бог уклоняется от ответов на те вопросы, которые мучили бедного Иова?

Перед совершенно угнетенным слушателем Бог начинает Свою песнь с переливами Божественного ликования. Он напоминает Иову...

ВОСХОД. «Давал ли ты когда в жизни своей приказания утру и указывал ли заре место ее?»

ДОЖДЬ И СНЕГ. «Входил ли ты в хранилища снега и видел ли сокровищницы града?... Из чьего чрева выходит лед?... Кто может расчислить облака своею мудростью и Удержать сосуды неба, когда пыль обращается в грязь и глыбы слипаются?»

БУРЯ. «Кто проводит протоки для изливания воды и путь для громоносной молнии?... Можешь ли посылать молнии, и пойдут ли они и скажут ли тебе: вот мы?»

ЛВЫ. «Ты ли ловишь добычу львице и насыщаешь молодых львов, когда они лежат в берлогах или покоятся под тенью в засаде?»

ГОРНЫЕ КОЗЫ. «Знаешь ли ты время, когда рождаются дикие козы на скалах, и замечал ли роды ланей?»

ДИКИЕ ОСЛЫ. «Кто пустил дикого осла на свободу, и кто разрешил узы онагру, которому степь Я назначил домом и солончаки — жилищем? Он посмеивается городскому многолюдству и не слышит криков погонщика».

СТРАУС. «Ты ли дал красивые крылья павлину и перья и пух страусу?.. Бог не дал ему мудрости и не уделил ему смысла; а когда поднимется на высоту, посмеивается коню и всаднику его».

КОНЬ. «Ты ли дал коню силу и облек шею его гривой? Можешь ли ты испугать его, как саранчу? Храпение ноздрей его — ужас».

ХИЩНЫЕ ПТИЦЫ. «Твоею ли мудростью летает ястреб и направляет крылья свои на полдень? По твоему ли слову возносится орел и устрояет на высоте гнездо свое?» (Иов. 38-39).

Гордые львицы, парящие в небе орлы, молнии, крокодилы, дикие горные животные — эти и другие образы напомнил Бог Иову, и в Его голосе слышалось удовлетворение и радость художника. Представляя Иову эти картины, Бог спрашивал, по сути, следующее: «Иов, разве ты настолько могуществен, что смог бы создать такое? Настолько мудр, чтобы управлять миром? Могущественна ли твоя рука, как рука Бога? Такой ли громогласный у тебя голос?» Бог даже говорит с сарказмом: «Ты знаешь это, потому что ты был уже тогда рожден, и число дней твоих очень велико» (38:21).

Божьи слова для Иова — как разительный удар, и он, не в силах стоять, сдается в покаянии. «Знаю, что Ты все можешь, и что намерение Твое не может быть остановлено... я говорил о том, чего не разумел, о делах чудных для меня, которых я не знал» (42:2-3).

Ответил ли Бог Иову на вопросы о страдании и несправедливости? Нет, Он, казалось, умышленно избегал логического, подробного объяснения. (Иронично то, что люди пишут книги, пытаясь защитить репутацию Бога в связи со сложной проблемой страдания, хотя Сам Бог не видит нужды оправдываться.) Почему же у Бога такой агрессивный¹ тон? Чего добивался Он от Иова?

Бог просто хотел, чтобы тот выразил Ему свое доверие. Мне кажется, за всеми поэтическими выражениями Бога звучит следующее: «До тех пор, пока ты, Иов, не разберешься хоть немного с материальной частью Вселенной, пожалуйста, не учи Меня, как управлять ее духовной частью».

Если мы, как и Иов, настолько мало знаем о материальном мире, который мы видим и к которому прикасаемся, какое право имеем мы судить о том, как Он разрешает моральные вопросы Вселенной? До тех пор, пока мы не сможем сотворить, скажем, метель или просто геометрически совершенную снежинку, у нас нет оснований судить Бога. Пусть тот, кто выдвигает против Него обвинения, сначала подумает о Его величии.

У Бога, который настолько премудр, что управляет Вселенной, хватит премудрости для того, чтобы разобраться с жизнью Своего сына Иова, независимо от того, насколько безнадежной кажется она в данный момент. Если Бог настолько премудр, что сотворил меня и окружающий мир, Он, конечно же, способен и позаботиться обо мне.

Упущение в бестселлере

Речь Бога в конце книги Иова — это одна из главных причин, по которой я не могу согласиться с заключениями хорошо написанной и популярной книги о проблеме страдания «Когда плохое случается с хорошими людьми». Раввин Гарольд Кушнир написал эту книгу после того, как умер его сын, боровшийся с жестокой болезнью прогерия, которая стремительно ускоряет процесс старения, так что мальчик сначала полысел, потом у него появились морщины, и, в конечном итоге, он совершенно ослабел и умер.

В своей книге Кушнир пишет, что он научился принимать Божью любовь, но не уверен в Божьем могуществе. Он пришел к выводу, что Бог добр и Ему очень жаль, что мы страдаем, но Он просто не в силах исправить все проблемы в нашем мире, такие проблемы, как прогерия у детей. Страдание существует на этой планете потому, что «даже Богу сложно упорядочить хаос», и Бог — это «Бог справедливости, но не силы». Другими словами, Бога, так же, как и нас, возмущает обилие страдания на нашей планете, но у Него связаны руки.

Книга Кушнира стала бестселлером потому, что люди находят в ней утешение. Раввин написал то, во что они всегда хотели верить: Бог хочет, но не может помочь им. И когда мы просим Его разрешить наши проблемы, мы слишком многого просим. Выводы Кушнира, возможно, чем-то привлекают. Но правда ли это?

Если Кушнир открыл новые истины о Боге, почему Бог не открыл эти истины в Своей речи, обращенной к Иову? Ведь эту книгу вполне можно было бы назвать так: «Когда самое плохое случается с самым праведным». Последняя сцена книги была прекрасной возможностью для Бога рассказать о том, что у Него недостаточно силы, если бы проблема действительно состояла в этом. Иову наверняка эти слова послужили бы утешением: «Иов, я сожалею о том, что происходит. Я надеюсь, ты понимаешь, что Я к этому никакого отношения не имею. Я хотел бы помочь тебе, Иов, но просто не могу».

Вместо этого, в книге Иова (38-41) мы находим один из наиболее впечатляющих рассказов о Божьей силе во всей Библии. Бог не говорит Иову о том, что у Него недостаточно силы; напротив, Его словесные фуги о птицах, диких животных, снежных бурях и созвездиях как раз подчеркивают Его могущество.

Если бы Бог действительно не был всемогущим, какой смысл было бы Ему избирать наиболее неблагоприятное время для рассказа о Своем могуществе? Илия Визель высказал, наверное, наиболее удачный комментарий о таком Боге, которого изображает раввин Кушнир: «Если Бог действительно таков, то Ему пора бросать работу и уступить место кому-то более способному».

Ответ, а не причина

Хотя Божья речь разрешила проблемы Иова, она, наверное, не разрешит наших проблем. (Нам, возможно, непонятно, почему Иова удовлетворил такой неопределенный ответ... Правда, нужно учесть, что мы не слышали голоса Божьего, доносящегося из бури.) В конечном итоге, мучащую его пустоту заполнило Божье присутствие. Но какие уроки мы можем извлечь для себя, мы, к которым Бог не обращался лично?

На мой взгляд, книга Иова служит еще одним примером того подхода к проблеме, который использует Иисус в 13-ой главе Евангелия от Луки и в 9-ой главе Евангелия от

Иоанна. Страдание включает в себя два главных вопроса. (1) ПРИЧИНА. Почему я страдаю? Кто послал мне страдания? И (2) — наша РЕАКЦИЯ. Инстинктивно каждый из нас хотел бы узнать причину наших страданий прежде, чем мы решим, как реагировать на них. Но Бог не дает Иову такой возможности. Он переводит внимание Иова с поисков причины на его реакцию. Бог здесь как будто разграничил сферы ответственности. Он полностью принимает на Себя ответственность за управление Вселенной вместе со всеми ее проблемами. Для такого человека, как Иов, который концентрирует свое внимание на этих проблемах, у Бога один совет: «Перестань ныть! Ты совершенно не понимаешь, о чем говоришь». Или, как пишет Фредерик Бюхнер: «Бог не объясняет. Он взрывается. Он спрашивает Иова: а кто ты вообще такой? Он говорит, что объяснять ему эти проблемы — это все равно, что объяснять теорию Эйнштейна какому-то моллюску... Бог не открывает Свой великий план. Он открывает Себя».

А Иову об одном только нужно беспокоиться: о том, как онотреагирует на эти страдания. Бог нигде не объясняет причин страдания Иова, но фокусирует внимание на будущем. Произошла трагедия — что ты будешь делать теперь? Станешь искать, кто виноват — это приведет в никуда. Иов должен был со всей ответственностью подойти к своей реакции на происшедшее, потому что это единственная область, которую контролирует не Бог, а он.

Предельно ясные и одноформенные библейские схемы помогают мне прийти к заключению, что основной вопрос, с которым сталкиваются христиане, это не: «Это сделал Бог?», но: «Как поступать теперь, когда произошла эта трагедия?». Именно по этой причине я переношу основное внимание этой книги с теоретических вопросов о страдании и буду фокусировать его на примерах страданий отдельных людей и на их реакции на боль.

В Библии вопрос страдания — это не столько философская загадка, сколько испытание верности человека. Как говорит флоридский пастор Стивен Браун (только не воспринимайте его слова буквально): «Всякий раз, когда неверующий заболевает раком, Бог попускает заболеть и христианину, чтобы мир увидел огромную разницу в том, какую реакцию вызывает страдание у тех и других».

В чем должна состоять эта разница? Как лучше всего реагировать на страдание? В Библии мы находим много мест, где содержится тот же самый, хотя и непростой, ответ: «С великою радостью принимайте, братия мои, когда впадаете в различные искушения, зная, что испытание вашей веры производит терпение; терпение же должно иметь совершенное действие, чтобы вы были совершенны во всей полноте, без всякого недостатка» (Иакова 1:2-4).

«Возлюбленные! огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас странного, но как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явление славы Его возрадуетесь и восторжествуете» (1 Петра 4:12-13).

«О сем радуйтесь, поскорбев теперь немного, если нужно, от различных искушений» (1 Петра 1:6).

Одно из лучших выражений библейского отношения к страданию родилось из разногласий апостола Павла с церковью в Коринфе. Будучи очень возбужденным, Павел послал им резкое письмо. Позже, размышляя об этом, он пишет им: «Посему, если я опечалил вас посланием, не жалею, хотя и пожалел было; ибо вижу, что послание то опечалило вас, впрочем на время. Теперь я радуюсь не потому, что вы опечалились, но что вы опеча-! лились к: покаянию; ибо опечалились ради Бога» (2 Кор. 4:8-9).

«Опечалились к покаянию» — эти емкие слова Павла точно оценивают роль страдания. Они подчеркивают библейское ударение, делаемое на результат, а не на причину. Эта фраза также очень подходит к уроку, который преподает Иисус, говоря о случившихся трагедиях: «Разве вы не понимаете, что вы так же погибнете, если не оставите свои злые пути и не покаетесь, не обратитесь к Богу?» (Луки 13).

Есть результат!

«Радуйтесь!» Чем этот библейский совет отличается от советов улыбающегося посетителя в больнице, который, не входя в положение больного, убеждает его, что нужно думать о хорошем. Читайте дальше - в каждом отрывке вы найдете, что речь идет о добрых результатах. Страдание что-то производит. Оно обладает ценностью потому, что изменяет нас.

Используя такие слова, как «радуйся», апостолы не советовали нам «нести свою ношу с улыбкой» или вести себя так, будто ничего не произошло. Мы также не видим и следов такого отношения к страданию ни в словах Павла, ни в словах Христа. Если бы такое отношение к страданию поощрялось, то целью была бы самодостаточность, а не детское доверие Богу.

Также здесь нет намеков на мазохизм — получение удовольствия от боли. «Радоваться в страдании» — это не значит, что христиане должны заставлять себя улыбаться, если произошла трагедия или хочется плакать от боли. Нет, Библия просто высвечивает конечный результат, то полезное, во что Бог может преобразовать наше страдание. Но для того, чтобы достичь этих результатов, Ему необходимо наше доверие, и вот этот процесс доверия Ему можно назвать радостью.

В Послании к римлянам 5:3-5 этот процесс разбивается на несколько этапов: «...но хвалимся и скорбями, зная, что от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает, потому что любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам». Все достаточно просто: такое качество, как терпение, может развиваться только в испытаниях. Ведь действительно, человек, который всегда получает то, чего ему хочется, не сможет научиться терпению или упорству. Страдание может быть одним из инструментов, с помощью которого формируются эти добрые качества.

В таком свете повеление апостола «Радуйтесь!» обретает реальный смысл. Иаков не говорит: «Радуйтесь искушениям», но: «Радуйтесь, когда впадаете в различные искушения...» Между этими двумя выражениями — огромная разница: первое призывает радоваться страданию, а второе — возможностям духовного роста, которые открываются посредством страданий. Мы радуемся не самому страданию, но радуемся потому, что верим в возможность преобразования страдания во что-то ценное. Ценность основывается не на страдании как таковом, но на том, что мы можем извлечь из него. Страдание не должно быть бессмысленным, и поэтому мы радуемся в Боге, который способен преобразовать страдание в добродетель.

Сделав этот поэтапный анализ в 5-й главе Послания к римлянам, апостол Павел, несколько глав спустя, приходит к важному выводу: «Притом знаем, что любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу». Иногда люди искажают это выражение и пытаются доказать, что у тех, кто любит Бога, не будет проблем. Павел говорит как раз об обратном. Остальная часть восьмой главы напоминает нам о том, что он имел в виду, говоря «все»: трудности, лишения, преследование, наготу, голод,

опасность, меч - все это взято из автобиографии Павла. И в то же время — и это ярко проявилось в жизни Павла — Бог использовал все это, чтобы достичь определенных целей как в самом апостоле, так и через него. Лучше сказать, что Бог работал над Павлом посредством обстоятельств, а не в самих обстоятельствах.

Выходит, что Бог приносит страдания в нашу жизнь,' чтобы достичь определенных целей? Вспомните, какие принципы мы извлекли из окончания книги Иова. Вопросы о причинах лежат в области, для нас недостижимой: мы не поймем ответы на эти вопросы. Мы не имеем права гадать: «Некоторые родственники покалялись на похоронах. Наверное, для этого Господь отозвал его к Себе». Нет, наша задача - иметь правильную реакцию на происшедшее. Павел и другие авторы Нового Завета заверяют нас, что если нашей реакцией будет доверие Богу, то Бог обязательно произведет благо в нашей жизни. Как очень точно сказал сам Иов: «Он спасает бедного от беды его и в угнетении открывает ухо его» (36:15).

Понимание того, что страдание производит добрые плоды, помогает по-иному его воспринимать. Люди способны добровольно подвергать себя страданиям, если у них есть цель, — хорошим примером могут послужить спортсмены или беременные женщины. Согласно Библии, правильная христианская реакция на страдание дает такую надежду лежащему на больничной койке. Если мы полагаемся на Бога и доверяемся Святому Духу, который преображает нас в Его образ, в нас формируется истинная надежда, которая «не постыжает». Мы действительно можем стать лучшими людьми посредством страданий. Боль, какой бы бесполезной она ни казалась, может родить добродетель.

Где Бог, когда мы страдаем? Он в нас - Он не в том, что производит страдание - и Он помогает нам преобразовать трагедию во благо. Мы можем смело сказать, что Бог способен извлечь доброе из злого; мы не можем сказать, однако, что Бог приносит в нашу жизнь что-то злое, чтобы произвести добрый плод.

Путь Мэри

Как-то мы с доктором Полом Брендом говорили о христианах, прошедших через страшные страдания. Когда он рассказал о нескольких таких людях, я спросил его, что сделало с ними страдание — приблизило их к Богу или отвратило от Него? Он долго думал, как ответить, и, наконец, сказал, что однозначного ответа здесь нет. Кто-то стал ближе к Богу, а кто-то в ожесточении отдалился от Него. Основная разница между этими людьми состояла в том, что они сосредоточивали свое внимание на разных вещах. Те, кому не давал покоя вопрос о причинах случившегося («Чем я заслужил такое? Чему хочет научить меня Бог? Это что, наказание?»), часто отворачивались от Бога. А страдальцы-победители, напротив, принимали на себя ответственность за свою реакцию на боль и доверяли Богу, невзирая на трудности.

Затем доктор Бренд рассказал мне об одной из своих наиболее известных пациенток, Мэри Вергис (История Мэри рассказана в книге «Возьми меня за руки», автор Дороти Кларк Вилсон). Мэри не была прокаженной. Нет, она, перспективный врач, проходила стажировку в больнице Бренда для прокаженных в Индии. Однажды она поехала на пикник. За рулем фургона был молодой студент, которому не терпелось продемонстрировать свою лихость. Проехав несколько километров за ползущим школьным автобусом, нервный водитель выскочил на встречную линию, чтобы, наконец, обогнать его. Когда он заметил, что навстречу движется машина, то хотел нажать на

тормоз, но, по ошибке, нажал на педаль газа. Фургон, потеряв управление, слетел с моста и грохнулся на скалистый берег реки.

Мэри Вергис, молодой перспективный врач, лежала на берегу без движения. Кожа на лице была распорота от глаза до подбородка, а ноги были совсем бесчувственными, будто одеревенели. Следующие несколько месяцев для Мэри были почти невыносимыми. На улице столбик термометра поднимался до 45 градусов Цельсия, а Мэри лежала в своей душевной палате, на растяжках, в пластиковом корсете. Ей предстояло пережить мучительные часы терапии. Каждую неделю медсестры тестировали ее на чувствительность, и каждый раз она проваливала этот экзамен, потому что совершенно не чувствовала уколов на ногах. Наблюдая за выражениями отчаяния Мэри, доктор Бренд пришел к ней поговорить. «Мэри, — начал он, — я думаю, нам нужно думать о твоём профессиональном будущем в медицине». Девушка сначала решила, что он шутит, но доктор убеждал ее в том, что она сможет проявлять уникальные качества сочувствия и понимания больным. Мэри долго размышляла над этим предложением, сомневаясь в том, что ее ноги станут достаточно действенными для того, чтобы она смогла быть врачом. Постепенно она начала работать с больными проказой. Работники больницы стали замечать, что в присутствии Мэри Вергис больных покидало отчаяние и угрюмость, они переставали жалеть себя. Больные проказой обсуждали между собой человеческие качества доктора в инвалидной коляске (она была первым врачом-инвалидом в Индии). Девушка была еще в худшем положении, чем они, и на ее лице также, как на лицах прокаженных, были шрамы. Вскоре Мэри Вергис стала ассистировать доктору при операции, что для нее было утомительной, изматывающей работой, ведь она могла выполнять ее только сидя.

Однажды доктор Бренд встретил Мэри, когда она передвигалась на своей коляске от одного здания больницы к другому. Он спросил, как она себя чувствует. «Сначала казалось, что жизнь потеряла всякий смысл, — ответила она, — но теперь мне кажется, что во всем этом все же есть какой-то план». Процесс выздоровления Мэри включал в себя нескончаемые часы терапии и серьезную операцию на позвоночнике. Она так и не смогла встать на ноги и вынуждена была постоянно лечить отеки на ногах. Но теперь впереди мерцал огонек надежды. Мэри начинала понимать, что ее болезнь — это не наказание от Бога, которое искалечит ее жизнь. Нет, как доктор она может использовать эту болезнь для помощи своим пациентам. Сидя в инвалидной коляске и криво улыбаясь, она моментально находила контакт с больными.

Спустя некоторое время, Мэри научилась ходить с помощью специальных металлических скоб. Она работала под эгидой Нью-Йоркского института физиологической медицины, а позже возглавила новый институт физиотерапии в Индии.

Мэри — выдающийся пример человека, который ничего не достиг, спрашивая, почему с ней произошла трагедия. Но когда она обратилась к Богу, спрашивая, какая цель стоит перед ней теперь, она научилась доверять Ему и надеяться, что Он направит ее жизнь в нужное русло. Таким образом, Мэри Вергис достигла в жизни, наверное, намного большего, чем она достигла бы, не случись той аварии.

Я знаю людей, которые отвернулись от Бога в результате своих страданий; они совершенно не похожи на Мэри Вергис. Они говорят о своей болезни так, будто в этом, собственно, и состоит их жизнь. Они дают волю самосожалению, которое существует где-то в глубине каждого из нас.

Страдающий человек стоит перед выбором. Он может, полный горечи, отойти от Бога в обиду на Него. Или он может принять испытания как возможность радоваться. Я не хочу сказать, что Бог любит одних страдальцев и отвергает других, или даже, что одни более духовны, чем другие. Я думаю, что Бог понимает и тех, которые мечутся, кричат, злятся, и тех, которые поняли, что страдание может принести благодать и изменение. (Помните, Бог намного более снисходительно относился к честным вопросам Иова, чем к речам его друзей.)

Богу не нужна наша правильная реакция на страдание для того, чтобы удовлетворить некие родительские чувства. Он именно для нас пытается перенести наше внимание с причины на результат. Вообще, путь радостного принятия страданий ведет к исцелению — чувства радости и благодарности уменьшают стресс и успокаивают нервы, уводят страх и помогают мобилизовать системы защиты организма от болезней.

Если бы мы точно знали, почему Бог допускает определенное страдание, помогло бы это нам в действительности? Такое знание, возможно, принесло бы нам еще больше горечи. Но мы получаем помощь, когда полностью доверяем Ему. Тогда ломается наша самонадеянность и вырастает вера в Бога — вера иного, высшего качества. Тогда наше страдание рождает ценности, которые будут с нами всю жизнь, — вечные ценности.

«Я не прошу у Тебя ни здоровья, ни болезни, ни жизни, ни смерти; но прошу: _распоряжайся моим здоровьем, моими болезнями, моей жизнью и смертью для Твоей славы... Только Ты знаешь, что целесообразно для меня; Ты -Владыка, Ты -- Господин. Поступай со мной согласно Своей воле. Давай мне, отнимай у меня, только формируй мою волю согласно Твоей. Я одно знаю, Господи: за Тобой идти — хорошо, обижать Тебя — плохо. А сверх этого я не различаю, где добро, а где зло. Я не знаю, что лучше для меня: здоровье или болезнь, богатство или бедность, — ничего в этом мире не знаю. Это знание лежит за пределами досягаемости людей или ангелов, оно сокрыто в тайнах Твоего Провидения, которому я поклоняюсь, но которое не пытаюсь понять».

— Молитва Блеза Паскаля

Часть 3. Как люди реагируют на страдание

Глава 9. После падения

*«Неутихающая боль,
Капля за каплей,
Падает на сердце,
Пока к нам, отчаявшимся,
Не явится мудрость
Через потрясающую Божью благодать».*
- Эсхил

Слова о ценности страдания и о важности того, какая реакция возникает у страдающего человека, хорошо звучат в теории, но мало кто думает о теоретическом страдании. Важно знать, действуют ли эти принципы в жизни? Чтобы больше узнать об этом, я посетил двух христиан, которые ежедневно сражаются с болью, как с физической, так и с психологической - с болью, иногда становящейся бесконтрольной. Оба были поражены болезнью в расцвете сил; во многом их имена невольно ассоциируются с трагедиями, встретившимися им на пути. И в то же

время эти двое - Брайан Стернберг и Джони Эрексон Тада - совершенно по-разному отнеслись к постигшему их несчастью. Их погружение в страдание настолько глубоко, что каждый случай заслуживает того, чтобы ему уделить отдельную главу.

Второго июля 1963 года Брайан Стернберг упал с трехметровой высоты, и это секундное падение полностью изменило его жизнь и жизнь его семьи. В школе Брайан посвящал много времени занятиям необычным видом спорта - прыжкам в высоту с шестом. Ему нравились все составные грациозного прыжка: стремительный разбег, резкий толчок шеста, сам взлет, напоминающий прыжок ягуара, момент невесомости над планкой, а затем захватывающее дух падение на маты. Для Брайана было недостаточно просто усовершенствовать технику прыжка. Зная, что сильное тело поможет ему подняться чуточку выше, он также занялся гимнастикой. Гимнастика — балет силы — наверное, ближе всех других видов спорта приближается к искусству. Почти каждый день после уроков Брайан направлялся в спортзал, где снова и снова занимался, оттачивая разбег, прыжок и технику падения. Он научился переворачиваться и делать сальто в воздухе, наслаждаясь полным контролем, который имел над собственным телом. Прыжки с шестом требовали железной дисциплины; гимнастика делала его свободным.

Будучи первокурсником в Вашингтонском университете, Брайан установил рекорд страны среди первокурсников колледжей. Очень скоро спортивные журналы стали называть его сильнейшим прыгуном мира. Шел 1963 год. Президентом США был Джон Кеннеди, а национальной задачей номер один — победа над русскими спортсменами. Казалось, что у американцев теперь был победитель, и внимание всей страны сфокусировалось на девятнадцатилетнем Брайане Стернберге.

В 1963 году о новых спортивных достижениях Брайана писали почти каждую неделю. Не зная себе равных в соревнованиях под открытым небом, он также установил рекорд страны для закрытых помещений. Потом побил мировой рекорд, а позже побил его еще дважды. Другие прыгуны достигли своего потенциала, но Брайан продолжал поднимать перекладину. То были счастливые дни для Стернбергов. Они знали, что слава была мимолетной, потому что в легкой атлетике звезд забывают быстро. Но это был праздник для всей семьи, когда они вместе садились в машину, ехали на стадион и смотрели, как восторженные толпы зрителей приветствовали победителя, с легкостью взлетавшего над планкой.

Все изменилось 2-го июля, через три недели после того, как Брайан установил свой последний рекорд. Теперь, спустя несколько десятилетий, Брайан Стернберг продолжает состязаться, но теперь это борьба иного рода, намного более одинокая и безнадежная. Борьба без шестов.

Падение

Все началось тогда, когда Брайан накинул свитер и сказал матери: «Поеду позанимаюсь в спортзале». Он поехал в Вашингтонский университет, располагавшийся за рекой, и начал разминку. Команда атлетов США готовилась к поездке в Советский Союз, и тренировки Брайана имели теперь огромное значение. Вот как он описывает, что произошло дальше:

«Если в прыжках на батуте и бывают страшные мгновенья, то это при взлете. В момент, когда спортсмен отрывается от батута, его вдруг охватывает беспричинная паника, и это чувство сохраняется до тех пор, пока он снова не ощутит опору. Это случается даже с самыми опытными спортсменами. Так вот, меня охватило такое паническое чувство, и,

взлетев, я потерял ориентацию. Я думал, что, как обычно бывало в таких случаях, я просто приземлюсь на четвереньки, но упал вниз головой.

Я услышал, как в шее что-то треснуло, а потом все исчезло. Затем я увидел, что мои руки и ноги двигаются, но не чувствовал этого движения. Поняв, что произошло, изо всех сил закричал: «Я парализован!» Голос мой, однако, звучал негромко; в легких почти не было воздуха — дыхание также подверглось воздействию паралича. Я не мог ничего сделать, не мог сдвинуться с места. Сначала на меня напал страх, но потом паника вдруг исчезла. Я сказал собравшимся вокруг меня: «Не двигайте мое тело, особенно шею». Я не мог дышать, и, теряя сознание, попросил стоявшего рядом товарища сделать мне искусственное дыхание, не запрокидывая назад мою голову.

До того, как приехали медики, на меня дважды нападал ужас, но не от физической боли, — я просто не мог поверить в то, что со мной произошло. В то время я думал лишь о ближайшем будущем. И совсем не думал о том, что, возможно, никогда не смогу ходить».

Медики мало знают о функционировании спинного мозга, потому что очень сложно его изучать, не причиняя вреда здоровью пациента. В течение сорока восьми часов врачи не знали, выживет ли Брайан. И когда он выжил, они могли только гадать, до какой степени способны восстановиться его двигательные функции. В течение последующих восьми недель Брайан лежал, пристегнутый к раме «Фостер» — конструкции из стали и полотна, называемой «брезентовый сэндвич». Закрепленная с обеих сторон на шарнирах, рама позволяла медсестрам время от времени переворачивать Брайана, чтобы на его теле не образовывались пролежни и не возникало других проблем.

После того, как его сняли с рамы «Фостер», Брайан получил возможность двигать головой, но долго не решался на это, вспоминая злое хрипящее в шее при падении. Он также владел некоторыми плечевыми мускулами. Хорошо развитые плечи всегда помогали ему выделяться среди спортсменов; теперь же плечевые мускулы начинали атрофироваться. Чтобы приостановить их отмирание, медики подсоединяли к мышцам электроды и пропускали напряжение, заставляя их сжиматься. Брайану было странно смотреть на свои работающие мышцы, которых он не ощущал.

Первое время он не чувствовал боли. Сигналы, которые регистрировала его нервная система, не подавали ему никакой информации о том, что у него вообще есть руки, ноги и туловище. Брайану казалось, будто он просто парит в воздухе, ведь он не ощущал даже матраца под собой. Брайан лежал на кровати, не чувствуя ничего, кроме головы, и у него начались осязательные галлюцинации. В его воображении существовали руки и ноги, которые он мог полностью контролировать. Когда юноша напряженно думал, например, о баскетбольном мяче, его подсознание каким-то образом воскрешало прежние чувства и ему казалось, что баскетбольный мяч у него в руках. Эти игры воображения вначале были интересными, и он надеялся, что со временем воображаемое восприятие когда-то соединится с реальностью. Но вскоре эти игры обратились против него. Он брал в руки мяч, но не мог его отпустить. Или, вместо мяча, он чувствовал, что у него в руках — опасная бритва, режущая ладони (конечно, воображаемые, но для мозга Брайана боль была реальной). Одно время его мучила ужасная иллюзия: будто ему в кончики пальцев ввинчивают металлические болты.

По ночам начинались кошмары: жуткие сны о том, что он, как муха, ползает по стенам и потолку. Некоторые сны вообще не имели никакого смысла — это был сплошной ужас. А

потом, после ночных кошмаров, начиналось утро, и это было еще страшнее, потому что от кошмаров реальности не убежишь.

Волны депрессии, более жестокие, чем галлюцинации, захлестывали его без предупреждения. Он наблюдал, как, приспособившись к пассивному образу жизни, постепенно уменьшалось его тело. Брайан лежал, часами смотря на одни и те же стены и отчаянно предпринимая одно и то же усилие, пытаясь заставить мышцы слушаться команды мозга. И всякий раз, не достигнув успеха, он глубже впадал в депрессию. Он кричал, обращаясь к врачам: «Все, больше не могу! Я не знаю, что делать дальше. Ничего не изменить! Не могу больше так просто лежать, будучи привязанным к кровати! Я устал. Я делаю все, что могу, но результата нет...»

Слезы прерывали его слова. Когда на Брайана, как тошнота, накатывалась депрессия, у него оставалось несколько точек опоры, за которые он мог ухватиться. Рядом была его подруга и семья, и еще он получал поддержку от тысяч сочувствующих — ему писали даже из таких далеких стран, как Япония и Финляндия. Каждый день родители посвящали около часа чтению писем и открыток, в которых люди выражали поддержку, — читали до тех пор, пока эмоции не захлестывали их самих... Один семидесятидевятилетний старик написал: «Мое тело уже никуда не годится, но спинной мозг работает нормально. Если бы я только мог отдать его тебе...»

Поддержка приходила также от спортсменов со всего мира. В Советском Союзе для Брайана отчеканили специальную медаль. Футбольная команда «Чифс» из Канзаса сыграла благотворительный матч, прибыль от которого пошла на медицинские расходы Брайана.

Однако через несколько недель уже ничто, казалось, не способно было вывести Брайана из депрессии. Врачи не могли его обнадежить — после подобной травмы никто в медицинской практике не встал на ноги. Выбраться из этой затяжной депрессии ему помогли члены «Общества спортсменов-христиан» из г. Ашлэнд в Орегоне. Больше часа Брайан беседовал по телефону со спортсменами и тренерами. Христиане-спортсмены, веря в исцеление Брайана, зажгли в нем искру веры.

Спустя три месяца после несчастного случая, Брайан стал христианином. Он понял, что никогда не сможет ходить, если не произойдет чудо. Никакое напряжение воли не заставит его мышцы двигаться. Мертвые нервные клетки спинного мозга должны были ожить, и медицина не в силах была этому помочь. Он также прекрасно понимал, что вера в Бога — не сделка: «Боже, исцели меня, и я поверю». Брайан должен был довериться Богу просто потому, что Он — Бог. И Брайан пошел на этот риск, вверив Ему свою жизнь.

Он начал молитву, которая до сих пор не окончена. Множество раз — сотни, тысячи раз — Брайан представлял Богу одну и ту же просьбу. Все в его жизни напоминает ему о том, что молитва не отвечена. Он молился с обидой, молился, умоляя Бога, молился в отчаянии, молился с упорством. Молились и другие — церкви, студенты колледжей, группы спортсменов. Всегда — одна и та же молитва, и до сих пор безответная. Ответ, в который верит Брайан, не приходит. Спустя год после несчастного случая Брайан сказал в интервью журналу «Взгляд»: «Обладание верой — это необходимый шаг к одной из двух целей. Получение исцеления — это одна цель. Душевный мир, в случае, если исцеление не придет, — вторая цель. Для меня достаточно достичь одной из этих целей». Но теперь у Брайана другой взгляд на вещи. Сейчас ему необходимо только одно — полное исцеление.

Мир, в котором живет Брайан

Для того, чтобы встретиться с Брайаном, я должен был прилететь в Сиэтл, сообщить о своем прибытии и ждать, когда он будет достаточно хорошо себя чувствовать, чтобы принять посетителя. Боль, как говорит Брайан, «иногда бывает безумно острой, а иногда просто мучительной».

Что могло закалить веру настолько, чтобы она пережила годы страдания и сотни молитв, оставшихся без ответа? Через время некоторые друзья, молящиеся о физическом исцелении Брайана, стали молиться о другом, но Стернберги не изменяли свою молитву. Кто они? Сверхлюди? Или они просто очень упрямы? Я думал об этом по дороге к их дому в Сиэтле, когда ехал на первую встречу со Стернбергами. Кое-кто предупреждал меня: «Они странно себя ведут. Они отказываются согласиться с тем, что Брайан находится в таком состоянии».

Дом Стернбергов стоит на пригорке, возвышаясь над университетом «Сиэтл Пасифик». К нему ведет крутая дорога, по которой во время гололеда или сильного ливня беспомощно скатываются вниз машины. К счастью, дорога была сухой, и я благополучно добрался до места. У двери меня встретила Хелен Стернберг - стройная блондинка, мать Брайана. Друг Брайана настраивал радиоантенну на крыше. Когда я вошел в дом, передо мной открылся захватывающий вид на Сиэтл — окна были огромными. В течение двадцати минут я любовался видом, ожидая, пока санитар подготовит Брайана к встрече со мной.

Первое, что бросается в глаза при встрече, это то, насколько Брайан зависит от других людей. Если оставить его одного — он умрет в течение сорока восьми часов. Школьники и студенты университета выполняют роль санитаров: купают его, дают ему лекарства, кормят, подают напиток. Брайан всегда противился этой зависимости, но разве у него есть выбор? Его тело лежит только так, как его положит санитар.

Голова Брайана — нормальных размеров, но остальные части тела уменьшились в связи с атрофией мышц. Он научился управлять своими плечевыми мышцами и теперь может делать небольшие движения рукой. Он может пользоваться выключателями, с трудом поворачивать ручки и даже печатать с помощью устройства, которое сдерживает движение руки — двигается только один палец.

Брайан лежит в небольшой комнате, и эта комната — весь его мир. У него нет в гараже велосипеда, лыж или коньков. Он показывает мне глазами на предметы, окружающие его. Над кроватью висит покрывало фирмы «Адидас» — в память об Олимпийских играх 1964 года в Токио, на которые он так и не попал. На стене в рамке — письмо от Джона Кеннеди, датированное 15-м августа 1963 года. «Я хочу, чтобы ты знал, что в течение последних нескольких недель мы часто вспоминаем о тебе и надеемся на скорое выздоровление». Это письмо было прочитано на благотворительном футбольном матче, и Брайан, услышав эти слова, не смог сдержать слез.

Более всего Брайан воодушевился, показывая мне радиолубительскую аппаратуру, стоящую около его кровати. Он стал радиолубителем — это помогло ему почувствовать контакт с окружающим миром. Брайан говорит медленно, с расстановкой — на самые разные темы. Он любит говорить об электронике. А еще очень любит рассказывать о своей работе регионального представителя «Общества христиан-спортсменов». Сидя в инвалидной коляске, он часто выступал перед спортсменами в спортзалах и школах.

Покинуть комнату Брайана было нелегко. Хотя большинство из того, о чем он говорил, очень меня интересовало, мне показалось, что у Брайана не хватает чувства меры, которое необходимо для ведения нормальной беседы. Спустя два часа, когда я направился к двери, он стал говорить громче, с напряжением. Брайан просил, чтобы я оказал ему определенные услуги. Я уже давно дал ему знать, что мне пора идти, но он находил новые темы для обсуждения. Когда мне, наконец, удалось покинуть комнату, санитар объяснил, что Брайан часто ведет себя так с посетителями. По его мнению, это — последствия паралича. Не имея возможности владеть своим телом, Брайан, сам того не осознавая, пытается контролировать других.

Чуда все нет

Одно я понял точно, посетив Брайана: сейчас он больше, чем когда-либо ранее, отказывается соглашаться со своим положением. У него одна надежда и одна цель в молитве — полное исцеление. Он говорит это каждому, кто его посещает. С точки зрения медицины, ему нужно чудо; время не лечит, и шансы на естественное выздоровление постепенно уменьшаются.

Самое страшное — это боль. Тело Брайана постоянно находится в состоянии борьбы. Зарождаясь глубоко внутри, боль распространяется по всему телу, как в машине боли Оруэлла в «1984», которая подключалась непосредственно к центральной нервной системе. Один удар такой боли способен заставить здорового мужчину корчиться на полу. Для Брайана это — непрекращающаяся ежедневная рутина.

Семья Брайана разделяет с ним эту нескончаемую боль и раздражение. Мы сидели в зале с его родителями, и они рассказывали мне о своих переживаниях. На улице стемнело, и за окном мерцали городские огни — тысячи автомобилей медленно двигались по улицам и мостам города. В камине полыхал огонь, и атмосфера в комнате казалась идиллической. Мать Брайана начала свой рассказ о его дилемме.

Первые шесть месяцев семья Стернбергов получала массу добрых пожеланий успеха и выздоровления. Многие христиане верили, что Брайан выздоровеет. Такой молодой атлет, говорили они, должен снова ходить, в этом точно Божья воля! Брайан встречался со многими известными христианами, находящимися в служении исцеления. Однажды лидеры семи разных конфессий собрались, чтобы вместе помолиться за Брайана и помазать его елеем. Все чувствовали возбуждение, все верили, но ничего не изменилось.

Стернберги обратились к Библии за утешением и советом. Они беседовали с пасторами и теологами, перечитали гору книг о том, почему Бог допускает страдание. Читая Библию, они все больше убеждались в том, что Брайан будет исцелен.

«Мы поняли, — говорила мне госпожа Стернберг, — что Бог любит. Нет, мы поняли более глубокую истину: Бог ЕСТЬ любовь. Все вокруг говорили, что нам нужно смириться с этой трагедией, что этого хочет от нас Бог. Но Иисус, Которого мы видим в Библии, пришел для того, чтобы принести исцеление. Там, где Он видел боль, Он исцелял ее. Он никогда никого не проклинал, никогда не приносил болезней.

Иисус являл Собою Бога. Он жил, показывая, каков Бог. Разве Бог изменился? Неужели состояние нашего сына не противоречит тому, что открыл о Себе Бог? Я никогда не читала, чтобы Иисус сказал слепому: «Извини, дружище, Я и хотел бы помочь, но Бог хочет чему-то тебя научить. Так что иди, привыкай к своему состоянию». Когда Иисус

увидел слепого, Он исцелил Его. И Он учил нас молиться о том, чтобы воля Божья совершалась «на земле, как и на небе».

Я считаю, — продолжала она, — что Богу не по душе то состояние, в котором находится Брайан. Из Библии ясно, что воля Божья для человека — полная жизнь, жизнь с избытком. Это означает полноценность и здоровье, а не высохшее тело, в котором закован Брайан. Мы не должны приставлять «Божью волю» как религиозную точку к каждому вопросительному знаку. Нельзя прекратить искания и превратиться в фаталиста, говоря: «Я знаю, что совершилась Божья воля».

Хелен Стернберг сделала паузу. Это были сильные слова, и за ними стояла боль, которую в этом мире испытали немногие. Другие христиане, такие, как Мэри Вергис, нашли успокоение в том, что согласились со своим состоянием. Стернбергов такое согласие не удовлетворяет.

Сжав вместе ладони, моя собеседница продолжала: «В этой жизни нам, конечно, не удастся найти ответы на все вопросы. Многое мы просто принимаем на веру. Мы с мужем и Брайаном больше всего держимся за Божью любовь. Если что-то — как несчастный случай — несовместимо с Божьей любовью, мы ищем причины случившегося в другом, зная, что это — не от Него. Если что-то не в порядке между мной и Богом, или во мне, или между мной и ближним, то это — болезнь, и она нуждается в исцелении.

Я не знаю, почему Брайан пока еще не ходит. Я верю, что Бог всемогущ, но я также верю, что Он ограничивает Себя. Зло могущественно. И я думаю, что для сатаны очень выгодно держать нас в таком положении. Он будет предпринимать все, что угодно, только чтоб мы не были полноценными людьми. Он пользуется нашими слабостями, как боксер, снова и снова ударяя в поврежденную челюсть или разбитый глаз противника. Он неутомим».

Мать Брайана говорила о битве добра со злом, а я мысленно перенесся на сотни лет назад, когда Христос жил на земле и думал об атаках зла, направленных против Него: избиении младенцев, искушениях, предательствах и, наконец, смерти. Но Бог преобразовал то, что казалось поражением, даже страшную смерть Своего Сына, в победу. Во многом, пусть не так ярко, Он делал это и в трагедии Брайана Стернберга. Но ворвется ли Он в их жизнь с ярким переворотом, преодолевая трагедию физическим исцелением, как Он превозмог смерть воскресением? Стернберги делали полную ставку на это. Госпожа Стернберг продолжала: «Никто, переживший такую травму, как у Брайана, не смог встать на ноги. Никто. Но мы все-таки верим. Я не знаю, когда Бог исцелит Брайана. Возможно, эта битва и не будет выиграна здесь, на земле. В этом мире некоторые из тех, за кого молятся, получают исцеление, другие — нет. Но время исцеления не изменяет Божьего желания, чтобы мы были здоровы телом, разумом и духом. Мы не сдадимся. Мы как медики, ищущие средство для исцеления; мы не прекратим исследования. Мы считаем, что Бог ожидает от нас упорства».

Было уже поздно, и пришло время заканчивать беседу. Прежде, чем покинуть дом Стернбергов, я попросил их показать мне спортивные сувениры Брайана. Мы вошли в комнату, в которой находилось множество кубков, сертификатов и призов. На одной доске было выгравировано: «Выдающемуся атлету континента 1963 г.».

Я обратил внимание на одну фотографию, висевшую на стене. На ней запечатлен Брайан в момент, когда он побил свой последний мировой рекорд в г. Комптоне, в Калифорнии. Он парил на фоне неба, находясь почти в горизонтальном положении: руки вытянуты назад, а ноги едва не касались планки. Каждый мускул его тела был

напряжен. Момент был остановлен электронной вспышкой; таким, подумалось мне, он и остался навсегда.

Меня вдруг наполнила жалость: тело человека, с которым я только что беседовал, было жалким подобием этого прекрасного тела. Брайан, безусловно, вырос эмоционально и духовно. Но в то же время он стал меньше. Боль разрушает. Эти два образа не покидали меня, когда я вышел из теплого дома на холодный сиэтловский ветер. Брайан, который на фотографии. И Брайан сегодня — скорченное, беспомощное тело на кровати, где он будет лежать и завтра, и послезавтра... и кто знает, как долго.

Смог бы я верить на его месте? Что бы я делал — объяснял страдание, принимал его или восставал против него? Смог бы я верить в исцеление на протяжении лет, на протяжении десятилетий? Правильно ли поступали Стернберги, надеясь на чудо, которое не произошло, невзирая на тысячи молитв? Не получалось ли так, что они диктовали свои условия Богу? Должны ли они «прославлять Бога, невзирая ни на что», как предлагают некоторые?

У меня не было ответов на эти вопросы. Из всего увиденного мною больше всего выделялась их вера, ее воинствующий, упорный аспект. Уезжая, я не чувствовал жалости к Стернбергам. Жалость вызывается слабостью, а я встретился с великой силой. Силой, которая не угасает, даже если не все получается так, как хотелось бы. «В нашей стране каждые полчаса у кого-то происходит перелом позвоночника, — говорила мне мать Брайана. — Полмиллиона человек — в инвалидных колясках. Очень многие из них сдались. Но мы чувствуем, что не имеем на это права. Мы будем продолжать надеяться».

Второе посещение

Впервые я посетил Стернбергов в 1972 году, когда после начала болезни Брайана не прошло еще десяти лет. Тогда большое впечатление на меня произвело их упорство в своей вере, и я думал о том, с чем встречусь теперь, в 1987 году, пятнадцать лет спустя. Брайан теперь был мужчиной средних лет. Физическое исцеление, на которое он надеялся и продолжает надеяться, не пришло. Он дольше прожил парализованным, чем здоровым.

В Сиэтле в разгаре было лето, и, подъехав к дому по крутой дороге, я увидел, что все семейство отдыхало во дворе. Родители Брайана почти не изменились, хотя годы берут свое. Сам же Брайан перешагнул некую возрастную грань, и на его голове появилось немало седых волос. За чашкой кофе Стернберги рассказали мне о том, что происходило в их жизни в течение этих лет. У Брайана наблюдались небольшие физические изменения в лучшую сторону. Степень паралича заметно снизилась, и теперь Брайан лучше владеет руками. Боль стала намного более сносной. К большей части его тела возвратились чувства. Хотя он и не мог владеть ногами, но, по крайней мере, он их чувствовал. В результате, у него почти полностью исчезли галлюцинации. Стернберги старались указать на все хорошее, что произошло за это время. «Прошло почти двадцать пять лет с тех пор, как мы начали ухаживать за Брайаном, — сказал Стернберг-старший, — но ни я, ни Хелен никогда не болели. И это настоящее чудо». В течение нескольких лет Стернберги молились о том, чтобы образовалось служение исцеления, которое могло бы помочь им. И такое служение появилось: ежемесячные молитвы в воскресенье вечером в одной из церквей Сиэтла. Люди с болезнями и нуждами выходят к кафедре, чтобы провести несколько минут с пастором, а церковь в это время молится о нуждах этого человека. Такая практика очень сплотила христианскую общину, и ее опыт переняли многие другие церкви, не только местные, но и далеко за пределами Сиэтла.

В 1976 году Брайан был на грани смерти. Пневмония атаковала его слабые легкие, а когда он уже находился в больнице, появилась инфекция во рту. Две недели он пролежал в коме и перенес два инфаркта миокарда. Врачи установили кардиостимулятор, но почти два месяца он находился на грани смерти. Долгое время он не мог разговаривать и потерял часть кратковременной памяти.

Но на этот раз Бог ответил на молитвы об исцелении, и Брайан постепенно вошел в свое прежнее состояние. К нему возвратились все его функциональные способности, кроме тех, которые были потеряны при переломе позвоночника. Еще одно я заметил, когда мы сидели и разговаривали: характер Брайана изменился. Он был спокойным, внимательным и не проявлял никаких симптомов неуравновешенности, которые я заметил в прошлый раз.

Очень тактично я спросил Стернбергов, изменились ли их убеждения по поводу физического исцеления. Они ответили, что нет. «Некоторые пытаются указать нам на все доброе, что родилось в результате происшедшего с Брайаном, видя в этом причину несчастного случая». Мы не можем с этим согласиться. Мы верим в любящего Бога и продолжаем верить, что Бог желает восстановить Брайана. Возможно, наши представления о времени исцеления не согласуются с Божьими. Становится все более явным, что Брайан, наверное, не будет исцелен в этой жизни. Помните, в книге Даниила описывается случай, когда к Даниилу в ответ на его молитву был послан ангел. Он добирался до Даниила в течении трех недель, но когда прибыл, то заверил Даниила, что Бог услышал его молитву в то самое время, когда тот ее произнес».

Мы беседовали, а солнце уже скрылось за горами. Я невольно сравнивал свое первое посещение со вторым. Слушая Стернбергов, я думал, что в их жизни медленно, шаг за шагом вошло чудо, которое они, возможно, и не заметили. Жестокий случай, который расколол бы многие другие семьи, напротив, сплотил их семью. Они не согласились пойти более легким путем и не поместили Брайана в дом для инвалидов или специальную больницу. В течение двух с лишним десятилетий они отдавали свою любовь сыну и, наблюдая за Брайаном, я видел, что их любовь принесла добрые плоды. Хотя Стернберги и противились страданию, они вынуждены были примириться со своим положением.

Глядя на крутой спуск улицы, на которой они жили, я вспоминал слова Поля Торнье, который сравнивал христианскую жизнь с выступлениями на трапедии. Можно сколько угодно раскачиваться на перекладине, тренироваться, укреплять мышцы, но, чтобы достигнуть успеха, все равно придется рисковать. И ты разжимаешь руки, зная, что под тобой ничего нет, в надежде вовремя схватиться за другую перекладину.

«Наверное, Брайану понравился бы этот пример», — думал я. Много лет назад Стернберги всей семьей отбросили всякие опоры и объявили миру, что будут верить Богу, невзирая... невзирая ни на что. Брайан видит в этом свое личное призвание. Не так много осталось зрителей, но Стернберги продолжают верить. Я уехал от них, вдохновленный их упорной верой.

Глава 10. Я танцую!

«Он может открыться только ребенку; в идеале — только чистому ребенку. Все страдания мира нужны для того, чтобы люди стали детьми и Бог мог открыться им».

~ Джордж МакДональд

«Сущность жизни»

Прошло немного времени после моего первого посещения Стернбергов, и я направился в Балтимор, чтобы взять интервью у замечательной девочки-подростка, Джони Эрексон. Конечно, теперь имя Джони известно многим. Она — известная художница и писательница, часто выступает на христианских конференциях. Но когда я встретился с Джони, она не издала еще ни одной книги и я знал о ней совсем немного.

История Джони во многом похожа на историю Брайана: и он, и она занимались спортом, затем — несчастный случай и жизнь парализованного человека. По пути в Балтимор я думал, что снова, как и у Стернбергов, окунусь в атмосферу нелегкой борьбы и сильной, негибаемой веры. Но, прибыв в дом Джони, находящийся на другом конце континента, я заметил, что атмосфера здесь совершенно иная.

Я подъезжал к дому Джони по дороге, проложенной рядом с небольшой речушкой, текущей на запад от Балтимора. Извилистая дорога скользила вокруг скалистых, часто отвесных гор. Стена из крепких лесных деревьев ограждала дорогу с обеих сторон, до вершины самой высокой горы, откуда вдруг открылась захватывающая панорама — покрытые лесом холмы. На этой горе стоял дом Джони. Он был построен из огромных валунов и бревен, которые были прекрасно подогнаны одно к другому, — дом строил отец Джони.

Стеклянные стены мастерской художницы выступали над горой. Коричневый жеребец в лежащей внизу долине пощипывал траву, отгоняя хвостом мух. По поляне бегал датский дог. Многие художники мечтают работать в таких условиях, но условия работы Джони совершенно отличны от других. В мастерскую она не приходит — ее ввозят на коляске, а рисует она карандашом или кистью, держа их зубами.

Будучи подростком, Джони, бывало, носилась на лошади по лесным тропам с бешеной скоростью, плескалась в речке вместе со своим датским догом и играла в баскетбол на площадке рядом с коттеджем. Иногда она вместе с другими даже охотилась на лис — на этой же горе. Но теперь ее ежедневные упражнения включают в себя куда более слабые движения. С помощью приспособления, прикрепленного к бицепсу и плечевому суставу, она способна перевернуть движением руки страницу книги. А рисование требует множества точных и утомительных движений головы. Проходит немало времени прежде, чем на холсте образуются какие-то узнаваемые формы.

Неосторожное движение за две секунды полностью изменило жизнь Джони, но не убило ее оптимизм. Когда я впервые познакомился с ней, меня поразила ее полная жизни улыбка и свет в глазах. Зажигательность ее духа была настолько поразительной, что мне пришли на память курсы, проводимые бывшими мисс Америка под названием типа: «Люби себя и думай о хорошем!» Однако, в отличие от большинства из них, дух Джони формировался под воздействием трагедии.

Роковой прыжок

«Лето 1967 года было необычайно жарким и влажным. В июле стояла духота. С утра я занималась с лошадьми и так перегрелась, что освежить меня мог только залив Чейз-пик. Вместе с сестрой Кэти мы поскакали на пляж и окунулись в темную воду. Поплескаться там, где мелко, или поплавать в бассейне — это было не для меня. Я любила свободно поплавать там, где дна не достать. Паром, находившийся метрах в шестидесяти от берега,

манил нас, и мы с Кэти поплыли к нему наперегонки. Мы обе были девочками спортивными и иногда безрассудными.

Подплыв к парому, я взобралась на него и нырнула на другую сторону, ни о чем не думая. Сначала я почувствовала, как вхожу в воду, а затем — сильнейший удар — я стукнулась головой о лежащий на дне камень. Мои конечности болтались. В ушах стоял оглушающий звон, будто по мне проходил электрошок с сильной вибрацией. Но боли не было.

У меня не было сил пошевелиться! Я уперлась лицом в крупный песок на дне и не могла всплыть. Мозг заставлял мои мышцы двигаться, чтобы подняться на поверхность воды, но они не реагировали. Я задержала дыхание, молилась и ждала, болтаясь в воде вниз головой.

Прошло около минуты, и я услышала далекий, приглушенный голос над поверхностью воды — меня звала Кэти. Голос приближался и становился яснее. Наконец, я увидела тень сестры прямо над собой. «Ты тут ныряешь? Здесь же мелко», — донеслось до меня.

Кэти наклонилась и попыталась меня поднять, но оступилась. «Боже, сколько же можно ждать?» — подумала я. В глазах темнело — еще секунда, и я бы потеряла сознание. Наконец, моя голова поднялась над поверхностью воды, и я сделала жадный, глубокий вдох. Мне хотелось ухватиться за Кэти, но мышцы не слушались. Она перекинула мое тело через плечо и поплыла к берегу.

Мне казалось, что мои руки и ноги были привязаны к груди, как вдруг я с ужасом обнаружила, что они безжизненно висели на спине Кэти. Я перестала чувствовать свое тело».

«Скорая» доставила Джони из тишины пляжа в полную движения городскую больницу Балтимора. Она лежала в небольшой палате, за занавеской. Одна из медсестер расспрашивала ее об истории болезни. Другая сняла с нее новый купальник, и теперь Джони чувствовала себя незащищенной и беспомощной. Врач длинной металлической иглой определял чувствительность ее тела, укалывая ноги, туловище, руки. «Здесь чувствуешь?» — спрашивал он. Джони всеми силами пыталась почувствовать уколы, но ответить на вопрос утвердительно могла только тогда, когда тестировали ее плечи.

После короткого консилиума, один из врачей, доктор Шерилл, остриг ее волнистые светлые волосы, после чего медсестра обрила девушке голову. Теряя сознание, Джони слышала визжащий звук электродрели. Последнее, что она помнила — это то, как кто-то держал ее за голову, пока доктор сверлил две аккуратные дырки — с двух сторон головы.

Зеркало

Проснувшись, Джони обнаружила, что она пристегнута к раме «Страйкер» (похожей на раму «Фостер» Брайана Стернберга). Металлические клешни, вставленные в просверленные в черепе отверстия, были прикреплены к специальной пружине, которая оттягивала голову от тела. Лицо ее было видно через небольшое отверстие, прорезанное в натянутом полотне, к которому она была пристегнута. Каждые несколько часов медсестра переворачивала раму. В течение дня вид перед Джони менялся несколько раз: то потолок, то пол. Невзирая на недостаток движения и депрессивную атмосферу реанимации, первые несколько недель настроение У Джони было нормальное. Боль была сносной, и врачи

надеялись, что некоторые нервы срастутся сами по себе. В те первые дни ее палата была полна посетителей, цветов и подарков. Сестры раскладывали на полу журналы «Семнадцать», чтобы она могла читать их, лежа лицом вниз.

Спустя четыре недели, когда прошел критический момент, доктор Шерилл провел операцию по сращиванию позвонков. Джони ликовала, надеясь, что операция разрешит все проблемы и поможет снова встать на ноги. Операция прошла успешно, но в тот же день доктор Шерилл выложил ей всю правду. «Джони, — сказал он, — к сожалению, травма не поддается лечению. Операция ничего не изменила. Ты никогда не будешь ходить и сможешь только немного пользоваться руками». Впервые после несчастного случая девушка осознала значение жестких фактов. Она ожидала пару месяцев лечения, восстановительных упражнений, а затем полного выздоровления. Но вдруг Джони поняла, что ее жизнь полностью изменилась. Не будет больше ни спортивных машин, ни скачек, ни лакросских матчей, ни, наверное, свиданий. Никогда.

«Я была разбита, — вспоминает она. — Моя жизнь была полной — я участвовала во всех школьных мероприятиях, на которые только хватало времени. И вдруг оказалась одинокой... Одно недвижимое тело между простынями. Все мои хобби и вещи утратили свое значение. Эти прекрасные лошади, на которых я иногда каталась стоя — я никогда больше не смогу скакать на них. Даже поесть сама я не могла. Я могла только спать и дышать — все остальное делали за меня другие».

Пристегнутая к раме и перевернутая лицом вниз, Джони смотрела, как из ее глаз капали слезы, разбиваясь о пол и рисуя узоры. Чтобы высморкаться, ей пришлось звать медсестру — самостоятельно она не могла даже поплакать.

Джони совсем упала духом, когда через несколько дней ее посетили две школьные подруги. Они знали Джони как жизнерадостную, энергичную спортсменку; их никто не подготовил к встрече с ней. Когда подруги вошли в палату, то застыли в удивлении. «Боже мой», — прошептала одна из девочек. Они постояли несколько секунд, не в силах что-либо произнести, и выбежали из палаты. Джони слышала, как одна из подруг всхлипывала за дверью; другую девочку стошнило. Она подумала: «Что во мне такого страшного, что могло вызвать такую реакцию?»

Через несколько дней Джони поняла, в чем дело. Она попросила одну из своих посетительниц, Джаки, принести ей зеркало. Та отказывалась, но Джони настаивала на своем. Как ни противилась Джаки, ей пришлось выполнить просьбу; нервничая, она держала зеркало перед Джони. Взглянув на свое отражение, Джони вскрикнула: «Боже, что Ты со мной сделал!»

В зеркале она увидела человека с полными крови, глубоко запавшими глазами в черных кругах. Кожа стала бледно-желтой, а зубы — черными от лекарств. Волосы еще не отросли, а по бокам из черепа торчали металлические зажимы. Ее вес уменьшился с 57-ми до 37-ми килограммов.

Джони дала волю слезам. Наконец, она заговорила, всхлипывая: «Джаки, родная, помоги мне. Мне одно только нужно. Я больше так не могу».

«Что тебе нужно, Джони? Я все сделаю...»

«Помоги мне умереть. Принеси мне таблетки, или хоть лезвие. Я не могу жить в таком изуродованном теле. Джаки, помоги мне умереть».

Эту просьбу Джаки выполнить не могла, невзирая на всю тяжесть положения Джони. И Джони снова почувствовала свою полную беспомощность: она не могла даже умереть без чьей-то помощи.

Полнота жизни

С того ужасного дня прошло немало времени, и сегодня Джони знают миллионы людей. Она принимает участие в конференциях, путешествуя по всему миру, выступает по телевидению, ежедневно записывает радиопрограмму. Она сыграла себя в кино, о ней написано множество статей в таких журналах, как «Пипл» и «Сэтурдэй Ивнинг Пост». Кроме своей жизненной истории «Джони», она написала несколько книг и выпустила несколько кассет-бестселлеров со своими песнями. Ее картины распространяются на открытках и плакатах. После встреч с Джони Эрексон Тада (она также успела выйти замуж) у людей появляется надежда, они становятся чуточку счастливее. Сегодня она совершенно не похожа на сморщенное, жалкое отражение в зеркале. Как она достигла перемены?

«Однажды, когда я еще лежала в больнице, находясь в депрессии, ко мне пришел посетитель, который хотел поддержать меня, — вспоминает Джони. — Меня время от времени переворачивали, как переворачивают оладьи, чтобы меньше было пролежней, — вот из этого и состояла моя жизнь. Мой посетитель напомнил мне стих из Библии, слова, которые Иисус оставил Своим последователям: «Я пришел, чтобы дать вам жизнь с избытком».

Я была настолько цинична и озлоблена тогда, — продолжает Джони, — что эти слова прозвучали как насмешка. Жизнь во всей ее полноте? Если я изо всех сил буду пытаться жить, то лучшее, чего я смогу достичь — это жалкого, ничтожного полусуществования. В моей жизни не будет ни тенниса, ни любви, ни замужества. Я не смогу ничего дать окружающим. Но с годами мое восприятие действительности менялось. Теперь я каждое утро просыпаюсь с благодарностью Богу за все, что Он мне дал. Каким-то образом — и только для того, чтобы я смогла поверить в возможность этого, понадобилось три года — Бог доказал мне, что я также могу жить полноценной жизнью».

Первый барьер, который Джони, как и любой инвалид, должна была преодолеть, — это согласиться со своим положением. Скорбеть по утерянным физическим способностям было бесполезно — это трата энергии впустую. Одно желание не смогло бы изменить отражение в зеркале. Нужно было согласиться с тем, что она парализована, и начать искать новые пути для полноценной жизни. Это был болезненный процесс. Когда Джони обнимал ее парень, она ничего не чувствовала. В такие моменты девушка гнала от себя искушение закрыть глаза и пуститься в мечтания о том, как все могло бы сложиться, будь она здорова. Жених, спортивная машина, лесные походы, место в команде по лакроссу — мечтать было о чем. Но все эти мечты были пустыми, и Джони понимала, что чем дольше она будет жить в этом эфемерном мире, тем более затяжным будет процесс принятия реальности.

Вскоре Джони обнаружила, что «нормальные» люди часто чувствуют ее себя неловко, находясь рядом с инвалидами. Беседуя с ней, некоторые наклонялись и говорили громко, подбирая простые слова, будто у нее было что-то не в порядке с головой. Иногда, когда ее везли на коляске, прохожие сходили на проезжую часть, будто ей нужен был весь широкий тротуар. Джони начинала понимать, почему некоторые инвалиды, живущие в больницах или специальных учреждениях, не желают выходить в мир. Находясь в стенах этих учреждений, они — нормальные и общаются с себе подобными или

профессионалами, которые понимают их. Помогало общение с друзьями. Самое захватывающее воспоминание из того периода — это когда через год после трагедии один из друзей разогнал ее на коляске по прибрежному песку, а потом затащил в набегавшую волну Атлантического океана. Джони визжала от счастья. Пусть она никогда не сможет кататься по волнам на доске, но, по крайней мере, может смотреть, как волны ласкают ее ноги и чувствовать соленый вкус брызг. Она обожала, когда с ней так обращались, вместо того, чтобы всегда быть нежными и заботливыми.

Но даже для того, чтобы научиться сидеть в инвалидной коляске, необходимо было пройти мучительный курс терапии. Тело Джони находилось в горизонтальном положении в течение нескольких месяцев, и теперь нужно было постепенно привыкать к сидячему. Когда медсестра впервые подняла ее до уровня 45 градусов, Джони едва не потеряла сознание от головокружения и тошноты. Ее сердце с трудом меняло ритм работы, приспособливаясь к новым требованиям.

Страшные пролежни не давали покоя. Острые концы костей прорывали кожу в некоторых местах. Врачи разрезали кожу еще больше (операция проводилась без анестезии, ведь Джони ничего не чувствовала) и обточили кости в бедрах и копчике. Затем -- еще несколько долгих недель в лежачем положении, а потом — повторение курса тяжелых упражнений. В результате она обрела способность сидеть.

В эти трудные времена Джони опиралась на друзей, которые поддерживали ее эмоционально. Группа студентов-христиан регулярно посещала ее. Однажды они незаметно пронесли в палату щенка. Джони беззаботно смеялась, когда щенок лизал ее лицо.

Задержка на сорок лет

Поначалу Джони была не в состоянии совместить свое положение с верой в любящего Бога. Казалось, что у нее украли все Божьи дары, которыми она наслаждалась, будучи активным подростком. Почему так? Что у нее осталось? Ее обращение к Богу было постепенным. Путь от озлобления к доверию растянулся на три года слез и жестоких вопросов.

Однажды вечером Джони почувствовала, что Бог все-таки понимает ее. Боль пронизывала спину, принося мучения, которые может испытать только парализованный. Здоровый человек может почесать там, где зудит, помассажировать растянутую мышцу, встряхнуть ногой, которую свело судорогой. Парализованные должны просто лежать, как жертвы боли, против которой у них нет защитной системы.

Синди, одна из самых близких подруг Джони, была рядом с ней, отчаянно пытаясь хоть как-то приободрить ее. Наконец она сказала: «Джони, ты не единственная, кто испытал такие страдания. Иисус понимает тебя, Он ведь тоже был парализован».

Джони посмотрела на подругу с удивлением: «Что? О чем ты говоришь?»

Синди продолжала: «Но ведь это в самом деле так. Он был распят на кресте. Спина горела от ударов бича. Ему, конечно же, хотелось изменить положение своего тела, сместить центр тяжести, но Он не мог. Он был парализован... гвоздями». Джони задумалась и на миг забыла о боли. Она никогда не думала о том, что Бог, возможно, чувствовал такую же пронзительную боль, как та, что измывается над ее телом. Эта мысль принесла ей огромное утешение.

«Бог стал очень близок мне. Я чувствовала, что изменяюсь под действием любви моих родных и друзей. И со временем я начала понимать, что Бог также любит меня.

Немногие из нас обладают такой драгоценностью — потерять все, кроме Бога (чтобы именно так увидеть это, мне понадобились годы). До того, как произошла трагедия, я задавала вопросы следующего порядка: «Какое место в этой ситуации займет Бог? Как это отразится на моих отношениях с ребятами? Как это повлияет на мою будущую, карьеру, мои увлечения?» Теперь многие из этих вопросов отпадали автоматически. У меня было беспомощное тело и Бог. Возможно, именно этого пытаются достичь святые. Я оказалась в таком состоянии не по своей воле.

У меня не было ничего, кроме Бога, и пришло время, когда мне стало этого достаточно и не нужно было иного. Меня переполняло сознание того, что Бог, тот самый, который сотворил Вселенную, живет во мне. Может быть, Он сделает из меня человека, с которым будет приятно общаться? Я знала, что самостоятельно мне этого не достичь.

В течение первых месяцев, даже лет, я не могла уйти от вопроса: «Чему хочет научить меня Бог?» Втайне я, наверное, надеялась, что, найдя ответ, я изменюсь, и Он исцелит меня.

Пожалуй, каждый христианин, находясь в таком положении, ищет ответ в книге Иова. Праведный человек, а настрадался столько, что я с трудом могу представить себе пережитое им. Но, к своему удивлению, в книге Иова я не нашла ответ на свои, «почему». Я нашла только, что Иов льнул к Богу, невзирая ни на что, и Бог вознаградил его. «Чего хочет Бог?» — думала я. Но вместо того, чтобы требовать объяснений от Него, я стала в смирении на Него надеяться. Ладно, я парализована. Это ужасно. Но, возможно, Бог может меня, парализованную, использовать? Могу ли я, инвалид, поклоняться Богу и любить Его? Он начинал учить меня: да, я могу. Возможно, Божий дар для меня — это зависимость. Я никогда не достигну уровня самодостаточности, где Бог вытесняется из жизни человека. Я сознаю Его благодать каждое мгновение. Моя зависимость от других напоминает о себе каждое утро, когда, проснувшись и лежа без движения, я ожидаю, чтобы кто-то одел меня. Сама я не могу даже расчесаться или высморкаться!

Но у меня есть друзья, которые заботятся обо мне, есть красота пейзажей, которые я рисую. Я даже могу сама зарабатывать на жизнь -мечта каждого инвалида. Мир — это понятие внутреннее, и Бог щедро вознаградил меня миром. И еще: теперь у меня есть надежда на будущее. Библия говорит, что на небесах у нас будут «славные» тела. Когда я была школьницей, это понятие было каким-то туманным для меня. Но теперь я знаю, что буду исцелена. У меня не отобрали личностную полноту просто произошла задержка лет на сорок-пятьдесят. И даже в эти годы Бог со мною. Теперь я понимаю значение отрывка Писания о «славных» телах. Со мной это произойдет, когда после своей физической смерти я на небесах встану на ноги и пойду плясать от радости».

Танцевать Джони сможет не скоро, но после двух лет терапии она научилась управлять инвалидной коляской с электромотором и уже могла передвигаться по больничным коридорам. Прошли годы, и она научилась водить автомобиль, и теперь водит микроавтобус, снабженный специализированной системой управления. Ее постоянно приглашают для выступлений перед самыми разными аудиториями — Джони пленит слушателей своим энтузиазмом и жизнелюбием. Она всегда безупречно одета, часто

рассказывает о том, что с ней произошло и о процессе восстановления. Говорит она красиво. Тело остается без движения, но глаза искрятся.

Несколько лет назад Джони переехала в Калифорнию, и среди ее картин появились западноамериканские пейзажи. «Хотя у меня нет возможности плескаться в речке или покататься на лошади, — говорит она, — я могу посидеть на природе и утонуть в море запахов, прикосновений и цветов». Она воспроизводит (иногда на глазах у публики) то, что видит в своих картинах, держа кисть зубами. Джони часто рассказывает об огромной конюшне, которая находилась рядом с ее студией в Мэриленде. Джонни любила эту конюшню — с ней связаны самые прекрасные воспоминания: сладкий запах сена, звуки, издаваемые беспокойными лошадьми, и темные углы, которые она исследовала, будучи ребенком. Джони описывает красоту и загадочность конюшни, а также рассказывает о том, как гордился ею отец — он построил ее сам. Но потом Джони рассказывает о кошмарном пожаре — хулиганы подожгли конюшню, и она сгорела дотла. Эта страшная картина сохранилась в ее памяти: дикое ржание жеребят, запах горелого мяса, попытки родственников и соседей потушить пожар.

Но на этом история не закончилась. Отец, невзирая на мучивший его артрит, взялся за постройку новой конюшни. На сохранившийся крепкий фундамент стали ложиться новые блоки, и стены поднимались все выше. Вновь выстроенная конюшня стала еще прекраснее, чем та, что стояла на этом месте раньше.

«Я как эта конюшня, — говорит Джони. — Я думала, что моя жизнь разрушена и не подлежит восстановлению. Но с Божьей помощью и с помощью друзей она восстановлена. Теперь вы понимаете, почему я счастлива? Я воссоздала то, что, казалось, ушло от меня навсегда — полноту жизни».

Двое страдальцев

Джони Эрексон Тада и Брайан Стернберг являются представителями той группы людей, в жизни которых боль неконтролируема. Парализованные, больные раком, родители детей с врожденными дефектами — эти люди, живущие в страдании, наверное, в недоумении пожмут плечами, услышав о концепции типа «дар боли». Вероятно, для них подобная концепция покажется либо поверхностной, либо садистской; боль в их жизни вышла за всякие рамки, став чудовищной.

Одна получила известность через страдания; другой, наоборот, потерял ее. Несколько десятилетий спустя и он, и она все также скованы больным телом. Но и Брайан, и Джони — каждый по-своему — нашли силы для продолжения пути и даже для роста, и их доверие Богу — одна из важнейших составляющих процесса исцеления душевных ран.

Брайан напрямую задает вопросы о причине случившегося. Бог ли является виновником его страданий? И Стернберг, и его родители убеждены, что его состояние так же ненавистно Богу, как и им. Выводы Брайана противоречат некоторым утверждениям этой книги, так как он не приемлет такие концепции, как преображающая сила страдания. Хотя Брайан и признает, что Бог использовал боль для достижения в нем чего-то доброго, но он отвергает возможность того, что Бог позволит болезни продолжаться до конца жизни. Он поставил свою веру — и в какой-то мере даже свое понимание Бога — в зависимость от надежды на исцеление.

Но даже такая позиция (которая и друзьям Стернберга кажется все менее приемлемой) показывает поворот к Богу. Брайан держится за веру в любящего, благого Бога, невзирая на страдания, которые мало кому из нас придется перенести. На небесах Брайан наверняка

будет ходить уверенной походкой Иова, Аввакума и Иеремии, которые переживали ужасы, но все-таки верили. Боль Джони Эрексон Тада, за исключением коротких вспышек физической боли, — это боль эмоциональная, боль потери. Но ее жизнь отмечена триумфом благодати и радости. Да, она боролась с Богом, но не отвернулась от Него. Она выросла духовно настолько, что глубина ее взаимоотношений с Богом вдохновляет миллионы. Я не хочу сказать, что каждый больной человек в состоянии повторить успех Джони Эрексон Тада. Это невозможно. Она обладает множеством уникальных дарований и талантов. Но, используя свои дарования, Джони достигла чего-то особенного: она облагородила страдание.

Поначалу Джони получала море писем, в которых ей советовали молиться об исцелении. Другие ругали ее за недостаток веры. Конечно, она молилась об исцелении. Летом 1972 года, после служения исцеления в узком кругу, где присутствовало пятнадцать человек, она получила уверенность, что в течение следующих нескольких недель ее позвоночник чудесным образом восстановится. Она даже звонила друзьям и предупреждала: «Скоро я постучусь к тебе в двери: я буду исцелена».

Но исцеление не пришло. И в своих книгах Джони объясняет, почему она вынуждена была прийти к заключению, что физического исцеления она не получит. Теперь Джони называет свою болезнь «славным вторжением» и говорит, что это лучшее, что могло произойти в ее жизни. Бог использовал эту болезнь, чтобы она обратила внимание на Бога и направила свои мысли к Нему. Если бы не паралич, считает Джони, она была бы типичной американкой среднего класса, дважды разведенной к этому времени. Жизнь была бы удобной и бесцельной.

Но болезнь все изменила. С течением времени Божья благодать в жизни Джони стала настолько явной, что сама она превратилась в живой символ, умиротворяющий ребяческие споры о вере. «Если нет исцеления, то, значит, нет веры? А как же тогда быть с Джони Эрексон Тада?» Более того, на примере Джони можно наблюдать, как человек использует страдания во благо. Добившись успеха как писательница, актриса, певица, художница, она решила в конечном итоге посвятить себя делу, о котором знает не понаслышке: заботе об инвалидах. Сегодня Джони является руководителем миссии «Джони и друзья», которая спонсирует семинары и конференции, а также финансирует мероприятия по оказанию помощи инвалидам. Мечта Джони — показать церкви нужды инвалидов и помочь христианам стать носителями исцеления в обществе. Сегодня ее выступления посещает меньшее количество людей. Намного легче собрать людей, чтобы поделиться личным свидетельством, чем для того, чтобы рассказать им о нуждах инвалидов. Но Джони, шаг за шагом, приносит инвалидам поддержку, а здоровым — просвещение. Слава Богу, что только немногие из нас пройдут путем Джони или Брайана. Но они живут, каждый по-своему, являя истинность слов, записанных в 9-й главе Иоанна: «Не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нем явились дела Божий». Идя по следам слепого времен Иисуса, двое парализованных наших дней — один Из Сиэтла, другая — из Балтимора — яркое свидетельство Дел Божьих.

Глава 11. Другие свидетели

«Страдальцами движется мир».

— Лев Толстой

В своей книге «Творческое страдание» швейцарский врач и психолог Поль Торнье

вспоминает, насколько его удивила статья под названием «Сироты управляют миром». В этой статье, напечатанной в уважаемом медицинском журнале, были приведены данные исследования 300 личностей, имеющих большое влияние на мировую историю. Пытаясь найти между ними что-то общее, автор статьи обнаружил, что все эти лидеры были сиротами (либо в действительности, в связи со смертью или разводом родителей, либо эмоционально — в результате лишений в детстве). В этот список вошли Александр Македонский, Юлий Цезарь, Робеспьер, Джордж Вашингтон, Наполеон, царица Виктория, Голда Майер, Гитлер, Ленин, Сталин и Кастро. «Мы, — пишет Торнье, — читаем лекции о том, насколько важно для развития ребенка иметь отца и мать, которые гармонично выполняют свои функции по отношению к нему. И вдруг обнаруживаем, что самые влиятельные люди в мировой истории этого не имели!»

Сам Торнье был сиротой, и он размышлял над этим вопросом вскоре после смерти жены, когда почувствовал себя сиротой еще раз, будучи уже стариком. Ранее он оценивал каждое веское событие в жизни — успех или трагедию — как добро или зло. Но теперь он стал воспринимать обстоятельства — и удачи, и несчастья — морально нейтральными. Важно, как мы ведем себя по отношению к ним. Добро и зло, в плане морали, никогда не содержатся в событиях, но всегда — в личностях.

Понимание этого изменило подход Торнье к медицине и привело его к теории «целостности личности». «Очень редко мы контролируем ситуацию, — говорит он, — но (вместе с теми, кто нам помогает) мы несем ответственность за нашу реакцию на происходящее... Страдание само по себе не несет пользы, с ним всегда нужно бороться. Важно, как человек ведет себя в страданиях. Это настоящее испытание личности: каково наше отношение к жизни, к переменам и случайностям? Вот человек, который болен или пережил трагедию и открывает мне душу: что он скажет об этом жизненном ударе? Какова будет его личная реакция? Позитивная, активная, творческая реакция, которая поможет его личности развиваться, или негативная, которая затормозит развитие?... Правильная помощь в нужный момент может определить курс его дальнейшей жизни».

В своей медицинской практике Торнье ежедневно встречался с травмированными людьми и признавал, что зачастую страдания сгибают человека, а не помогают ему вырасти. Именно поэтому он отошел от традиционного способа диагностики и лечения и стал уделять основное внимание эмоциональным и духовным нуждам пациентов. Он считает себя обязанным помочь им превратить страдание в трансформирующую силу.

Жизненные катастрофы, возможно, разрушат нашу внешнюю предохранительную систему. Они причинят нам страдание, но не для того, чтобы разрушить нас. Наоборот, если создать правильную атмосферу, трагедия может вызвать творческий рост: когда все известные способы выживания не срабатывают, пациент, стоящий под ударами судьбы, вынужден искать новые пути. Роль доктора, медсестры, социального работника, священнослужителя или друга заключается в следующем: не дать страдающему сломиться, но помочь ему увидеть, что даже самые страшные трудности открывают возможности для роста и развития.

Движение за творческое страдание

Мартин Лютер Кинг говорил: «То, что меня не разрушает, делает меня сильнее». В течение нашего столетия Кинг, Ганди, Солженицын, Сахаров, Тугу, Мандела и многие другие своей жизнью продемонстрировали теорию Торнье о творческом страдании. Посредством обстоятельств, которые должны бы просто разрушить их личность, эти

смелые люди потрясали целые нации. Мартин Лютер Кинг, например, умышленно выбирал для конфронтации наиболее жестоких шерифов южан, Он был готов принимать побои, тюрьму и другие издевательства, так как считал, что дремлющая нация только тогда станет его поддерживать, когда увидит мерзости расизма в наиболее экстремальных ситуациях.

«Христианство, - говорил он, - всегда утверждало: сначала крест, а потом -- венец. Быть христианином -- значит взять свой крест, со всеми его трудностями, со всем мучительным и сложным его содержимым, и нести до тех пор, пока он не оставит на нас свой след, не выведет нас на тот превосходнейший путь, к которому выходят только посредством страданий».

В конечном итоге именно это принесло долгожданную победу движению за гражданские права. Именно действия борцов за гражданские права, маршировавших, невзирая на жестокость полицейских, пробудили нацию. Всего через неделю после столкновений на мосту в Селме Конгресс проголосовал за закон 1965 года о праве на голосование. После каждого кровопролитного столкновения Кинг становился сильнее, не слабее.

Принцип, действовавший в жизни таких видных людей, как Мартин Лютер Кинг, также действовал в жизни «маленьких людей», которые поддерживали его в маршах за свободу и справедливость. Я вспоминаю одного неизвестного героя в деревенской части Миссисипи, человека, фотографии которого в журналах не печатались. Я брал интервью у господина Бакли в начале 70-х, в то время, когда большинство жителей Юга были настроены против движения за гражданские права.

Покидая дом господина Бакли, я чувствовал, что покидаю дом святого. Дом господина Бакли — один из наиболее красивых домов, в которых живут чернокожие в районе Симпсон: обложенный кирпичом снаружи и деревянными панелями внутри. В нем было четыре или пять просторных комнат. Господину Бакли исполнилось девяносто лет, и он, похоже, не обращал особого внимания на то, что его окружало.

Большую часть времени старик проводил в кресле напротив камина. Так же когда-то он любил сидеть в небольшом деревенском домике. Вот таким я его и увидел - господин ракли раскачивался в кресле, почесывал покрытый седи-ми волосами затылок, смеялся и вспоминал... Глаза его были влажные, а кожа -- жесткая, закаленная жгучим солнцем Миссисипи на протяжении десятилетий. В одной из наших бесед Бакли поделился со мной своими детскими воспоминаниями. Проговорив три с половиной часа перед диктофоном, он остановился, попросил воды, прополоскал рот и объявил: «Итак, мы добрались до 1901 года». Между отменой рабства и рождением Бакли - целое поколение. Он рос в нелегкие годы реконструкции, жил в жуткие времена разгула ку-клукс-клана, видел горящие кресты, слышал угрозы и рассказы об избиениях и поджогах. И после 75-ти лет жизни под запретом — нельзя было посещать рестораны для белых, гостиницы для белых, туалеты для белых и кабины для голосования для белых — господин Бакли в середине 60-х присоединился к движению за гражданские права. Веря, что может быть полезен Богу, он стал помогать пастору Джону Перкинсу в передвижном центре по регистрации избирателей. В районе, где проживало около пяти тысяч взрослых чернокожих, были зарегистрированы только пятьдесят.

Федеральные служащие организовали пункты регистрации у черного входа в почтовое отделение, а господин Бакли помог организовать явку — на место регистрации прибыл караван автобусов. Каждый, вносивший свое имя в список голосующих, боялся. Иногда появлялись группы агрессивно настроенных белых, выкрикивающих оскорбления и

угрозы. Некоторые из тех, кто зарегистрировался, потом потеряли работу. Но они все-таки приходили. Сильные чернокожие мужчины, сгорбленные от ношения тяжелых мешков, отважно выстроились в очередь через центр Менденхолла, чтобы получить право голоса. В итоге регистрацию прошли 2300 человек. Господин Бакли ходил с Богом в течение всех тех лет, когда он был одним из лидеров чернокожего населения в районе Менденхолл, и трудности, перенесенные им, сделали его более глубокой, сильной личностью. Он рассказывал о своей жизни, а я понимал, что бедные и угнетенные в действительности могут быть блаженны, как говорил Иисус. Все, что у него было в то время, когда дни были мрачны, а ночи — полны страха, — это вера в Бога. И, в конечном итоге, было видно, что Бог живет в этом человеке, и Ему, Богу, просторно в этой душе.

Вера господина Бакли прошла наиболее сложное испытание однажды ночью, вскоре после того, как они с женой переселились в свой новый дом. Наконец-то, когда им обоим было за восемьдесят, они смогли купить хороший дом — чистый и пахнущий свежей краской. В два часа ночи господин Бакли вдруг проснулся оттого, что почувствовал запах дыма. Он вскочил с кровати вовремя — горел коридор, и пламя уже подбиралось к спальне. Они с женой успели выбежать из дома, но потеряли все свое имущество. Подожгли дом соседи.

Господин Бакли говорил мне: «Да, наверное, мы многое пережили. У меня было трое детей — я потерял двоих, потерял свою первую жену, и мы чуть было не погибли той ночью. Но Господь говорил, что не даст нам испытания сверх сил. Если наши силы иссякают — Он будет рядом, давая нам силу, о существовании которой мы и не подозревали».

Господин Бакли умер в 1986 году, в возрасте 97-ми лет. В течение последних лет своей жизни он участвовал в организации новой церкви в Менденхолле. Он говорил: «Я хочу, чтобы в этой церкви было место каждому, независимо от цвета кожи.

Хочу, чтобы в этой церкви люди могли молиться и ожидать ответа на молитвы, чтобы люди любили друг друга». Своим личным жизненным примером господин Бакли показал, какую он хотел организовать церковь.

Полный переворот

«То, что меня не разрушает, делает меня сильнее», — говорил Мартин Лютер Кинг. Морщинистое, спокойное лицо господина Бакли, похоже, доказывало это. Как крепкий старый дуб, переживший бури, вихри и лесные пожары, господин Бакли обладал такой внутренней силой, которую большинство из нас, огражденных от бед американцев, никогда не испытают. Если во времена трудностей человеку не на кого опереться, кроме Бога, в нем вырабатываются уникальные качества.

Пообщавшись несколько часов с господином Бакли, я стал глубже понимать непонятные, парадоксальные слова Иисуса о блаженствах. Его слова: «Блаженны нищие... плачущие... кроткие... гонимые» всегда казались мне некоей подачкой неудачникам. «Ну уж раз ты небогат и у тебя плохое здоровье, раз умываешься слезами, я брошу тебе пару обнадеживающих фраз и пообещаю награду в будущем. Может, тебе полегчает». Но некоторые из этих обетований сказаны в настоящем времени — «таковых ЕСТЬ Царство» — и мои встречи с чернокожими христианами в Миссисипи открыли мне глаза на то, как бедные и угнетенные могут быть блаженными, благословенными. В жизни господина Бакли проявились качества, которые встретишь нечасто. Он обладал возросшей, крепкой и испытанной верой.

Апостол Павел писал: «...сила Моя (Божья) совершается в немощи». Эта фраза многими понимается превратно. Те, кто обвиняет Бога в том, что Он допустил в мир страдания, вообще смеются над этими словами. Но в таких людях, как Павел или Бакли, эта фраза высвечивает истину. Даже о Христе сказано: «Он... страданиями навыв послушанию» (Евреям 5:8). Мы, которые стоим рядом и наблюдаем за страдающими людьми, часто ожидаем увидеть в них гнев и обиду. Мы думаем, что их реакцией на несправедливости жизни будет озлобление на Бога. Удивительно, но они часто находят в Нем покой, и нам становится стыдно за себя. Не случайно наиболее воодушевляющие примеры веры мы находим в жизни людей, которых мир считает неудачниками. Клайв Льюис, хоть и нерешительно, все же делает заключение: «Я не убежден, что страдание само по себе... вызывает такие недобрые чувства [гнев и циничность]". не замечал, чтобы в окопах на передовой было больше Ненависти, самолюбия, неподчинения или обмана, чем в любом другом месте. Иногда я наблюдал в великих страдальцах величие и красоту духа. По моим наблюдениям, в большинстве случаев люди с годами становятся лучше, не хуже, а болезни в конце жизни производят драгоценные плоды твердости и смирения в тех, кто уже не подавал никаких надежд... Если мир — это действительно «кузница духа», то, похоже, поставленные задачи выполняются».

Какая составная страдания делает возможным это полное изменение, когда боль начинает не разрушать, а укреплять? Иисус ясно говорил, что Бог более расположен к бедным и угнетенным в этом мире. Это учение, которое иногда называют «теологией переворота», находит выражение в Нагорной проповеди и в других высказываниях Иисуса: «...первые будут последними» (Матфея 19:30, Марка 10:31, Луки 13:30); «...унижающий себя возвысится» (Луки 14:11, 18:14); «...кто из вас больше, будь как меньший, и начальствующий - как служащий» (Луки 22:26). Притчи о добром самарянине, о богаче и Лазаре также указывают на полное изменение в устройстве этого мира.

Но почему? Почему Бог выделяет бедных и угнетенных? Почему уделяет им больше внимания, чем другим? Чем слабые заслуживают Божьего внимания?

Недавно мне попался на глаза перечень «преимуществ» бедного человека, составленный католической монахиней Моникой Хэлвиг. Я взял за основу ее перечень, немного расширил его и включил туда всех страдальцев.

- 1. Страдание, делающее нас равными как ничто другое, приводит к осознанию необходимости искупления.*
- 2. Страдающие люди не просто понимают, что они зависят от Бога и здоровых людей, но также учатся полагаться друг на друга.*
- 3. Страдальцы опираются не на вещи, которыми они часто не в состоянии пользоваться, но на людей.*
- 4. У страдающего человека исчезает чувство его чрезмерной значимости и нужды в уединении. Страдание смиряет гордецов.*
- 5. Те, кто страдает, больше думают о сотрудничестве и меньше - о конкуренции.*
- 6. Страдание помогает нам установить верные границы между необходимостью и излишеством.*
- 7. Страдание учит терпению. Часто терпение рождается из признанной зависимости.*

8. *Страдание учит различать реальные опасения от надуманных.*

9. *Евангелие воспринимается страдающими людьми как добрая весть, не как угроза или упрек. Евангелие предлагает им надежду и утешение.*

10. *Страдающие люди откликаются на зов Евангелия, оставляя все, потому что они готовы ко всему, им почти нечего терять.*

Читая этот перечень, я начинал понимать, почему очень многие святые в христианстве перенесли множество страданий. Зависимость, смирение, простота, взаимопомощь, преданность - это великие духовные ценности, которые часто ускользают от людей, окруженных комфортом. Мое понимание блаженств, о которых Иисус говорил в Нагорной проповеди, значительным образом изменилось. Теперь я понимаю, что это не подачка, брошенная Иисусом несчастным. Это не лозунги, обращенные к неудачникам, но проникновенный взгляд в тайну сущности человеческого бытия. Бедные, голодные, скорбящие, страдающие люди действительно блаженны. Не потому, конечно, что они находятся в таком положении, — Иисус Уделял много времени тому, что изменял положение таковых. Нет, они благословенны потому, что, страдая, обладают преимуществами, которыми не обладают самодостаточные люди.

Самодостаточность, впервые продемонстрированная в Эдемском саду, — это один из самых страшных грехов, потому что он, как магнит, уводит нас от Бога. Преимущество страдальцев и бедняков в том, что их недостатки напоминают о себе каждый день. Они должны обращаться к кому-то за поддержкой, и иногда они обращаются к Богу. Богатые, успешные и красивые люди могут прожить всю жизнь, опираясь на собственные ресурсы. Но для тех, у кого ресурсов недостаточно, есть шанс воззвать к Богу во время нужды.

Выходит, что страдающие люди, сами того не желая, оказываются более подготовленными к принятию Божьей благодати. Они в нужде, они зависимы и не удовлетворены жизнью, — поэтому им легче принять Божий подарок любви. Бедность и страдание могут стать инструментами, посредством которых мы поймем, что зависимы от Бога. Если мы не поймем этого, то никогда не испытаем действия благодати. Апостол Павел писал об этом принципе коринфянам, приводя пример из своей жизни. Он боролся с «жалом в плоти», какой-то болезнью; неизвестно, что это была за болезнь, но предположения выдвигаются разные: эпилепсия, глазная болезнь, хроническая депрессия, малярия, искушения на сексуальной почве. Я рад, что Павел не уточнил, что являлось этим «жалом», потому что процесс, о котором он пишет в 12-й главе 2-го Послания коринфянам, необходимо понять и применять нам всем, независимо от того, какое «жало» мучит нас.

Поначалу Павел не видел пользы в своем «жале в плоти». Он не мог принимать его «с великой радостью», напротив, противился мучающей его болезни. Она мешала ему совершать служение и заставляла ставить под вопрос действия Бога. Трижды он умолял Бога послать ему исцеление. Трижды ему было отказано. Наконец, он усвоил то, чему учил его Бог посредством болезни: «...довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи».

Физическая слабость, выходит, являлась полезной для самого Павла. Такие грехи, как духовная гордость, чувство превосходства над другими и эгоизм, представляли намного большую опасность, и этот надоедливый физический недостаток заставлял его полагаться

не на себя, а на Бога, и черпать у Него силы. Когда Павел, наконец, понял это, его отношение к болезни изменилось — он уже не отвергал ее, но принимал с определенной целью: апостол не просил избавить его от жала, но молился, чтобы боль принесла добрые результаты в его жизни. Как только Павел усвоил этот урок, он — такой уж у него был характер — стал кричать об этом на весь мир, «хвалясь» своими немощами. В своем письме коринфянам, людям, привыкшим уважать силу и придававшим особое значение физическим данным человека, он пишет о том, что Бог зачастую избирает низких и презренных людей, чтобы постыдить мудрых; избирает слабых, чтобы постыдить сильных. Павел понял суть блаженств: бедность, болезнь, горе и слабость могут стать орудием благодати, если мы обратимся к Богу в духе смирения, полагаясь на Него. «Я силен, когда немощен», — заключает Павел. Чем слабее мы себя чувствуем, тем более можем опираться на Него.

Глава 12. Экстремальные случаи

«Я... даже в иной нас благословлял судьбу за то, что она послала мне это уединение [в остроге], без которого не состоялись бы ни этот суд над собой, ни этот строгий пересмотр прежней жизни. И какими надеждами забилося тогда мое сердце! Я думал, я решил, я клялся себе, что уже не будет в моей будущей жизни ни тех ошибок, ни тех падений, которые были прежде».

— Ф. М. Достоевский

«Записки из мертвого дома»

За последние годы я прочел множество свидетельств людей, выживших в концлагерях. Чем-то они меня привлекают, по-видимому, тем, что представляют вопросы Жизни в наиболее экстремальных ситуациях. В лагерях стирались все личностные характеристики. Заключенных одинаково одевали и стригли. К ним обращались не по имени, а по номеру. Они ели одинаковую пищу и жили по одному и тому же режиму. Не было разделения на классы. Колочая проволока заключала человечность в наиболее элементарную, атактистическую форму.

В руках администраторов-специалистов - или садистов — концентрационные лагеря становятся лабораторией страдания. Как говорит Терренс Дес Прес, задача концлагерей - низвести заключенных до бездумных творений, поведение которых можно с абсолютной уверенностью предвидеть и контролировать. Лагеря на сегодняшний день - наиболее близкое подобие коробки Скиннера. Это было закрытое и полностью контролируемое общество, целый мир в определенном смысле.

Страдание и смерть - негативные, а пища и жизнь - позитивные сигналы, и все эти силы двадцать четыре часа в сутки оказывали влияние на человека на уровне его самых насущных потребностей. Но рассказы Беттлгейма, Франкля, Визеля, Леви, Ви-зенталю, Солженицына, Щаранского и других доказывают, что великий эксперимент бихевиоризма потерпел

крах. Люди, которых, казалось, лишили чувства собственного достоинства, в действительности не потеряли человечности и только отточили свое моральное сознание. Лишь один пример: голос «реабилитированного» Солженицына звучал настолько мощно, что он был изгнан из своей страны, успев, однако, практически единолично разрушить мифы сталинизма.

Если вы придете на встречу евреев, переживших Холо-кост, то не встретите там побежденных бесполезных людей, похожих на зомби. Нет, там будут политики, врачи, юристы — люди, представляющие общество в целом. Их детство прошло в мире, управляемом самим Злом, но теперь эти мужчины и женщины — воплощение смелости и сострадания. Общий опыт этих людей доказывает, что даже из самых страшных, нечеловеческих страданий человек способен извлекать что-то доброе. Вот какое заключение о жизни в лагерях делает Бруно Беттлгейм: «Наше пребывание там не убедило нас ни в бессмысленности жизни, ни в том, что мир - это бордель или что нужно жить, повинаясь низменным похотям плоти и не обращая внимания на движение культуры. Напротив, мы поняли, что наш мир, каким бы он ни был убогим, так же отличается от концлагеря, как отличается день от ночи, спасение от ада, как разнится жизнь от смерти. Мы поняли, что в жизни есть смысл, - пусть его и очень сложно найти, но этот смысл намного глубже, чем мы могли его себе представить до того, как ; стали пленниками».

Джордж Мангакис, над которым издевались члены военной хунты в Греции и которого приговорили к восемнадцати годам заключения, в конечном итоге жалел не себя, а своих мучителей.

«Мне выпала судьба быть жертвой. Я видел лицо своего мучителя — оно было страшнее, чем мое мертвенно-бледное, кровоточащее лицо. Его лицо было перекошено какой-то нечеловеческой силой... В этой ситуации счастливым был я. Унижали меня -не я унижал других. Просто в моих ноющих от боли костях все-таки оставалась человечность, а ведь те, которые унижают тебя, сначала унижают понятие человечности в себе. Что из того, что они, одетые в униформу, с напыщенным видом расхаживают, радуясь тому, что с помощью боли, недостатка сна, голода и безнадежности могут контролировать других? Они торжествуют от сознания обилия власти, которая у них в руках, но это безумное торжество — ни что иное, как деградация человечности. Конечная деградация. Они дорого заплатили за мои мучения. В худшем положении был не я. Я был просто человеком, стонущим от жгучей боли. Я предпочитаю это. В настоящее время у меня отобрана радость видеть детей, идущих в школу или играющих в парке. Они же должны смотреть своим детям в глаза».

Доктор Виктор Франкль - еврейский психолог, бывший в концлагере, — посредством пережитого там пришел к выводу, что смысл жизни существует и люди обладают внутренней свободой, которую не может отобрать концлагерь. Его выводы выражают чувства многих заключенных: «Жизнь в лагере показывает, что человек сам решает, как поступать. Существует множество примеров, часто героических, доказывающих, что апатию можно победить, что можно подавить в себе гнев. Человек СПОСОБЕН сохранить духовную свободу, независимость в мышлении даже в условиях тяжелейшего психического и физического стресса... У человека можно забрать все, кроме одного, кроме одной последней свободы - самому решать, каким будет его отношение к данным обстоятельствам, по какому пути он пойдет... В конечном итоге становится ясным, что состояние заключенного — это результат его внутреннего решения, а не только внешних обстоятельств в лагере. Поэтому даже в таких обстоятельствах каждый может решать, каким он станет - и в душе, и в духе».

Основной вопрос

Если, говоря о концлагерях и гитлеровском геноциде против евреев, можно найти ответы на фундаментальные вопросы о человечестве, то вопросы о Боге остаются неотвеченными. Вопрос этой книги: «Где Бог, когда я страдаю?» выражает чувства

миллионов евреев времен Холокоста. Как мог Он отсиживаться и молчать, смотря на уничтожение шести миллионов человек Своего избранного народа? Как мог позволить, чтобы зло правило настолько могущественно и открыто?

В начале 70-х социолог по имени Рив Роберт Бреннер сделал опрос тысячи бывших евреев — узников фашистских лагерей, уделяя особое внимание их вере. Как пережитое во время Холокоста повлияло на их взаимоотношения с Богом? Удивительно, но около половины респондентов заявили, что Холокост никак не повлиял на их веру в Бога. Ответы остальных, однако, представили иную картину. Одиннадцать процентов из общего числа опрошенных заявили, что в результате пережитого они отвергли веру в Бога. Они не возвратились к вере и после войны. Анализируя их подробные ответы, Бреннер пришел к выводу, что атеизм этих людей является скорее эмоциональной реакцией, выражением глубокой боли и горькой обиды на оставившего их Бога, чем теологическим выводом. Но Бреннер также обнаружил, что около 5% от общего числа респондентов, наоборот, стали верующими во время Холокоста. Переживая такие ужасы, они просто не знали, к кому еще можно обратиться, кроме Бога.

В течение двухмесячного периода я прочел две книги, которые представляют собой искренние, но диаметрально противоположные действия веры в условиях Холокоста. Авторы этих бестселлеров - Илия Визель и Корри-тен-Бум, и их книги - наиболее читаемые работы в отделе литературы о Холокосте.

Книга Визеля «Ночь» произвела на меня огромное впечатление. Стиль письма у него строгий, каждое предложение рисует в воображении читателя картину того мира, в котором прошли подростковые годы писателя. Всех, живших в его селе евреев, сначала согнали в одно место, затем отобрали все имущество и погрузили в вагоны для скота. Треть из них погибла еще по дороге в лагеря смерти. В первый вечер, когда поезд подъехал к Биркенбау, Илия увидел клубы густого черного дыма, выходящего из огромной печи, и впервые в жизни ощутил запах горячей человеческой плоти: «Никогда не забуду ту проклятую ночь, тот дым, лица детей, чьи тела на моих глазах превращались в клубы дыма под молчаливым голубым небом. Мне не забыть ту ночную тишину, которая забрала у меня - на всю вечность! - желание жить; те мгновения, которые убили моего Бога и мою душу, в прах развеяв мои мечты. Никогда не смогу забыть этого, даже если мне придется жить так долго, как живет Сам Бог. Никогда». На глазах у Визеля в печь были отправлены мать, младшая сестра, и, в конечном итоге, вся его семья. Он видел, как поднимали на штык младенцев, вешали детей, а заключенные убивали друг друга за кусок хлеба. Сам Илия избежал смерти только благодаря ошибке администратора. В его книгах звучат разные вариации этой бесчеловечной, безнадежной трагедии.

В предисловии к «Ночи» лауреат Нобелевской премии Франсуа Мауриак описывает свою встречу с Визелем, после того, как он впервые услышал его историю.

«Тогда я понял, что сразу привлекло меня в этом молодом израильтянине: этот образ Лазаря, воскресшего из мертвых, но все еще плененного тем зловещим окружением, в котором он томился, шатаясь между истлевшими трупами. Для него вопль Ницше становился почти физической реальностью: «Бог мертв...» Бог любви, нежности, утешения, Бог Авраама, Исаака и Иакова исчез навечно, исчез в глазах этого ребенка, в дыме Холокоста, творимого Расизмом, самым ненасытным из всех идолов. И сколько набожных евреев прочувствовали эту смерть!... А думали ли вы когда-нибудь о трагедии — возможно менее явной, менее шокирующей, чем другие, но более страшной

для тех, кто обладает верой — смерти Бога в душе ребенка, который встречается с абсолютным злом?»

Глубокий ров

Иногда я чувствую щемящее желание остаться с Визелем, остаться подавленным человеческой трагедией. Пройдя через такое зверство, кто может начать жить заново? Могут ли для такого человека слова «надежда», «счастье» и «радость» снова наполниться смыслом? Можно ли говорить здесь о страдании, которое помогает нам формировать характер? Прочитав «Ночь» и несколько других книг Илии Визеля, я принялся за книгу «Прибежище» Корри-тен-Бум. Описываемая ею обстановка была уже хорошо знакома мне. Корри не была еврейкой, но была арестована в Голландии за укрытие евреев и отправлена в лагерь смерти в Германию. Ей также знакома боль от ударов кнута, она тоже видела, как сжигали заключенных и то, как на ее глазах умерла сестра. Она также видела, что в мире, где царило зло, не могла устоять добродетель. В написанных Корри книгах задаются те же вопросы, что и в книгах Визеля, и иногда сквозит озлобление на Бога.

Но в «Прибежище» есть и другой элемент - там есть надежда и победа. Ее история соткана из нитей маленьких чудес: группы по изучению Библии, пения гимнов и множества жертвенных поступков. Проходя через все испытания, две сестры доверялись Богу, который охранял их Своей любовью. Как говорила сама Корри: «Как ни глубокий ров, Бог - глубже».

Должен признаться, что, хотя я полностью разделяю мировоззрение Корри и верю в того же Бога любви, книги Визеля казались мне более глубокими. Нечто мрачное и высокопарное тянуло меня от надежды к безысходности. Сам Визель говорил о своем сомнении как об акте освобождения: «Я был обвинителем, а Бог — обвиняемым. Мои глаза были открыты, но я был один — это ужасающее одиночество в мире без Бога и без человека. Без любви и милости. Я был просто пеплом, но чувствовал себя сильнее, чем Всемогущий, к которому так долго была привязана моя жизнь». Какой-то голос внутри подталкивал меня к тому, чтобы стать рядом с Илией Визелем и тоже быть обвинителем, скинувшим оковы веры. Одно удерживало меня от того, чтобы стать обвинителем. Основание моей веры, как ни иронично это звучит, прекрасно выражено тем же Визелем, когда он описывает, как в пятнадцатилетнем возрасте был арестован в лагере Буна. В лагере обнаружили склад с оружием, принадлежавший одному голландцу, которого тут же отправили в Освенцим. Но остался помогавший ему паренек, которого охранники стали пытать. У паренька было красивое личико, которого еще не коснулись жестокие реалии лагеря, — лицо «маленького грустного ангела», как пишет Визель.

Мальчик не открыл никаких секретов эсэсовцам и был приговорен к смертной казни вместе с двумя другими заключенными, у которых нашли оружие.

«Однажды, возвратившись с работы, мы увидели три виселицы на плацу, как три стервятника. Переключка, эсэсовцы с автоматами - традиционная церемония. Три жертвы в цепях, и один из них — ангел с грустными глазами. Эсэсовцы, казалось, были в этот день более озабочены, чем обычно. Повесить мальчика на глазах у тысяч заключенных было нелегким делом.

Глава лагеря зачитал приговор. Все смотрели на ребенка. Он был бледен и почти спокоен, только кусал губы. Тень от виселицы падала прямо на него. На этот раз лагерный палач

отказался от своей роли и вместо него вышли эсэсовцы.
Три жертвы встали на стулья. Одновременно три шеи оказались в петлях.

«Да здравствует свобода!» — прокричали двое взрослых.

Но ребенок молчал.

«Где же Бог? Где Он?» - спросил кто-то, стоящий позади меня.

По сигналу начальника лагеря из-под приговоренных выбили табуретки.

Полная тишина. Солнце пряталось за горизонт.

«Снять шапки!» — скомандовал хриплым голосом начальник лагеря. Мы плакали.

«Надеть шапки!»

Затем начался марш мимо виселиц. Взрослые были уже мертвы: их языки висели, распухшие, посиневшие. Но третья веревка все еще вздрагивала: жизнь еще не покинула легкое тело парнишки... Более получаса он висел так, находясь между жизнью и смертью, умирая в медленной агонии у нас на глазах. И мы должны были смотреть ему в лицо. Когда я проходил мимо него, он был все еще жив — язык не посинел, глаза не закатились. Тот же мужчина, шагавший сзади, спросил: «Где же Бог сейчас?» И я услышал, как голос во мне ответил: «Где Он? Вот Он — Он висит на этих же виселицах...» В тот вечер вкус супа напоминал мне о трупах».

В том концлагере Визель утерял веру в Бога. Для него Бог действительно умер на виселице, и воскресить Его было невозможно. Но картина, которую рисует перед нами Визель, содержит в себе ответ. Где был Бог? Голос внутри Илии Визеля говорил правду: Бог действительно, можно сказать, висел рядом с мальчишкой. Бог не освободил от страдания даже Себя Самого. Он также висел на древе Голгофы, и это единственное, что заставляет меня верить в Бога любви.

Бог, окруженный небесами, не игнорирует звуки страданий, идущие со стонущей планеты. Он присоединился к нам, решив жить среди Своего угнетенного народа — народа Илии Визеля — в бедности и великих преследованиях. Он также был невинной жертвой жестоких, бесчеловечных издевательств. В момент черного отчаяния Божий Сын кричал, как кричали верующие в лагерях: «Боже! Для чего Ты Меня оставил?»

Иисус, Божий Сын, живший на земле, воплотил в Себе все, что я пытаюсь сказать о боли. Как и Иов, — страдалец, который жил до Него, — Иисус не получил ответа с неба на вопрос о причине. «Для чего?..» — кричал Он со креста, но не услышал от Бога ничего. Тем не менее, Он остался верным, потому что видел то доброе, что принесет Его страдание: искупление человечества.

Авторы Евангелий утверждают, что страдания Иисуса не были показателем Его слабости: Он мог бы призвать легион ангелов. Почему-то Он должен был претерпеть страдания, чтобы искупить падшее творение. Бог взял на Себя Великую Боль смерти Своего Сына и воспользовался ею, чтобы впить в Себя все страдания земли. Страдание явилось ценой, которую Бог заплатил за прощение. Человеческое страдание остается пустым и бессмысленным, если мы не получаем от Бога уверенности в том, что Бог сочувствует нам и может как-то исцелить нашу боль. В Иисусе мы можем иметь эту уверенность.

Итак, христианство включает в себя весь спектр озлобления, безысходности и тьмы, которые настолько тонко передаются в такой книге, как «Ночь». В нем мы находим полное понимание и соучастие Бога в страданиях мира. Но христианство идет на шаг дальше. Этот шаг — Воскресение, победа над «последним врагом» — смертью. Кажущаяся трагедия — распятие Иисуса — в конечном итоге сделала возможным исцеление мира.

Хотел ли Бог, чтобы на земле был Холокост? Задайте вопрос по-другому: хотел ли Бог смерти собственного Сына? Зная Его характер, мы можем с уверенностью сказать: Он не мог желать такого. Но произошло и то, и другое; и вместо «почему», на которое ответа нет, мы вынуждены спрашивать: «С какой целью?» В момент боли бывает трудно представить, что из страдания может родиться что-то доброе. (Наверное, Христу в Гефсимании также трудно было это осознать.) Мы не можем заранее знать, как страдание может быть преобразовано в причину для радости. Но нам нужно в это верить. Суть веры состоит в том, чтобы мы заранее верили в то, что обретет смысл для нас в будущем.

Священник Дахау

Вскоре после того, как я прочел книги Илии Визеля и Корри-тен-Бум, мне довелось посетить один из бывших нацистских концлагерей. В лагере Дахау, недалеко от Мюнхена, я познакомился с человеком, пережившим Холокост и посвятившим свою жизнь провозглашению миру Божьей любви, которая глубже любого человеческого болота безнадежности. Он помог мне понять, как Корри-тен-Бум могла сохранять надежду в таких условиях. Этого человека зовут Христиан Ригер. Он провел в застенках Дахау четыре года за то, что принадлежал к Церкви исповедания во главе с Мартином Нимеллером и Дитрихом Бонхоффером, церкви, являющейся филиалом немецкой государственной церкви и выступавшей против Гитлера. Ригера, которого выдал властям органист церкви, арестовали и отправили за сотни километров от дома, в Дахау.

После освобождения Ригер и другие члены Международного комитета Дахау работали не покладая рук, чтобы восстановить концлагерь в качестве монумента, в качестве зримого урока для человечества. Их лозунг: «Не повтори». Тем не менее, лагерь найти нелегко, потому что местные жители не склонны привлекать к нему внимание. В тот день, когда я приехал в Дахау, было мрачно и холодно. Утренний туман навис низко над землей, и когда я шел, на лице и руках собирались капли росы. Судя по сохранившимся и торчащим из земли бетонным фундаментам, здесь когда-то располагалось тридцать бараков. Один из них восстановлен, и плакаты говорили о том, что иногда в такой барак, рассчитанный на 200 заключенных, помещали 1600 человек. Крематории сохранились в первоначальном виде, союзные войска оставили их нетронутыми. Туман, всеобъемлющая серость и призраки стоящих здесь некогда зданий нагнетали жуткие и скорбные чувства. Возле одного из фундаментов подпрыгивал чей-то неутомимый ребенок; у забора из колючей проволоки расцвели лилии. Я нашел Христиана Ригера в протестантской часовне, расположенной рядом с католическим монастырем и еврейским мемориалом. Он обычно прохаживается по территории лагеря, встречается с туристами, с которыми беседует на немецком, английском или французском. Отвечая на вопросы, Христиан свободно предается воспоминаниям о днях своего заключения в этом лагере.

В последнюю зиму в связи с недостатком угля крематории наконец-то были закрыты. Заключенные не должны были больше вдыхать запах сгорающей плоти своих товарищей. Но многие умирали от невыносимых условий жизни, и их обнаженные тела с написанными на них синей краской номерами, складывали, как бревна, на снегу. Если попросить, Ригер готов рассказать подобные ужасные истории. Но он никогда не

заканчивает на этом, он говорит о своей вере и о том, что даже в Дахау его нашел Бог любви.

«Ницше говорил, что человек способен переносить пытки, если у него есть ответ на «почему?» своей жизни, — говорил мне Ригер. — Но здесь, в Дахау, я понял нечто более глубокое и важное. Я узнал, КТО важен в моей жизни. Он наполнял мою жизнь тогда, и Он же наполняет мою жизнь сегодня — и большего мне не нужно».

Не всегда так было. Проведя месяц в Дахау, Ригер, как и Илия Визель, потерял всякую надежду на любящего Бога. С точки зрения пленников нацизма, вероятность того, что Бога вообще нет, была очень высокой. Но в июле 1941-го произошло что-то, что заставило его пересмотреть свои сомнения.

Каждому заключенному разрешалось получать одно письмо в месяц, и ровно через месяц после ареста Ригер получил долгожданное известие от жены. Собирая по кусочкам разрезанное цензором письмо, он читал о семье и о том, что жена любит его. В самом конце страницы жена Ригера написала ссылку на место из Библии: Деяния 4:26-29.

Ригер, у которого тайно сохранилась Библия, открыл ее и прочел слова, которые являются частью речи Петра и Иоанна, произнесенной ими сразу после освобождения из тюрьмы. «Восстали цари земные, и князи собрались вместе на Господа и на Христа Его. Ибо поистине собрались в городе сем на Святого Сына Твоего Иисуса, помазанного Тобою, Ирод и Понтий Пилат с язычниками и народом Израильским, чтобы сделать то, чему быть предопределила рука Твоя и совет Твой. И ныне, Господи, воззри на угрозы их, и дай рабам Твоим со всею смелостью говорить слово Твое».

В тот день Ригера должны были допрашивать, что было самой страшной процедурой в лагере. Ему прикажут назвать имена других членов Церкви исповедания, оставшихся на свободе. Если он не выстоит, то другие христиане будут арестованы и, возможно, казнены. Но если он откажется сотрудничать, его наверняка будут бить дубинками и пытать электроударами. Он по собственному опыту знал, что «восстали цари земные на Господа», но кроме этого стих из Библии ничего ему не говорил. Чем мог помочь ему Бог в такой ситуации? Ригер прибыл в комнату ожидания. Он дрожал. Дверь открылась, и из комнаты, где допрашивали заключенных, вышел священник, которого Ригер не знал. Не смотря ему в глаза и не изменяя выражения лица, священник подошел к Христиану, положил что-то в его карман и вышел. Через несколько секунд эсэсовцы завели Ригера в кабинет следователя. Допрос прошел на удивление легко и без актов насилия.

Когда Ригер возвратился в барак, с него катился пот, несмотря на холод. Он сделал несколько глубоких вдохов и прилег на свой покрытый соломой лежак. Вдруг он вспомнил о необычной встрече со священником. Засунув руку в карман, он нащупал там спичечный коробок. «О, подумал он, — какой хороший подарок. Спички — бесценная вещь в концлагере». Но в коробке спичек не оказалось, а только — сложенный листочек бумаги. Ригер раскрыл его, и сердце вдруг забилось сильнее. Там было аккуратно выведено: Деяния 4:26-29.

Для Ригера это было чудо, непосредственное слово от Бога. Этот священник никоим образом не мог видеть письмо его жены — они вообще не были знакомы. Неужели Бог действительно устроил это для того, чтобы показать, что Он живой, что Он может укреплять и Ему стоит доверять?

Христиан Ригер стал другим человеком. Это было небольшое чудо, но его было достаточно, чтобы, как якорем, зацепить его веру за непоколебимую скалу. Ее не могли пошатнуть даже те зверства, свидетелем которых он был в течение 4-х лет, проведенных в Дахау.

«Бог не избавил меня от страданий и не облегчил их. Он просто убедил меня в том, что Он жив и знает, что я страдаю. Христиане сплотились в лагере и образовали небольшую церковь, куда входили разные священнослужители. Мы называли нашу группу вынужденно-межконфессиональной. Мы чувствовали себя единым телом, телом Иисуса Христа.

Я могу говорить только за себя, — продолжает Ригер. — Другие отвернулись от Бога в Дахау. Кто я, чтобы судить их? Просто я знаю, что Бог был со мной. Для меня этого было достаточно, даже в Дахау».

Пока Христиану Ригеру будет позволять здоровье, он намерен ходить по территории лагеря Дахау, беседуя с туристами своим теплым голосом с акцентом. Он будет рассказывать о том, где был Бог во время затяжной ночи в Дахау.

Часть 4. Как справляться с болью?

Глава 13. Признаки выздоровления

«Я не спрашиваю раненого, как он себя чувствует. Я сам становлюсь раненым».

— Уолт Уитман

«Моя песнь»

Для того, чтобы понять страдание, я изучал жизнь людей, которые навсегда связаны с ним: Брайан Стернберг, Джони Эрексон Тада, люди, пережившие Холокост. Для большинства из нас периоды страдания, обычно, короче и не настолько жестоки. Но один фактор остается неизменным в любом случае: люди по-разному реагируют на страдание.

Я знаю людей, больных ревматизмом, которые только и говорят, что о своей болезни, другие же рассказывают о своей боли, только если вы станете их об этом расспрашивать.

Почему так? Можно ли заранее определить, как человек будет реагировать на страдание? Можно ли подготовиться к страданию так, чтобы понизить его эффект? Сама боль, кажущаяся на первый взгляд рефлексом, действует не как простой причинно-следственный механизм. Нейроны действительно передают сигналы об опасности, но эти сигналы всегда фильтруются и интерпретируются мозгом. Понимание и отношение человека к боли может коренным образом изменить ее. Вы совершенно не так отреагируете на неожиданный удар в лицо, как отреагирует на него профессиональный боксер, которому за пятнадцать раундов избиений платят уйму денег.

Медики сегодня открыто признают, что, по большому счету, отношение человека к страданию определяет эффект, который оно возымеет. Доктор Роберт Адер, профессор психологии и психиатрии Рочестерского медицинского университета признает, что практически в каждой болезни присутствует эмоциональный фактор. Он делает следующее заключение: «Теория о микробах просто не в состоянии объяснить, почему люди болевают. Если бы она объясняла это, то непонятно, почему все в офисе не

заболевают, когда заболевает один из работников. (Конечно, я не знаю, какого размера у вас офис)».

Альберт Швайцер говаривал, что болезни быстро оставляют его потому, что не встречают гостеприимства в его теле. Или, как заметил менее красноречивый наблюдатель: «Иногда важнее знать, что за человек заразился, нежели то, чем он заразился». Подготовка, арсенал, с которым мы встречаем страдание, может иметь решающее значение в наших переживаниях. А понимание боли и страдания поможет нам послужить больным тогда, когда мы сами не страдаем. Эту книгу я начал с рассказа о своей подруге Клаудии Клакстон, которая вдруг обнаружила, что ей придется бороться с раком. Я поинтересовался у Клаудии и ее мужа Джона, почему во время этой кризисной ситуации они сплотились, ведь большинство семейных союзов в результате подобных болезней, напротив, ослабевают.

«Я тогда работал в качестве ассистента капеллана в больнице, — рассказывал Джон. — Мне приходилось постоянно общаться с больными и умирающими людьми. Это только в кино супруги, которые всю жизнь ссорились, в случае смертельной опасности забывают о своих различиях и объединяются. В реальной жизни не так. Когда супруги встречаются с трудностями, тогда то, что уже заложено в их браке, просто ярче высвечивается. Поскольку нас с Клаудией соединяла глубокая любовь и мы работали над тем, чтобы наши отношения были открытыми, кризис сблизил нас. Нас не охватило чувство злобы, мы не обвиняли друг друга в происшедшем. Эта болезнь просто вынесла на поверхность и усилила чувства, которые уже существовали». Согласно рассуждениям Джона, лучший способ подготовки к страданиям — это установление крепких взаимоотношений с людьми в то время, когда мы здоровы. Невозможно наскоро заложить надежный фундамент силы, его нужно строить постоянно.

Школа страдания

Сказать что-то существенное по вопросу страдания могут только те люди, которые страдали сами. Нам необходимо интересоваться их мнением и для того, чтобы подготовиться к страданию самим, и для того, чтобы научиться утешать других. Ведь чья-то болезнь, особенно смертельная, влияет на наше собственное здоровье. Мы странно себя ведем: нервничаем, отводим в страхе глаза, бросаем пустые обещания («Звони, если что...»); наши беседы — пустой лепет. А что вообще можно сказать? И нужно ли что-нибудь говорить? Признаюсь, для меня нелегко находиться рядом со страдающими людьми. Не могу представить себе менее эффективного посетителя больных, чем я сам. Я начинаю сворачиваться, как улитка, как только открываю стеклянные двери больницы — от запаха, наверное. Запахи антисептических средств проникают в мозг непосредственно через органы обоняния, вызывая во мне страшные детские воспоминания о том, как мне удаляли гланды. Когда медсестра в коридоре улыбается и кивает мне, перед моим мысленным взором возникает медсестра гигантская, с полиэтиленовым кульком, пытающаяся украсть мое дыхание... После нескольких лет профессиональной шизофрении — когда пишешь и говоришь о страдании и в то же время чувствуешь собственную беспомощность — я решил отбросить неловкость и заставить себя находиться рядом со страдающими людьми постоянно.

Приблизительно в это время один из моих друзей обнаружил, что у него — очень редкая форма рака. В истории медицины, сообщили ему, всего двадцать семь человек с такой болезнью, как у него, проходили курс лечения. Двадцать шесть — умерли. Теперь Джим должен был сражаться с этой страшной болезнью один на один. Ему было тридцать три

года, и всего десять месяцев назад он женился. Свой медовый месяц они провели на Карибских островах, где любили выходить в море на яхте. Больше всего Джима заботила его карьера, горнолыжный спорт и семья. И вдруг перед ним — реальная возможность смерти, и ему нужна была помощь.

По его просьбе я стал вместе с ним посещать группу психологической поддержки в соседней больнице. Вообще, люди посещают такие группы по самым разным причинам. Одни желают улучшить свой имидж, другие — научиться общаться с людьми, третьи — победить пристрастия. Но эта группа, называемая «Не упusti сегодня», состояла из умирающих людей. Они использовали эвфемизм «жизнеугрожающие болезни» для обозначения разных видов рака, рассеянного склероза, гепатита, мышечной дистрофии и других подобных болезней. Каждый из участников знал, что в его или ее жизни есть два главных вопроса: вопрос выживания или, в случае неуспеха, — подготовки к смерти. Мне было очень тяжело на первой встрече. Мы собрались в открытой комнате ожидания, расселись на дешевых пластмассовых стульях оранжевого цвета — их наверняка подобрали специально, чтобы поднять настроение. По коридору то и дело проходили санитары со скучным видом, толкая впереди себя носилки. Открывались-закрывались двери лифта. Я пытался игнорировать объявления по громкоговорителю, по которому время

от времени вызывали докторов. Большинство присутствующих были моложе сорока.

Обычно люди такого возраста мало

думают о смерти, но собравшиеся, напротив, хотели говорить о неожиданном ее вторжении в их жизнь. Собрание началось со своеобразной переключки — каждый коротко сказал о себе. Некоторые из членов группы умерли в течение месяца, прошедшего с момента их последней встречи, и социальный работник рассказал о последних днях их жизни и о похоронах. Джим шепотом сообщил мне, что это один из Депрессивных аспектов этих встреч: некоторые члены группы исчезали.

Я ожидал, что атмосфера на собрании будет мрачной, но ошибся. Слез, конечно, лилось немало, но эти люди свободно разговаривали о болезнях и смерти. Здесь, в этой группе, они могли свободно говорить о болезни и ожидать, что их будут слушать. Они рассказывали о том, что большинство их друзей общались с ними странным образом, избегая разговоров о том, что для них сейчас было важнее всего — об их болезни. А в этой группе они могли открыться друг перед другом. Нэнси показывала всем свой новый парик, купленный для того, чтобы скрыть ее облысевшую голову — побочный эффект химиотерапии. Она, смеясь, говорила, что всегда хотела иметь прямые волосы, и вот теперь наконец-то опухоль в мозгу предоставила ей такой шанс. Стив, молодой чернокожий мужчина, признался, что мысли о будущем приводят его в ужас. Будучи подростком, он победил болезнь Ходжкина, а теперь, десять лет спустя, симптомы вдруг возвратились. Он не знал, как сказать об этом своей невесте.

Лорейн, у которой возникли опухоли на спинном мозге, лежала на матрасе и мало говорила. Она пришла сюда не говорить, а просто поплакать, объяснила

Лорейн. Наибольшее впечатление на меня произвела одна пожилая седая женщина — широкое

костистое лицо выдавало в ней иммигрантку из Восточной Европы. Говоря с сильным акцентом и используя простые повествовательные предложения, она выражала свое одиночество. Ее спросили, есть ли у нее родственники. Она объяснила, что сын, военный летчик, пытается взять отпуск и прилететь из Германии. А муж? Она сглотнула с трудом несколько раз, а потом сказала: «Он пришел ко мне только однажды. Меня уже положили в больницу. Он принес мне мой халат и другие вещи.

Доктор остановил его в коридоре и рассказал о моей болезни, лейкемии. — Ее голос срывался, и она смахнула слезы прежде, чем продолжить. — В тот вечер он пошел домой, собрал свои вещи и уехал. Больше я его не видела».

«Сколько лет вы были женаты?» — спросил я после паузы.

Ее ответ ошеломил всех: «Тридцать семь лет». (Позже я узнал, что, согласно данным исследователей, около семидесяти процентов браков распадаются, если один из супругов смертельно заболевает. В этой группе из тридцати человек ни один брак не выдержал испытания более двух лет. распалась и семья моего друга Джима.) Я приходил на встречи этой группы в течение года. Жизнь каждого участника была насыщена необычной силой, которую приносит только смерть. Не могу сказать, что мне нравилось бывать на этих встречах; «нравилось» — это неподходящее слово. Но они стали для меня одним из наиболее значимых событий каждого месяца. В отличие от других встреч, где люди стараются поразить друг друга, выражая свой статус, власть или остроумие, здесь никто не пытался произвести впечатление. Одежда, мода, мебель, карьера, новые машины — какое значение имеет все это для людей, готовящихся к смерти?

Встречи группы «Не упusti сегодня», казалось, подтверждали теорию о ценности страдания. Эти люди намного больше, чем другие, обращали внимание на основное в жизни. Они не могли забыть о смерти, потому что, говоря словами Августина, их «оглушал звон цепей смертности». Как мне иногда хотелось привести на эти встречи некоторых своих поверхностных друзей-гедонистов! Находясь в среде этих людей, я, собиравшийся писать книгу о страдании, чувствовал, как мало я знаю. В течение года я набирался мудрости, сидя у ног моих учителей в школе страдания. Большинство из того, о чем я буду писать в следующих главах — о подготовке к страданию и помощи другим, я почерпнул во время пребывания в этой группе.

Что помогает лучше всего?

Как мы можем помочь страдающим? И кто может помочь нам, когда страдаем мы? Я начну с хорошей новости, которая, возможно, немного вас разочарует. Разочарует потому, что я не могу дать вам волшебной формулы. Нельзя что-то такое особенное СКАЗАТЬ страдающему. Самые светлые умы человечества со всех сторон рассматривали проблему страдания, спрашивали, для чего нужна боль, но мы все так же задаем эти вопросы, не находя ответа.

Как я заметил, даже Бог не стал объяснять причину страдания в Своем ответе Иову. Великий царь Давид, праведный Иов и даже Сам Сын Божий реагировали на страдание так же, как и мы. Они чувствовали отвращение к боли, думали, что боль ужасна, делали все, что могли, чтобы облегчить страдания и, в конце концов, обессиленные, кричали о помощи к Богу. Меня лично очень огорчает тот факт, что мы не можем найти общий ответ для страдающих людей. Но если посмотреть на дело с другой стороны, то отсутствие ответа — это замечательно. Когда я задавал людям вопрос, кто помог им в страдании, ни один из них не назвал профессора богословия Йельского университета или известного философа. Царство страдания — это демократия, и каждый из нас стоит в нем, либо рядом с ним, не имея ничего, кроме нашей человечности. Каждый из нас может помочь другому, и это — хорошо. Никто не может упаковать или разлить по пузырькам «подходящий ответ страданию». Слова, обращенные ко всем, скорее всего окажутся ненужными для отдельно взятой личности. Если вы обратитесь к самим страдающим и спросите, какие слова утешили бы их, вы, вероятно, услышите самые разные ответы. Одни

расскажут вам о друге, который развеселил их и помог на время забыть о боли, а других такой подход обидел бы. Одни предпочитают откровенные, прямые беседы, а других они угнетают, затягивают в депрессию.

В общем, для страдающего человека нет магического рецепта. По большому счету, человеку, который страдает, нужна любовь, потому что любовь инстинктивно чувствует, что необходимо человеку на данный момент. Жан Ванье, основатель движения «Л'Арк», говорит об этом так: «Люди раненные, сломленные страданием и болезнью, нуждаются в одном: чтобы кто-то любил их всем сердцем, отдавал себя им и вместе с ними надеялся». По существу, ответ на вопрос: «Как помочь страдающему?» звучит точно так же, как и ответ на вопрос: «Как любить?» Если меня попросят указать на место из Библии, помогающее нам послужить страдающим, я бы посоветовал перечитать 13-ю главу Послания к коринфянам, где содержится прекрасное описание любви. Именно она нужна страдающему: любовь, а не знание или мудрость. Часто бывает так, что для исцеления Бог использует самых обыкновенных людей. Тем не менее, сама любовь состоит из определенных и практических шагов. Мы встречаемся со страдающими людьми в каждой школе, в каждой церкви, в каждом общественном учреждении, в каждой больнице. Рано или поздно каждый из нас окажется в их рядах. Прислушиваясь к тому, о чем говорят страдающие люди, я выделил четыре «фронта», на которых сражается каждый страдалец: страх, беспомощность, смысл и надежда. Наша ответная реакция на страдание во многом зависит от результата этих четырех сражений.

Глава 14. Страх

*«Я видел, как величие мое вдруг поблекло,
видел, как вечный Слуга, держа мое пальто,
усмехнулся, и я устранился».*

- Т. С. Элиот

«Песня любви Альфреда Пруфрока»

Страх - самая распространенная ответная реакция человека на страдание. И, безусловно, это самый серьезный «враг исцеления». Джон Донн хорошо знал, что такое страх. Он писал свои размышления в то время, когда волны бубонной чумы, названной «черной смертью», захлестывали Лондон. Только во время последней эпидемии погибло более 4 тысяч человек. Тысячи других убегали в провинцию, оставляя пустыми целые районы и города. В течение шести недель Донн находился на грани смерти, думая, что заразился чумой. Методы лечения в то время были не менее жуткими, чем сама болезнь: кровопускания, разного рода припарки, прикладывание к телу змей и голубей для удаления «злого облака болезни».

Заметив признаки страха у своего врача, Донн написал следующее: «Страх проникает в каждое действие, в каждое движение разума. Точно так же, как простое скопление газа в теле может создать иллюзию болезни — камней или подагры, — так и обычный страх можно принять за потерю рассудка ... Тот, кто не боится льва, боится кошку; не боящийся голода боится съесть мясо, которое ему предлагают за столом... Я не знаю, что такое страх; я также не знаю, чего боюсь в настоящее время; я не боюсь приближения смерти, но боюсь ухудшения своего состояния; я просто обману природу, если скажу, что я этого не боюсь» .

Возможно, кто-то подумает, что современные достижения медицины утихомиряют наши страхи. Но это не так. В современных больницах пациента помещают в отдельную палату, где в голову ему постоянно лезут мысли только о своей болезни. Вокруг него гудят и жужжат подключенные к его телу приборы. В коридоре врачи и медсестры, разбирая сложные графики и цифровые данные, полусшепотом обсуждают его прогноз. Больного обследуют, колот, берут кровь, заносят данные в историю болезни — «для его же блага», конечно. Все это, вместе взятое, — прекрасная почва для рассадки страха, который распространяется в стенах больницы подобно губительной инфекции.

Нагнетатель боли

Мы говорим о страхе как об эмоции, но на самом деле это, скорее, рефлекс, моментально включающий определенные психологические действия. Мышцы напрягаются, непроизвольно сжимаются, часто увеличивая этим давление на поврежденные нервы и, следовательно, усиливая боль. Изменяется и кровяное давление, поэтому мы либо бледнеем, либо краснеем. Человек, которого сильно испугали, может даже испытать сосудистую недостаточность и потерять сознание. Все живые существа обладают чувством страха. Даже амеба укрывается от жары и боли, но люди, похоже, подвержены чувству страха больше других. Спазмы кишечника, например, возникающие у человека при нервном напряжении, не наблюдаются у других биологических видов.

Когда обитающий в разуме человека страх достигает нервных окончаний, он изменяет восприятие человеческого организмом боли. Человек, которого охватывает паника от одного только вида шприцев, чувствует больше боли от укола, чем диабетик, который делает себе инъекции ежедневно. Между ними нет разницы в физиологическом смысле — отличие вносит страх.

Асената Петри, работающая исследователем в Чикагском университете, разработала систему, согласно которой люди подразделяются на три категории в зависимости от их отношения к боли. «Нагнетающие» переносят боль тяжело и склонны к преувеличениям при описании своей боли. «Понижающие» способны переносить более острую боль без заметного перенапряжения. «Умеренные» находятся между этими двумя. Петри нашла, что страх наиболее полно характеризует подход «нагнетающего» к боли.

Во время Второй Мировой войны Генри Бичер из Гарвардской медицинской школы изучал в Италии поведение солдат, раненых в бою. С удивлением он наблюдал, что только треть солдат с серьезными ранениями просили морфий. Многие говорили, что они либо вовсе ничего не чувствуют, либо чувствуют незначительную боль. Работая анестезиологом в больнице, Бичер наблюдал совершенно иную картину: восемьдесят процентов больных с подобными ранами умоляли дать им морфий или другое болеутоляющее средство.

Действие морфия, в основном, заключается в снижении У пациента уровня страха и напряженности. По-видимому, У солдат страх вытеснялся либо гордостью за полученное ранение, либо, в определенных случаях, чувством покоя от осознания того, что они больше не находятся на поле боя. Бичер делает следующее заключение: «По сути, не существует прямой зависимости между тяжестью ранения и болью, которую испытывает человек. Чувство боли во многом определяется другими факторами».

Большинство из нас без труда могут определить, чего мы боимся в связи со страданием. Мы боимся боли и неизвестности. Мы также можем бояться смерти. Не являюсь ли я обузой для кого-то? Что я упускаю в жизни? Есть ли у меня будущее? Есть ли надежда на

выздоровление? Эта болезнь — наказание? Люди, страдающие от физической или душевной боли, часто чувствуют на себе давящий груз одиночества. Они чувствуют себя оставленными и Богом, и людьми, потому что должны переносить страдания самостоятельно, и никто до конца их не понимает. Одиночество способствует увеличению страха, страх — увеличению боли, и так далее, вниз по спирали.

Как-то один из участников курса «Не упусти сегодня» принес на одно из собраний книгу с рисунками больных детей. Их угловатые фигуры и простые слова ясно выражали то, чего они боятся. Один ребенок нарисовал огромный уродливый танк, изобилующий оружием, перед которым, держа в руке красный знак «стоп», стоял он — хрупкий мальчуган.

Другой мальчик нарисовал огромную иглу шприца с рыболовным крючком на конце. Восемилетняя девочка нарисовала себя лежащей на больничной койке и подписала рисунок: «Мне одиноко. Я хочу спать в своей кровати дома. Мне здесь не нравится. Здесь плохо пахнет». Чуть дальше в книге был помещен другой рисунок этой же девочки, на этот раз — в кабинете врача. Стул, стол для обследований, шкаф — все было огромным, а она, маленькая и незащищенная, сидела на краешке стола, произнося слова: «Я боюсь».

Как нейтрализовать страх?

Можно сказать, что вся первая часть этой книги — моя попытка нейтрализовать страх. Понимание того, что такое боль и какую роль она играет, помогает мне побеждать страх. Теперь я вижу боль не как врага, против которого должен сражаться, но как предупредительный сигнал, на который я должен обратить внимание. Меня поражает превосходный дизайн нашей нервной системы. Теперь я представляю боль уже не как жирное пятно на одежде, которое нужно непременно вывести, но как пример того, как мое тело говорит мне о чем-то чрезвычайно важном.

Боль — это наиболее эффективный способ обратить мое внимание на потребности тела. Итак, я начинаю слушать боль. Если я понимаю ценность страдания, оно становится куда менее страшным. Я также заметил, что наряду с таким пониманием приходит благодарность, а это — одно из самых действенных эмоциональных орудий в борьбе со страхом.

На другом — духовном — уровне, изучая Библию, я понял: сам факт страдания не означает, что Бог против меня. В основном на примере Иисуса я научился видеть, что Бог — на нашей стороне; неудивительно, что Павел называет Его «Отцом милосердия и Богом всякого утешения» (2 Кор. 1:3).

Библия — путеводитель для каждого христианина, и я верю в то, что мудрые слова, сказанные в ней о страданиях, представляют собой «вакцину» против страха. «Совершенная любовь изгоняет страх», — личное познание Бога, обладающего совершенной любовью, может преодолеть страх, как свет побеждает тьму. Нет нужды в отчаянных попытках «тренировать веру», Бог уже полон любящей заботы, и мне не надо производить на Него впечатление своей «духовной акробатикой».

У христианина множество способов предотвратить страх. Подобно тому, как эмоциональное воздействие страха способно производить физиологические изменения, молитва способна оказывать влияние путем перемещения центра внимания от тела к сознанию души и духа. Молитва пробивается сквозь отягощенность чувств и позволяет мне обращаться к Богу. Когда я молюсь, мое тело обретает мир и покой. Мышцы, сдавленные страхом, начинают расслабляться. Напряжение сменяется внутренним

покоем. Конечно же, подобных результатов можно добиться и с помощью медитации, однако молитва Богу имеет свои преимущества. Она позволяет победить одиночество боли посредством сосредоточения внимания не на моем «я» и моих личных потребностях, а потребностях окружающих. Вспомните, как звон колокола побудил Джона Донна задуматься о своем соседе, умершем от чумы. Книга Донна «Молитва» рисует замечательный образ христианина, пытающегося нейтрализовать страх. Судя по цитате, приведенной выше в этой главе, Донн знал, что такое страх. Большую часть времени ему приходилось бороться со страхом в одиночку, так как в те времена заразные больные содержались на карантине. Лежа в постели, он думал, не находится ли и Бог на карантине. Где же обещанное присутствие Божье?

Истинный страх Донна был вызван вовсе не болью, передаваемой всеми клетками его тела; он боялся Бога. Он постоянно мучился одним и тем же вопросом: «Почему я?» Кальвинизм в то время был достаточно новым явлением, и Донн размышлял, а не стоит ли за чумой Сам Бог. Вина за грехи прошлого постоянно пряталась где-то рядом, подобно демону. Возможно, он действительно переживал все эти страдания в наказание за какой-то совершенный в прошлом грех?

Донн в своей книге так и не отвечает на вопрос: «Почему я?» И все же «Молитва» рисует, как шаг за шагом Донн шел к победе над своим страхом. Как одержимый, он ищет и выписывает все места из Библии, где встречается слово «страх». В процессе своего поиска он вдруг осознает, что в жизни постоянно возникают обстоятельства, вызывающие у нас страх: если не болезнь, то финансовые трудности; если не бедность, то отверженность; если не одиночество, то неудачи. В результате Донн оказывается перед выбором: бояться Бога или же бояться всего остального.

Читая в 8-й главе Послания к римлянам молитву Павла («Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы... не могут отлучить нас от любви Божией...»), Донн отмечает все свои потенциальные страхи. Страшные враги? Они не представляют никакой угрозы, потому что Бог способен сломить любого врага. Голод? Нет, Бог способен обеспечить всем необходимым. Смерть?

Даже этот, самый жуткий людской страх - не преграда для тех, кто боится Бога. Донн приходит к выводу, что главной целью человека должно быть воспитание в себе должного страха перед Богом, ибо этот страх способен вытеснить собой все остальные. И вот, в конце концов, он молится: «...ибо Ты даровал мне покаяние, чтобы я не мог быть нераскаянным. Посему, о Боже, даруй мне Твой страх, чтобы более мне не бояться». Самое главное, вовсе не важно, являлась ли болезнь наказанием или просто естественным процессом. В любом случае он доверился бы Богу, потому что в конечном итоге именно доверие и представляет истинный страх перед Ним.

В книге «Молитва» Донн сравнивает этот процесс с тем, как менялось его отношение к своим лечащим врачам. В начале, когда медики выявляли все новые и новые симптомы, а затем за дверью шепотом обсуждали результаты, он не мог не испытывать страха. Однако со временем, видя их искреннюю заботу, он убедился в том, что они заслуживают доверия. То же самое происходит и с Богом. Порой мы не в силах понять Его действия или причины, кроющиеся за ними. Однако при всем этом стоит вопрос: можем ли мы доверять этому Врачу? Донн решил, что можем.

Как же нам общаться с Богом, которого мы боимся? В ответ на этот вопрос Донн цитирует фразу из описания Матфеем сцены того, как женщины обнаружили гробницу Иисуса

пустой: они поспешили прочь «со страхом и радостью великою». Донн увидел в этой «радости с дрожью в ногах» хороший пример для себя.

Во время Воскресения, в воздухе царил страх. Как не бояться Бога, обладающего такой огромной силой? Женщины вновь встретили ожившего Иисуса, стоящего конце сада. Происходило действительно что-то странное. И женщины побежали, дрожа от страха и одновременно с этим радуясь, потому что все эти странные события были признаками самой доброй вести: Иисус смог победить смерть. Имея в сердце надежду на то же самое, он Донн наконец-то нашел тот страх, которого не нужно бояться.

Быть рядом

Совершенно другая ситуация имеет место, когда страдаю уже не я сам, а кто-то, кому я хочу помочь. Как мне избавить такого человека от страха? Я понял, что просто находиться рядом может быть самой действенной силой, с помощью которой мы можем усмирить страхи других. Я всегда инстинктивно сторонился людей, переживающих боль и страдания. Никогда нельзя с уверенностью сказать, захотят ли они вообще говорить о том, что их тревожит. Нуждаются ли они в утешении и поддержке? Разве может чем-то помочь мое присутствие? Подобные мысли всегда начинают одолевать меня, и, в конечном итоге, я поступаю наихудшим образом — остаюсь в стороне,

Люди, переживающие страдания, особенно мои друзья, посещающие курсы «Не упusti сегодня», не перестают свидетельствовать о том, как важно, когда здоровые люди не остаются от них в стороне. Ведь им не нужны наши слова или суждения, они просто хотят, чтобы мы были рядом. Находясь рядом в трудную минуту, мы своим присутствием передаем то же чувство безопасности, которое вселяет отец в сердце больного ребенка, говоря: «Все в порядке, все в порядке». Жизнь продолжается. Не бойся, я с тобой.

Тони Камполо рассказывал, как однажды пошел на похороны, чтобы отдать дань уважения семье одного своего знакомого. По ошибке он попал совсем не в тот похоронный зал. Там в гробу лежал пожилой мужчина, а единственной из присутствующих была его вдова. Женщина казалась такой одинокой, что Камполо решил остаться там. Он даже поехал на кладбище вместе с ней.

По окончании церемонии погребения, отвозя вдову домой, Тони наконец решил признаться, что не знал ее супруга. «Я так и подумала, - ответила женщина. - Я не узнала Вас. Но это не имеет никакого значения». Она взяла его руку и до боли сжала ее. «Вы и представить себе не можете, что это значит для меня». Я упоминал, что никто, отвечая на вопрос, кто ему помог больше всего, не назовет имя какого-нибудь философа. Чаще всего, нам опишут тихого и непритязательного. Того, кто был рядом, когда был нужен; кто больше слушал, нежели говорил; кто не поглядывал без конца на часы, а мог обнять, утешить и вместе поплакать. Другими словами, того, кто был рядом и встал на сторону страждущего, а не отстаивал свое мнение.

Женщина, больная раком, на одном из собраний курса «Не упusti сегодня» вспомнила свою бабушку, которая была очень скромной и не могла ничего дать, кроме как просто сидеть рядом со спящей внучкой и вязать. С ней всегда можно было поговорить, попросить принести стакан воды или позвонить кому-нибудь. «Бабушка была единственным человеком, который меня понимал, - говорила ее внучка. - Когда мне снился страшный сон и я просыпалась, мне становилось спокойно просто оттого, что она была со мной».

Мы вполне обоснованно осуждаем трех друзей Иова за их неверное отношение к его страданиям. Однако посмотрите на предысторию: перед тем, как заговорить с ним, друзья Иова семь дней и семь ночей молча просидели рядом с ним. Как выяснилось позже, это было самое полезное для всех них время.

У евреев есть обряд, называемый «шива», который совершается после смерти кого-либо из их общины. В течение восьми дней друзья, родственники и соседи по очереди приходят в дом умершего, принося с собой корзины для фруктов, на которых можно сидеть. Они приносят еду, убирают, поддерживают беседу - одним словом, присутствуют рядом со скорбящим. У последнего, возможно, все эти посещения будут вызывать лишь раздражение, в то время как ему нужен покой и одиночество, однако эта церемония несет в себе следующее; «Мы не оставим тебя одного. Мы разделим горе вместе с тобой». В этом случае страх, имеющий в корне своем одиночество, попросту исчезает,

Наступает момент, когда устраивается особый обед, И гости кормят скорбящего, как младенца, с ложки. Такой Ритуал навязанного присутствия взят из мудрости многих поколений, потому что скорбящий нуждается в присутствии других людей, независимо от того, осознает он эту необходимость или нет.

О Бетховене, человеке явно необщительном, рассказывают одну интересную историю. Его глухота превращала общение с людьми в весьма сложный и крайне унижительный для него процесс. Однажды, узнав о смерти сына одного из своих друзей, Бетховен, исполненный горя, поскорее поспешил к нему домой. Увы, у него не было слов утешения для семьи, однако он увидел в доме фортепиано и сел за него. В течение получаса композитор играл без остановки, изливая в музыку всю бурю нахлынувших эмоций. Затем он закончил играть и удалился. Его друг позднее признался, что визит Бетховена стал для него самым значимым.

Божьи посредники

Что еще мы можем предложить кроме своего присутствия? О чем можно говорить в таких случаях? Я постоянно слышу от людей один и тот же ответ: то, что мы говорим, имеет мало значения; гораздо важнее наша забота и присутствие. Если мы просто сможем выслушать человека, это, возможно, окажется самым ценным подарком.

Бетси Бернем в своей книге, вышедшей вскоре после ее смерти от рака, пишет об одном письме, которое тронуло ее больше всех писем, которые она получала во время болезни:

Дорогая Бетси!

Мне очень страшно и стыдно. Вы спросите, какое право я имею говорить, что мне страшно, когда у Бас такие проблемы? Однако я искала любой повод для того, чтобы не приходить к Вам. Я искренне хочу помочь Вам и Вашей семье. Я хочу быть рядом и быть полезной. Более всего, я хочу сказать Вам слова, которые бы хоть как-то помогли Вам. Но факт остается фактом: я боюсь. Я еще никогда такого не писала. Надеюсь, Вы поймете и простите меня.

С любовью к Вам, Энн

Энн не смогла найти в себе силы для того, чтобы быть со своей знакомой. Однако она все же смогла поделиться с Бетси своими искренними чувствами. Это уже своего рода близость.

Еще одна женщина, вспоминая письма, которые приходили к ней и к мужу во время семейной трагедии, делилась тем, что ей помогала даже неуклюжесть и бессвязность языка этих самых писем. Многие из авторов просили простить их за то, что не знают, о чем писать. Но для нее самой главной была как раз эта путаница в словах, которая ярче всего выражала их внутреннее состояние.

Страдающий человек, возможно, ожидает от вас тех же самых дружеских отношений, которые между вами были раньше. Близкие отношения редко развиваются между страдающими людьми и незнакомцами. Напротив, тяготы жизни заставляют человека возвращаться к тем связям, которые были построены тогда, когда он был здоров. Поэтому будьте в ваших отношениях такими же, какими вы были, когда все было в порядке. Если вы раньше шутили, делайте так и сейчас. Если для вас было естественным читать вместе Библию и молиться, продолжайте это делать. Если ранее ваши отношения начинались с простого разговора, новостей или слухов — начните с этого, а потом, когда наступит момент, двигайтесь дальше. Больному человеку кажется, что мир встал с ног на голову; ему или ей нужна уверенность в том, что ваша дружба осталась неизменной.

Конечно же, время вносит свои ограничения и не всем нам под силу постоянно сидеть рядом и уделять другому человеку массу свободного времени. Но мы все можем молиться, а это замечательная возможность сблизиться. Также мы все можем проявлять постоянную заботу об этом человеке. Больные люди сетуют на то, что страх и одиночество подкрадываются к ним в самые неожиданные моменты, поэтому постоянство зачастую играет больше значения, нежели количество проведенного вместе времени. Постоянство играет огромную роль в случаях, когда болезнь протекает длительно, как, например, болезнь Паркинсона.

Один человек рассказывал, что самую большую поддержку во время затяжной болезни ему оказал один из коллег по работе, который звонил каждый день, чтобы узнать, как у него идут дела. Этот человек приходил к нему всего два раза в неделю минут на пятнадцать, но то с каким постоянством он звонил и приходил, всегда оставляло надежду в то время, когда все в его жизни, казалось, рушилось.

Конечно, у простой дружбы есть свои ограничения. Больной человек из жалости к самому себе может отгородиться от окружающих. «Тебе этого никогда не понять. Ты через это никогда не проходил», — говорят они в таких случаях. В такой ситуации может помочь только человек, прошедший через подобные испытания, особенно в случае со страхом. Добродушный и открытый человек, больной параличом, помог освободиться от жалости к себе Джони Эрек-сон Тада (которая теперь в свою очередь помогает другим). Отец Дэмиен не видел результатов своих трудов, работая среди больных проказой в Молокае, что на Гавайях, до тех пор, пока сам не заболел этой болезнью и не смог общаться с ними как товарищ по несчастью. Принимая во внимание этот принцип, многие современные больницы внедряют курсы лечения, когда, например, женщине, которой предстоит удаление груди, огромную помощь и поддержку оказывает другая, уже прошедшая через эту операцию.

Курсы «Не упущи сегодня» представляют собой такую программу. Орвютль Келли, основатель программы, однажды осознал, что никто в полной мере не понимал его страха, кроме таких же больных раком, как он. В результате он организовал первое общество взаимопомощи для смертельно больных людей. Теперь Американское онкологическое общество открыло круглосуточную телефонную линию для предоставления консультаций всем больным раком.

И все же тем, кто не видит у себя особых способностей для помощи другим, не стоит отчаиваться. Ничто — ни суперпрограмма, ни самый дорогой подарок — не смогут заменить больному того чувства, которое он испытывает, когда вы находитесь рядом. Возьму на себя смелость сказать, что я верю в то, что мы, как части тела Христова, призваны любить друг друга, даже когда нам кажется, что Бог нас не любит.

У больных людей порой возникает впечатление, что Бог ставил их. Ярче всех выразил это чувство К. С. Льюис достаточно едком журнале, который стал издавать после жены. Льюис сказал, что в момент его самой острой нужды, Бог, который всегда был рядом с ним, как буд-то исчез. Льюис испытывал страх и опустошенность, но в конце концов ему помогла группа христиан из другой церкви.

Также вспомните, с каким трудом Корри-тен-Бум удавалось изучать Библию в нацистских концлагерях, а также о незнакомце, который подкинул слово ободрения Христиану Ригеру. Бог дал им знать о Себе через Своих посредников, других людей. Поэтому те из нас, кто стоит в стороне, должны время от времени молиться за больного человека, который пока не в силах молиться сам. Во времена страданий и горя очень часто Божья любовь раскрывается именно посредством обыкновенных людей, таких, как вы и я. В этом случае мы действительно будем похожи на тело Христа.

Глава 15. Беспомощность

«Доктор говорил: то-то и то-то указывает, что у вас внутри то-то и то-то; но если это не подтвердится исследованиями того-то и того-то, то у вас надо предположить то-то и то-то. Если же предположить то-то, тогда... и т. д. Для Ивана Ильича был важен только один вопрос: опасно ли его положение или нет? Но доктор не обращал внимания на этот неуместный вопрос».

— Лев Толстой

«Смерть Ивана Ильича»

Доктор Курт Рихтер, психолог университета Джонса однажды использовал двух подопытных крыс в довольно жестком эксперименте. Крысу 1, контрольный образец, он бросил в емкость с водой и отметил время. Крысы очень хорошо плавают, поэтому она продержалась на плаву целых шестьдесят часов, после чего от изнеможения захлебнулась и утонула.

Затем Рихтер взял крысу 2 для проведения второй части эксперимента. Он сильно сжал крысу в руке и держал ее до тех пор, пока та не перестала сопротивляться. Затем он тоже бросил ее в воду. Реакция была совсем иной. Вяло побарахтавшись в воде всего несколько минут, крыса 2 пассивно опустилась на дно емкости и умерла. По теории Рихтера, крыса 2 попросту «сдалась». Бесплезность сопротивления в руке ученого убедила крысу в том, что у нее уже нет шансов, еще до того, как она была брошена в воду. Таким образом, крыса 2 погибла потому, что смирилась со своей беспомощностью.

Другие эксперименты также доказывают тот факт, что чувство беспомощности, как и чувство страха, способно оказывать влияние на физиологию. Две разные группы крыс подвергались воздействию одинакового электрического напряжения. Вскоре, животные из группы 1 научились выключать ток при помощи рычажка, установленного в клетке. У группы 2 не было такого рычажка. Поэтому вследствие простого стресса — ведь подаваемое напряжение не представляло никакой опасности для их жизни — у животных

второй группы резко ухудшилось состояние иммунной системы, и они стали более подвержены разного рода заболеваниям.

Эксперименты над людьми — конечно же, не такие жестокие — также показывают, что чувство беспомощности способно не только менять психологическое состояние человека, но и восприятие самой боли. Болевой порог можно поднять на целых 45% путем простого метода отвлечения внимания.

В одной из серий экспериментов исследователи разными путями отвлекали внимание субъекта — звонили в колокольчики, многократно прикасались к его руке, читали вслух приключенческий роман, заставляли его посчитать. Когда подобная процедура была использована для проведения эксперимента на тепловую переносимость, величину нагрева пришлось повысить на 45 процентов, прежде чем субъект ощутил боль. Ученых поразил тот факт, что на руках субъектов начинали вздуваться волдыри, в то время они, не замечая этого, были полностью сосредоточены на счете от пятидесяти до одного в обратном порядке. С другой стороны, если внимание субъекта было полностью сосредоточено только на болевых ощущениях (с чем мы постоянно сталкиваемся в современных больницах и домах престарелых), его чувствительность к боли оказывалась намного выше нормы.

Потеря своего места в жизни

Участники программы «Не упusti сегодня» говорят о феномене, названном ими синдромом «предсмертной смерти», то есть о чувстве крайней беспомощности. Этот синдром развивается в случаях, когда родственники и друзья умирающего больного из самых добрых побуждений стараются сделать последние месяцы его жизни как можно более приятными. Начинается все со слов наподобие: «Нет, ни в коем случае! Я знаю, ты всегда выносила мусор, но в таком состоянии тебе нельзя это делать. Я сам вынесу». «Не нужно тебе сидеть и пересчитывать расходы в чековой книжке. От этого ты можешь переволноваться. Теперь я буду этим заниматься». «Я думаю, тебе нельзя выходить из дома. У тебя очень слабый организм».

Постепенно, без особых усилий у человека отбирают все, из чего состояла его роль в жизни, его место. Мать убеждает свою незамужнюю дочь, что той необходимо продать свой дом и переехать жить к ней. Дочь следует совету матери, но вскоре понимает, что перестала быть независимой личностью. Чувства ценности и значимости, расшатанные болезнью, вдруг быстро испаряются. Однажды один мой знакомый сказал мне: «Всю жизнь я привык видеть результаты своего труда — будь то отметки в школе, отзывы начальства на работе или же комментарии моего спортивного тренера. Вдруг все изменилось, и теперь я не вижу, какую пользу могу приносить. Если у меня есть список неотложных дел, то в их выполнении заинтересован лишь я один».

Конечно, серьезно больной человек должен иногда зависеть от окружающих в определенных сферах жизни. Но из общения с участниками программы я понял, что мы, окружающие люди, если нас не контролировать, с легкостью можем лишить человека всего, что придает ему значимость в жизни. Доктор Эрик Кессел, терапевт Корнельского университета, сделал следующий вывод о своих пациентах: «Если анализировать факторы заболевания, оказывающие самое разрушительное воздействие на больного, самым худшим из всех является потеря контроля».

У больных людей понимание своего места в мире уже нарушено. Зачастую болезнь вынуждает их оставлять работу, и из-за быстрой утомляемости, вследствие болезни или

лечения, каждое действие дается им с большим трудом. И все же, этим людям, как и всем нам, нужна уверенность в том, что у них есть свое место под солнцем; что если их не станет, жизнь не будет протекать без сучка и задоринки; что если они перестанут следить за состоянием чековой книжки, семейный бюджет нельзя будет планировать. Мудрые друзья должны искать золотую середину, следя за тем, чтобы оказываемая больному помощь не была для него слишком обременительной.

В современном обществе чрезвычайно остро стоит упомянутая проблема, потому что в нем нет естественного «места» для больных людей. Нам свойственно отгораживаться от таких людей казенными стенами больниц и домов престарелых. Мы кладем их на больничную койку и даем в руки единственное развлечение — дистанционный пульт управления телевизором. Они начинают жить уже по распорядку дня других людей, а не по своему собственному: утром их будит медсестра; больница решает, когда их кормить; днем приходят посетители, а вечером медсестра выключает им свет. (По этой причине многие пациенты, которые особо рады посетителям, порой просят их позвонить перед тем, как приехать — так они пытаются внушить себе, что могут сами менять режим дня.)

Я провел небольшое исследование различных видов открыток для больных. Открытки, предназначенные больным людям, можно разделить на отдельные категории: сентиментальные — с изображением цветов и елейными стишками на обороте; издевательские — со словами о том, что кругом тусовки и вечеринки, а получатель этой открытки все это пропустил; искренние — с выражением серьезного сочувствия; и, наконец, просто остроумные — иллюстрированные карикатуристами журнала «Нью-Йорк». Изучив заголовки таких открыток, все их можно озаглавить так: «Открытки к выздоровлению». На обложке одной из открыток надпись: «Скорее выздоравливай...» А внутри: «...иначе кто-нибудь другой займет твою должность». На обложке другой: «Все надеются, что тебе станет лучше, кроме меня...» А внутри: «Надеюсь, тебе уже лучше!» «Сейчас не время болеть, — говорит лежащий на больничной койке гиппопотам с одной из открыток фирмы Бойнтон, — ведь скоро выходные!» Разве можно сказать что-либо против этих замечательных и остроумных выражений нашего сочувствия? Но приглядитесь, везде в подтексте написано: «Ты вышел из строя, от тебя нет пользы. Тебе уже не место на работе, на вечеринках. Ты не в порядке. У тебя все плохо. Вот выздоровеешь, и только тогда сможешь вернуться в нормальную жизнь».

Мои друзья из группы «Не упущи сегодня», ни у кого из которых нет шансов на выздоровление, сильно удивили меня, рассказав, как безобидная с виду открытка может усилить и без того опустошающее чувство никчемности, когда ощущаешь, что от тебя нет никакой пользы.

Иногда мне хочется выпустить собственную серию открыток к выздоровлению. У меня уже родилась идея для первой открытки. На обложке надо будет написать огромными буквами на фоне фейерверков: ПОЗДРАВЛЯЕМ!!! А внутри — следующее: «...98 триллионов клеток вашего организма все еще в полном порядке!»

Свои открытки я бы старался сделать так, чтобы больной человек не чувствовал себя больным, а человеком, который ценен в глазах окружающих, у которого просто некоторые части организма функционируют не так, как у всех. Возможно, такая идея с изданием серии открыток хоть как-то поможет мне перебороть в самом себе склонность мысленно приклеивать к людям ярлыки больных | инвалидов, тем самым усложняя их и без того тяжелую борьбу с беспомощностью.

Обращаясь к немецким диаконам, работающим с инвалидами, теолог Юрген

Мольтманн резко высказался о современных тенденциях в обществе, когда людей разделяют на здоровых и инвалидов, или неполноценных. В действительности вообще нет понятия «полноценная жизнь», говорил он, просто общество здоровых людей создало себе идеальную модель здоровья, не вписавшись в рамки которой, некоторые люди обречены называться неполноценными. Современное общество под здоровьем понимает способность человека работать и отдыхать, однако под «истинным здоровьем» подразумевается совсем иное. Истинное здоровье — это когда есть сила жить, сила страдать и сила умирать. Здоровье — это не состояние моего тела, а сила моего духа, необходимая для того, чтобы справляться с разными состояниями этого самого тела». Если таким образом судить о здоровье, тогда получается, что всякий человек в чем-то неполноценен, раним и слаб.

Ответная реакция

Норман Казинс, долгое время проработавший редактором журнала «Сетурдей Ревью», в одиночку начал вести борьбу с современной системой здравоохранения, которая культивирует у людей состояние беспомощности. Находясь в больнице с прогрессирующим параличом неясной этимологии (ему поставили диагноз — анкилозный спондилит — перерождение соединительной ткани позвоночника), Казинс обнаружил, что в больнице созданы идеальнейшие условия для того, чтобы полностью сковать не только тело, но и дух человека. «Желание человека жить -это не просто какое-то теоретическое отвлеченное понятие, а физиологическое явление с настоящими терапевтическими характеристиками», — пишет он в своей книге «Анатомия болезни». Больничная же атмосфера порой направлена на то, чтобы подавить это желание жить. Лечение затуманило его ощущение реальности. Прикованный к постели, он не находил себе покоя и впадал в депрессию. Врачи и медсестры оккупировали отверстия его тела, откачивая жидкости. Будучи не в состоянии работать Казинс начал выявлять основные преграды, вставшие на его пути. Часть из них приведена ниже:

Сначала не покидало чувство беспомощности, что само по себе уже серьезное заболевание. Где-то в подсознании присутствовал страх, что больше никогда нельзя будет нормально двигаться... Не хотелось никому жаловаться, чтобы не надоесть. Не хотелось усугублять и без того мрачные опасения членов семьи, из-за чего остался в полной изоляции от них. Внутри происходил постоянный конфликт между чувством одиночества и желанием, чтобы все оставили тебя в покое.

Резко упала самооценка, появилось подсознательное чувство, что заболевание было вызвано какими-то личными недостатками. Был страх того, что без твоего ведома принимаются какие-то решения, что от тебя скрывают какие-то факты, которые нужно знать. Была нездоровая боязнь всех этих современных технологий, что тебя навсегда сделают одной из ячеек в какой-то базе данных, а твое истинное лицо не будет иметь никакого значения. Чувствовалось опасение при виде незнакомых людей со шприцами и пробирками в руках. Одни из них вливали в вены какие-то, по их словам, волшебные жидкости, другие же брали для анализов крови больше, чем казалось необходимым. Чувствовалось сильное недомогание оттого, что тебя возят на кресле-каталке по бесконечным кабинетам, где постоянно с тобой что-то пытаются сделать при помощи разного рода приборчиков с мигающими огоньками и крутящимися дисками. И, наконец, внутри царил полный вакуум от сильной тоски - невыносимой, беспрестанной, пронизывающей насквозь тоски по человеческому теплу. Дружеская улыбка и протянутая рука были куда ценнее всех научных достижений медицины. Последнее было в изобилии, чего нельзя сказать о первом.

Норман Казинс прекрасно знал, что врачи не смогут его «исцелить»; все, что они смогут сделать — это поддерживать жизнедеятельность клеток его организма. Однако он ощущал, как эта жизнедеятельность угасает день за днем. Пытаясь вновь взять собственную судьбу в свои руки и возродить желание жить дальше, Казинс затеял целую кампанию против беспомощности. Судя по описаниям из его книги, он решил внедрить самую нетрадиционную тактику. Для начала Казинс повесил на двери своей палаты предупреждение, что кровь у него можно будет брать всего раз в трое суток и разделять образец по разным лабораториям. До этого кровь у него брали четыре раза в сутки и все из-за того, что разным лабораториям было просто удобнее иметь свой экземпляр для анализа. Такое решение было воспринято врачами как настоящий бунт, однако для Казинса оно являлось важнейшим шагом на пути к тому, чтобы вновь стать хозяином собственного тела. Также Казинс поставил в палате кинопроектор и ежедневно в одно и то же время смотрел комедии Братьев Маркс и Чарли Чаплина. Он решил, что уж если негативные эмоции производят в организме сильные биохимические изменения, то, может быть, положительные эмоции смогут нейтрализовать их. Норман сделал «радостное открытие, что десять минут непрерывного смеха дают возможность проспать целых два часа без каких-либо болевых ощущений».

Как только дела его пошли на поправку, он сразу же переехал из больницы в гостиницу, находившуюся неподалеку. Жизнь в гостинице оказалась в три раза дешевле, более спокойной (и роскошной), а также дала возможность есть и просыпаться именно тогда, когда это было удобно ему самому, а не кому-то другому.

Хотя Норман Казинс не советует всем поступать таким же образом, но его результаты действительно впечатляют. На первых стадиях заболевания врачи давали Казинсу один шанс из пятисот, что он поправится полностью; некоторые формы паралича казались просто неизлечимыми. Однако пациент не только полностью вылечился, но счастливо прожил еще несколько десятков лет, а будучи уже являясь за чертой пенсионного возраста, принял решение заняться чтением лекций на тему здорового образа жизни.

Долой беспомощность!

Для того, чтобы внедрить в жизнь все замыслы Нормана Казинса, придется, наверное, произвести настоящий переворот в современной медицине, а это вряд ли скоро произойдет. Однако мы в силах уже сегодня сделать первые шаги к осуществлению его цели — «гуманизации» здравоохранения, помогая себе, как пациентам, чувствовать себя не микросхемой в компьютере, а партнером на пути к выздоровлению.

Некоторые решения проблемы крайне просты. Проведя исследование, результаты которого были опубликованы в 1984 году в журнале «Сайенс», Роджер Ульрих выяснил, что пациенты с заболеваниями желчного пузыря поправлялись после операции гораздо быстрее и принимали меньше болеутоляющих средств, когда из окна их палаты было видно небольшую рощу, в отличие от тех больных, которые видели только кирпичную стену. Из этого он сделал вывод, что в идеале больницы нужно строить либо возле городских парков, либо просто в живописной местности. Сегодня все большее число архитекторов уделяют этому особое внимание при проектировании медицинских учреждений.

Пытаясь сделать так, чтобы пациент выступал в роли партнера, многие клиники, занимающиеся лечением болевых синдромов, заключают с больными «контракты». Сначала они предлагают пациенту выразить его цели: к примеру, научиться ходить или высоко поднимать руку не чувствуя боли, чтобы потом работать где-нибудь на Полставки.

Затем эти цели разбивают на этапы и ставят отдельную цель на каждую неделю: научиться стоять сначала в течение пяти минут, затем десяти; научиться ходить по комнате с помощью трости, затем без нее. Медперсонал составляет еженедельный график продвижения каждого больного, и каждый новый успех особым образом приветствуется. Но почему мы должны полагаться на профессионалов которым платят деньги за такую поддержку? Родственники и друзья могут делать то же самое, заключив такой же «контракт» с выздоравливающим человеком и точно так же приветствуя все его успехи в борьбе с беспомощностью.

Также нельзя забывать и о факторе отвлечения внимания при лечении. Точно так же, как возрастает восприимчивость к боли при отсутствии отвлекающих факторов, чувство беспомощности усиливается, если человек целый день лежит в постели и не думает ни о чем, кроме боли. Наверное, нет ни одного места, где сложнее перебороть боль, чем больничная палата. И все же, даже в этой стерильной обстановке можно найти, чем отвлечь внимание от болезни.

В больницах не происходит особенных событий, поэтому нужно учиться обращать внимание на мелкие детали. Вместо того, чтобы залпом выпивать воду из стакана, пейте ее как можно медленнее, почувствуйте, как работают глотательные мускулы, попытайтесь ощутить во рту вкус и структуру воды. Разглядывайте отдельные лепестки цветов, стоящих в вашей палате, пытайтесь найти сходство и отличия в их строении. Пробежите рукой по простыне и покрывалу, чтобы почувствовать их структуру.

Неунывающий дух всегда найдет способ победить одиночество и лишения. Бенджамин Уир, миссионер-пресвитерианец, работавший в Бейруте (Ливан), был похищен мусульманами-шиитами. В течение шестнадцати месяцев его держали в самых гнетущих условиях. Из окна не было видно деревьев; более того, большую часть времени он провел с завязанными глазами. На руках были надеты наручники, что не давало ему возможности прощупывать структуру ткани...

Бенджамин Уир не мог оказывать никакого влияния на время, когда ему нужно было есть, спать или вообще что-либо делать. И все же, даже в этих суровых обстоятельствах он нашел в себе силы не пасть духом и преодолеть чувство беспомощности. Ему не к кому было взывать о помощи Самого Бога. Вот как он описывает один из «Я проснулся и почувствовал, что хорошо выспался. Какими еще дарами наградит меня сегодня Господь вдобавок к тому, что я хорошо поспал, что у меня есть одеяло и мой дух полон сил и стремления выжить? Я снова немного приподнял повязку на глазах и осмотрел комнату. Что же! здесь может постоянно напоминать о поддерживающем присутствии Господа? Я даю волю своему воображению. Посмотрев вверх, вижу свисающий с потолка провод. На нем нет ни лампочки, на патрона, поэтому ближе к концу он походит на арку из трех оголенных проводов. Эти три провода показались мне похожими на три пальца. Я ясно увидел перед собой руку, спускающуюся ко мне сверху, подобно тому, как это изображено в Сикстинской капелле в Риме. Там Микеланджело изобразил на своей фреске, как Бог с небес показывает пальцем на Адама, первого сотворенного Им человека. И вот Бог так же протягивает руку ко мне, говоря: «Ты жив. Ты Мой; Я создал тебя, вселил в тебя жизнь и придал этой жизни особый божественный смысл». Так, что еще здесь есть? Я начал считать количество горизонтальных планочек на жалюзи за застекленной дверью. Насчитал 120. Что бы могли значить все эти деревянные планочки, которых так много? Понял! Много, то есть толпа! Облако свидетелей прошлого и настоящего, которые во времена испытаний видели, что Бог верен... Вспомнив эту основу своей веры, я вздрогнул. Какое откровение от Бога! Именно это мне и нужно было сейчас.

И вот я заметил на стенах под потолком два белых круга, один на правой стене, а другой - на левой. Все в Ливане знают, что это за круги - это пластмассовые крышки Для соединения проводов, проложенных в стенах. Но что бы они могли значить для меня? Чего бывает пара? Уши! Это были Божьи уши. Господь слышит мольбу святых. Поэтому услышь меня, дорогой Господь, я предаю себя в Твои заботливые руки!»

Под конец дня Уир напевал гимн: «Милости Господни вспоминай, считай.,» Он считал; здоровье, жизнь, еда, матрац, подушка, одеяло, жена, семья, вера, надежда, молитва, Иисус, Святой Дух, любовь Небесного Отца ~ всего тридцать три. А пока считал, го почувствовал, что страх и беспомощность бесследно исчезли. Когда проникающий через жалюзи свет стал тускнеть, он начал готовиться ко сну.

Помогать другим

Перед лицом беспомощности Норман Казинс стал активно бороться с равнодушием медучреждения. Бенджамин Уир старался одержать победу во внутренней борьбе с одиночеством, изолированностью от мира и отчаянием. Когда люди надолго лишены возможности что-либо делать, наша задача - предпринять все возможное для того, чтобы обеспечить их инструментами, которые позволят им возобновить «нормальную» активность.

Благодаря устройствам, которые управляются компьютерами, полностью парализованный человек теперь может управлять креслом-каталкой, печатать, включать телевизор или магнитофон - и все это при помощи различных комбинаций вдувания или выдувания воздуха через трубку. Такие приборы могут составить разницу между чувством беспомощности и надеждой, и даже между выздоровлением и поражением. Возможно, увлечение Брайана Стернберга радио и увлечение Джони Эрексон Тада живописью помогали поддерживать душевное равновесие даже больше, чем помощь всех их друзей вместе взятых.

Барбара Вульф написала книгу «Жизнь с болью», в которой рассказала о своей долгой борьбе с хронической болью. Она открыла для себя, что единственным временем в течение дня, когда она полностью забывала про боль, было время, когда она преподавала английский язык. Именно в это время активная деятельность головного мозга вытесняла собой все другие чувства. Позднее, Барбара научилась искусственно стимулировать такую деятельность. Если приступ боли случался ночью, она принималась составлять расписание на следующий день, писать, либо планировала, что будет готовить на обед, я все рецепты.

Иногда против собственного желания Вульф заставляла заниматься делами, требующими полной сосредоточенности. Как она обнаружила, отвлечение внимания было Для нее самым эффективным средством против боли.

«Отвлечение не стоит денег, не вызывает привыкания, для него не нужен рецепт врача». Дополнительно к преподаванию английского она заставляла себя заниматься делами, требующими большого внимания: организацией вечеринок, заботой о домашних животных, спортом, политикой, писательским трудом.

Из множества средств отвлечения внимания наиболее эффективным для Вульф стала работа с людьми. Очень часто больные люди ни в чем не видят больше пользы от себя, как в сближении с теми, кто тоже страдает. Джони Эрексон Тада говорит, что люди, оказавшие ей наибольшую поддержку в самые тяжелые времена, - это такие же, как и она сама, парализованные.

Врач-психолог из Атланты рассказал мне, что его пациенты делятся на два типа людей: нездоровых, которые постоянно требуют от окружающих любви к себе, и здоровых, которые не только получают любовь, но и делятся ею с другими. По его словам, лучшее лечение для первой группы - помочь им найти такой род занятий, где они сами могут выступать в роли дающего любовь, помогающего другим. Если им помочь найти такое место, внутренняя жажда любви и внимания сразу же исчезнет. Подобным образом поступают и наставники, работающие с больными. Они стараются сделать так, чтобы пациенты смогли увидеть в себе способность помогать и давать что-то другим, вместо того, чтобы постоянно ждать помощи. Джони Эрексон Тада рассказала мне, что, поступив в реабилитационный центр, она была очень удивлена, потому что там на добровольных началах работало довольно много людей-инвалидов. Возможно, им казалось, что это делать проще, чем пытаться найти себя в мире, полном предрассудков и опасностей. Когда эти люди увидели, как, стремясь поскорее вернуться к нормальной жизни, Джони работает над собой и этим вселяет надежду в других, то она стала их лидером. Сама она за это время окрепла и перестала постоянно чувствовать себя объектом жалости, ее самооценка изменилась.

У французов есть поговорка: «Страдания проходят-опыт от страданий остается навсегда». Зачастую, оказание помощи другим представляется нам в виде улицы с односторонним движением, где я, здоровый человек, из сострадания иду навстречу больным, чтобы помочь им. Однако люди, уже перенесшие страдания в своей жизни, подготовлены для такой работы намного лучше, а лучший способ для человека выбраться из оков беспомощности — использовать собственный опыт для помощи другим.

Раввин Гарольд Кушнир вспоминает древнюю китайскую притчу о женщине, исполненной горя после смерти сына. Когда она приходит за советом к мудрецу, тот говорит ей: «Принеси мне горчичное зерно из дома, который еще не знал горя. С помощью этого зерна мы изгоним печаль из твоей жизни». Женщина идет из дома в дом, спрашивая, знали ли там когда-либо горе. Конечно же, горе побывало в каждом доме, и она начинает успокаивать людей. Все это продолжается до тех пор, пока женщина в конце концов не забывает о своем горе, утешая других.

Лично я сам знаю два таких примера служения, в основе которых лежит именно эта притча. Первый такой случай произошел с женщиной из Калифорнии, которая обнаружила, что ее любимый сын был гомосексуалистом и умирал от СПИДа. Мать не нашла практически никакой помощи и поддержки от своей церкви и общества. Она почувствовала себя такой одинокой и нуждающейся, что решила выпускать информационный листок, к изданию которого уже подключилось немало родителей, дети которых - гомосексуалисты. В своем издании женщина дает совсем мало профессиональных советов и вовсе не обещает чудес, однако, читая многочисленные отзывы, я вижу, что многие родители увидели в этой смелой женщине свое спасение. Сама, пережив горе и страдание, она теперь жаждет помогать другим.

Вторая женщина, живущая в штате Висконсин, потеряла единственного сына, который разбился в военном вертолете. Впервые она стала замечать, как часто сообщалось новостях о падении вертолетов. Теперь, если где-то разбивается военный вертолет, женщина отправляет в соответствующую воинскую часть пакет с письмами и другими полезными материалами, который оттуда попадает к семьям погибших. Примерно половина семей после этого начинают вести с ней постоянную переписку. Таким образом, находясь на пенсии, эта женщина руководит своим «реабилитационным центром». Это занятие, конечно, не стерло горе потери сына, однако дало ей цель в жизни. Теперь она уже не чувствует себя беспомощной.

Мудрый человек, перенося страдания, смотрит не на внутреннюю, а на их внешнюю сторону. Нет более эффективного лекаря, чем раненый лекарь, и в процессе лечения могут исчезнуть шрамы раненого лекаря.

Глава 16. Смысл

«Невыносимым является не столько само страдание, сколько осознание его бесполезности».

— *Фридрих Ницше*

Мерлин Олсен, в прошлом профессиональный футболист, вывел достаточно четкую философию боли:

«Человек — существо легко приспосабливающееся. И здесь легко выяснить, на что вы способны. Зайдите на скотный двор. Вы сразу же почувствуете резкий запах навоза. Но, если побудете там минут пять, то перестанете его замечать. То же самое можно сказать о колене. Вы сильно ушибли себе колено. Вы чувствуете боль. Но потом вы начинаете играть немного по-другому. Вы стараетесь бегать как-то иначе, либо опираетесь на другую ногу, либо меняете позу.

Когда мне сделали операцию на коленном суставе, то каждую неделю нужно было выводить из него скапливающуюся жидкость. Вскоре мембрана стала такой толстой, что медики вводили иглу чуть ли не с молотком. Дошло до того, что я однажды закричал на них: «Да всадите вы поскорее эту проклятую иглу и вытяните оттуда эту жидкость!»

Все, кто принимает участие в таких видах спорта, как футбол, подвержены разного рода травмам, и общественность отдает им дань большого уважения за то, что они терпят такую боль и страдания. Получается, что боль, вызванную некоторыми причинами — не только игрой в футбол, но, например, занятиями альпинизмом или троеборьем, либо пребыванием в лагере для новобранцев морской пехоты, пытками во вражеском плену, — некоторые люди готовы стерпеть. В прежние столетия крайне высоко ценились самоистязания, как знак большой преданности: чем грубее на тебе власяница, чем сильнее тебя бичуют, тем ты праведней. Более того, людям было свойственно совершенно сознательно причинять себе боль из простого тщеславия. На протяжении веков китайские женщины стягивали себе стопы до боли только для того, чтобы красивее выглядеть. В наши дни женщины вдобавок к тому, что носят явно узкую обувь, выщипывают себе брови, облучаются вредным ультрафиолетом, делают пластические операции на лице, груди и ягодицах — и все для того, чтобы соответствовать общепринятым стандартам красоты. Терпя эту боль добровольно, мы повышаем свой престиж, потому что общество придает ей особое значение, ради чего все это можно стерпеть.

Сравните два вида сильнейшей боли: муки родов и боль при камнях в почках. Если брать во внимание количество задействованных нервных клеток, а также интенсивность и продолжительность боли, оба этих вида схожи. Тем не менее, при рождении ребенка боли придается совсем другой смысл. «Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ее; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир», — заметил Иисус (Иоанна 16:21). Боль матери производит что-то значимое — новую жизнь, а потому ее можно будет стерпеть еще не раз. Но какой же смысл боли, причиняемой человеку камнями в почках?

Современное общество, наверное, как никогда раньше, пытается найти ответ на вопрос, в чем смысл страданий. Мы уже не расцениваем его как кару богов. Но тогда что же это

такое? Нам свойственно придавать значение незначительной боли, которую мы испытываем добровольно. Однако, что может означать появление на свет ребенка с врожденными дефектами? А задержка умственного развития? У нас принято считать, что страдание — это то, что нужно преодолевать и лечить. Но как быть с болезнями, которые остаются на всю жизнь? Зачастую, в страдании мы видим одну лишь негативную сторону: оно портит здоровье, не дает нам возможности добиться каких-то целей в жизни, лишает свободы и счастья. Как я уже отмечал выше, все эти мысли читаются между строк в любой открытке, подаренной больному человеку. Все, что мы можем пожелать таким людям, это чтобы они скорее выздоравливали. Но вот что сказала мне одна женщина, смертельно больная раком: «Ни одна из таких открыток не подойдет никому в моей палате. Никто из нас не выздоровеет. Мы все здесь умрем. Для всего остального мира мы — инвалиды. Вдумайтесь в это слово: недееспособный».

Что может значить неизлечимая форма рака? Как-то я получил письмо от одного пастора, живущего на Среднем Западе. В нем он описывает то, что происходит, когда начинаешь понимать, что все это значит. Болезнь у этого человека была скорее эмоциональной, нежели физической. «Нервный срыв» — такой диагноз поставили врачи. На самом же деле это был прорыв к истинному пониманию значения. «Самым болезненным было кажущееся молчание Бога. Мне казалось, что я молюсь темной пустоте. Я много об этом размышлял. Мне просто казалось, что Он молчит. На самом деле проблема отчасти была в моей депрессии, а отчасти — в христианах. Большинство христиан стыдились меня. Все, что они высказывали о моей ситуации, не имело никакого отношения к тому, что я на самом деле испытывал. Один из пасторов молился за меня такими общими фразами, которые не имели ко мне абсолютно никакого отношения. Все они даже не желали прочувствовать мою боль.

Остальные просто избегали общения со мной. По иронии, друзья Иова, возможно, в психологическом плане оказали ему большую помощь. Они, по крайней мере, не сдерживали свои чувства, пусть даже самые негативные. Они говорили много пустых слов, однако их речи все равно имели отношение к проблеме, и благодаря этому Иов понимал: Бог где-то рядом. Никто из христиан, окружавших меня, за исключением моей жены, не смог мне помочь даже таким образом».

Умение ценить боль

Самое ценное, что мы сможем сделать для страдающего человека — помочь ему открыть для себя, в чем смысл всех этих страданий.

На самом деле важность этого в том, что мы уже отчасти раскрываем значение. Когда я провожу семинары на тему боли, я иногда показываю это наглядно и прошу аудиторию принять участие в голосовании, которое ведется по римскому типу: поднять большой палец руки вверх, если вид боли, который я называю, является приемлемым, несчастье вызывает симпатию; и опустить большой палец вниз, если боль неприемлема и вызывает неприязнь. Обычно выходит следующее: Сломанная нога при катании на лыжах. Все поднимают палец вверх. Сначала я в качестве примера говорил, как человек падает с горного подъемника. Затем, после множества таких лекций этот человек у меня уже летит с обрыва кубарем. В аудитории сразу же начинают всячески комментировать мой рассказ, всем весело, а человек стал настоящим героем. Внимание окружающих почти окупает боль.

Проказа. Пальцы опускаются вниз. Работая с доктором Полом Брендом, мне довелось встречаться с больными проказой. Все они настаивают на названии «болезнь Ган-сена» по одной простой причине: потому что у людей превратное представление о проказе. Несмотря на то, что само заболевание проявляется в самых разных формах, мало соответствующих сложившимся в обществе стереотипам, прокаженные всегда вызывают у людей осуждение вместо сочувствия. Самое распространенное осложнение заболевания - одиночество.

Грипп. Мнения разделились. Одни держат пальцы вниз, потому что вряд ли кому-то нравится болеть простудой, когда болит все тело и мучает тошнота. С другой стороны, такое распространенное заболевание, как грипп, привлекает всеобщее сочувствие. Мы все знаем, как чувствует себя больной гриппом. «Не переживай, — говорим мы, — поп сиди дома несколько дней. Тебе надо восстановить силы».

Свинка. Реакция зависит от возраста больного. Детям, больным свинкой, оказывают большое внимание. Их ласкают, потакают всем их желаниям, дольше дают смотреть телевизор; им достается больше мороженого. Я до сих пор с ностальгией вспоминаю, как в детстве болел свинкой. Взрослый же, больной свинкой, — это просто объект насмешек, несмотря на то, что для взрослых это заболевание представляет серьезную опасность.

Идем дальше. Геморрой: довольно болезненное состояние, всячески высмеиваемое в обществе. СПИД: каковым будет отношение к больному СПИДом? Я знаю нескольких человек, больных СПИДом. Все они постоянно слышат от церкви: «У нас к вам нет никакого сочувствия. Вы заслужили это Божье наказание. Идите прочь». Не могу представить себе болезни, ужаснее СПИДа, а также болезни, к которой было бы так мало сочувствия.

Мигрень, вывихи, рак — каждое из заболеваний имеет свой собственный «образ». Мы же самыми разными способами — от едва заметных до очевидных причин — передаем больному свое определение значения этой болезни, которое либо поможет облегчить его страдания, либо усугубит их.

Я пришел к выводу, что самый большой вклад, который могут внести христиане в этом случае, — не допустить страданий человека из-за неверных представлений о своей болезни. Мы можем «ценить» боль. Любая боль есть боль, а это главное. Не имеет значения, болит ли у вас голова, горло или это боль от глубокой депрессии. Первый шаг На пути к помощи больному человеку (либо к принятию собственной боли) — четко осознать, что любая боль имеет значение и заслуживает сочувствия. Исходя из этого, мы можем придавать соответствующее значение боли.

С другой стороны, христианам свойственно подходить к страданиям со своей системой ценностей. Как в случае с Клаудией Клакстон мы, посетители, можем подбрасывать хворост в огонь страданий. Можно прибавить чувство вины: «А ты молишься? Разве ты не веришь, что Бог может исцелить тебя?» Либо замешательство: «А может это козни сатаны? Или провидение? А может Бог специально назначил тебя быть примером для подражания?» Боль — верный генератор чувства вины. Мы все делаем то, чего не должны делать. Когда же начинаем чувствовать боль, легко обвиняем себя в происходящем.

В случаях, когда человек терпит невыносимые страдания, опасное влияние могут оказать даже самые добрые пожелания. «Наверное, Бог так сильно любил вашу дочь, что взял ее к Себе так быстро», — говорим мы, не подозревая, что после таких слов родители будут

думать о том, что лучше бы Бог не любил ее так сильно. «Господь не даст тебе бремени, которое ты не сможешь перенести», - снова говорим мы. Человек сразу же начинает думать о том, что лучше бы его вера была слабее, чтобы и бремя было полегче.

Из разговоров с больными людьми я понял, что порой боль, которую мы причиняем им такими вот высказываниями у их постели, может даже превзойти их физическую боль. Одна широко известная в христианских кругах женщина описывала, какую нестерпимую боль она испытывала, страдая от дисфункции височно-нижнечелюстного сустава. С этой болью она прожила всю жизнь. И все же, пишет она, куда больнее было получать обличительные письма от христиан, которые пытались приводить свои детские доводы, почему Бог допускает страдание в нашей жизни. Может быть, самый большой вклад, который могут сделать христиане, — не допустить страдания людей из-за неверных причин.

Зарытое сокровище

Следуя библейским принципам, мы всегда должны заглядывать вперед, к конечному этапу страдания и его результатам, а не пытаться без конца выяснять его причины.

Честно говоря, для меня многие страдания остались бы бессмысленными, если бы мы все свои усилия тратили на „опросы «почему?»», на которые нет ответа. Почему Солженицын провел целых восемь лет в исправительно-трудовом лагере просто из-за того, что в одном из писем другу плохо отозвался о Сталине? Почему миллионы евреев были уничтожены по прихоти сумасшедшего диктатора? Такое страдание бессмысленно само по себе и будет оставаться таким до тех пор, пока страдающий, подобно шахтеру, который ищет алмазы в прожилках угля, не найдет в нем смысл.

Виктор Франкль, сидевший в одном из гитлеровских лагерей, говорит: «Отчаяние — это страдание без смысла», франкль и Бруно Беттельгейм вместе нашли смысл в бессмысленных страданиях при Холокосте: наблюдения за поведением людей в экстремальных условиях лагерей легли в основу всех их последующих работ. Для Илии Визеля и многих других смыслом стало личное свидетельство. Теперь они посвящают свою жизнь тому, чтобы те, кто не смог выжить в лагерях, не были забыты.

Достоевский, находясь в заключении, много размышлял о Новом Завете и жизни святых. Для него, а позднее и для его соотечественника Солженицына, тюрьма стала местом сурового испытания веры. Оба описывают процесс, в котором сначала суровая реальность человеческого зла убеждала их в необходимости скорейшего освобождения. Затем, видя живое свидетельство верующих заключенных, они поняли, что можно изменить себя. Как пишет Солженицын в своем классическом рассказе «Один день Ивана Денисовича», вера в Бога не в состоянии освободить от заключения в лагере, однако благодаря ей вы сможете там выжить.

Несмотря на то, что мои страдания и переживания кажутся обыденными в сравнении с тем, что выпало на долю этих двух первопроходцев, я тоже стараюсь всегда извлечь из них смысл. Начну с того, что страдание, согласно Библии, всегда ведет к положительным переменам во мне самом. Вспоминается также и 5 глава Послания к римлянам, где апостол Павел перечисляет множество положительных качеств, таких, как терпение, опытность и надежда.

«Каким же образом страдания воспитывают во мне все эти качества?» — спрашиваю я себя. Терпение воспитывается, когда страдания останавливают меня и поворачивают

лицом к Богу; опытность приходит тогда, когда я воспитываю в себе способность опираться на внутреннюю силу. Далее, я продолжаю смотреть на остальные качества, спрашивая, как Бог может быть вовлечен в то, что процесс страдания обретает смысл?

Джон Донн сравнивал страдания со слитком золота. Так как слиток сам по себе не является денежной единицей, то он не всегда помогает покрывать расходы в этом мире. Но по мере того, как мы приближаемся к нашей новой обители — небесам, сокровище, «сокрытое внутри нас подобно золоту, что залегает в жиле», приобретает особую, вечную ценность. Когда мы доверяемся Богу, все недуги и неприятности исчезают, так как наш характер уподобляется характеру Христа.

Для того, чтобы выразить эту же мысль современным языком, можно привести другую аналогию. Страдание можно сравнить с понятием, которое экономисты называют «замороженным активом». Возможно, на данный момент такой «актив» вовсе не походит на то, что мы привыкли называть активом, однако со временем мы откроем для себя его истинное значение, которое способно избавить нас от боли.

Чувство единения

Выше в этой главе я цитировал письмо пастора, которого депрессивное состояние привело к полному разочарованию. Он никак не мог понять смысла своих мучений, а окружавшие его христиане не оказывали никакой помощи. В конце концов, пастор был вынужден лечь в психиатрическую больницу на лечение. Члены семьи не оставили его одного, и благодаря их поддержке, а также помощи врачей он все-таки смог вернуться к нормальной жизни.

Спустя несколько лет этот же пастор с подлеченной психикой столкнулся с еще одним серьезным кризисом. Внезапно умер его внук, которому не было и недели. Семью накрыла лавина горя и замешательства. Именно в этот момент необходимо было явить собой пример стойкости для детей, однако пастор не был уверен в своих силах. В воскресенье, после похорон, проповедуя уже в норой для него церкви, он начал читать с кафедры Псалом 144. Из всех сил пастор старался сосредоточиться на тексте псалма, но не смог. Язык вдруг онемел, подбородок задрожал, из глаз ручьем потекли слезы. Он не мог дальше читать эти возвышенные строки о доброте и справедливости Бога.

Пастор отложил в сторону листки с проповедью и хриплым голосом сообщил притихшему собранию о смерти внука. Даже говоря эти слова, он то и дело вспоминал свою предыдущую церковь, чувство беспомощности и полного краха. Ему стало страшно.

Но теперь все было по-другому. «Когда люди уходили после собрания, — вспоминает он, — они говорили мне две очень важные вещи. Первая: «Спасибо, что поделились с нами своей болью». Вторая: «Я скорблю вместе с вами». Эти простые фразы были для меня всем в тот момент. Я уже не чувствовал себя одиноким. По сравнению с той депрессией, которую я испытывал раньше, теперь я знал, что Бог меня не оставил, что Он и Его народ вместе со мной. Они разделили со мной мое горе».

Всего несколько слов без особой мудрости помогли церкви выразить сочувствие своему пастору. Разделяя с ним боль, люди показали, насколько это важно для них. Поиск смысла страданий всегда будет одиночным поиском. Никто кроме меня самого не сможет выявить смысл моих страданий. Но все же, разделяя боль и оказывая поддержку, мы поможем другому человеку скорее найти этот смысл.

Умение помогать другому найти смысл в страдании включает в себя несколько этапов на пути к выздоровлению. Шэрон Фишер так описывает процесс своей борьбы с раком яичников: «Мне потребовалось много времени, чтобы осознать все, что происходило в моей жизни, примириться с изменениями режима дня, привести в норму эмоциональный настрой и планы на будущее. Возможно, самое главное, чем должен обладать человек, желающий помочь больному, — это терпение. Необходимо дать им возможность сомневаться и плакать, задавать вопросы и в полной мере проявлять эмоции, порой самые сильные. Я нашла, что далеко не все в моем характере можно было стерпеть сразу. Мне нужна была полная свобода, а также время для того, чтобы перебороть нахлынувшие чувства. Элизабет Кюблер-Росс выявила пять основных этапов, которые проходят люди, перенесшие смерть близких или же ожидающие свою собственную: отрицание, гнев, споры, депрессия и смирение. Эти этапы не всегда следуют именно в данной последовательности, и не каждый проходит через все из них, но они дают представление о времени, которое потребуется человеку, чтобы пережить несчастье...

По своей природе я не склонна рассказывать о всех своих чувствах. Поэтому мне порой было не всегда легко объяснять людям, особенно близким, сложность моих чувств и глубину переживаний. Но мне нужны были люди, которые смогли бы меня выслушать, люди, которые смогли бы молча просидеть час или два, просто слушая меня. К счастью, у меня было несколько преданных друзей: соседка — специалист по семейным проблемам, а также родственники, у которых была масса свободного времени. Не знаю, что бы я делала, если бы некому было меня выслушать».

Далее Фишер отмечает, что меньше всего помощи она получала от людей, приходивших к ней с готовыми ответами. Одна женщина предположила, что Шэрон заболела из-за неправильного питания, потому что она очень любила гамбургеры и мороженое с шоколадной крошкой. Другие советовали ей меньше полагаться на лекарства и больше молиться об исцелении.

Я не могу, конечно, делать сильный акцент на том, насколько разрушительными могут быть такие советы. «Радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими», — советует апостол Павел (Римлянам 12:15). Это — очень мудрые слова, которые весьма кстати во время кризиса. Книга Притчей также весьма конкретно говорит о неразумных и неуместных советах: «Что снимающий с себя одежду в холодный день, что уксус на рану, то поющий песни печальному сердцу»(25:20).

В то время, когда я работал над книгой, мне позвонил один знакомый из другого города и рассказал, что у него только что обнаружили СПИД. Он не прекращал винить себя за совершенные в прошлом сексуальные грехи, чувствовал угрызения совести, никчемность, презрение к самому себе и отверженность Богом. Он полностью потерял волю к жизни, Он отчаянно нуждался в помощи.

Некоторые люди считают, что СПИД - прямая Божья кара, вполне конкретное наказание за грех. Я так не считаю. По моему мнению, это часть общих принципов здорового образа жизни. Точно так же, как злоупотребление спиртным или курением подвергает организм определенному риску, беспорядочная половая жизнь ведет к тому же. Тем не менее, даже если я не прав, и эта болезнь является прямым наказанием от Бога, то какая ответственность возложена на меня как на друга и христианина?

Я обязан рассказать ему о Божьей благодати; о том, какую любовь проявлял Иисус Христос к блудникам; о Божьей любви и всепрощении. Короче говоря, мне нужно помочь

ему отвлечь его внимание от прошлого и направить его в будущее. Одно лишь чувство вины уже является тревожным сигналом. Он может целыми днями лежать на больничной койке и винить себя за грех. В это же время он может отдать все свои грехи Богу, пообещавшему оставить отпущенные грехи позади, так далеко, «как далеко восток от запада».

Проявление единства с человеком, чувствующим вину, не есть осуждение, но прощение. Единство при страданиях есть восстановление и единение со страждущим.

Божьи вопросы

Порой мы можем придать смысл страданию человека, только убедив его в том, что его несут, в котором он, возможно, не видит никакого смысла, имеет особый смысл нас.

Генри Ноуен в своей небольшой книге с прекрасным названием «Раненый целитель» поднимает вопрос одиноких и брошенных людей. Возможно ли придать ка кой-либо смысл их страданиям и боли? Он приводит пример молодого служителя, который никак иначе не может объяснить больному старику, зачем ему необходимо делать операцию, как только уверив его, что старик ему очень дорог. «Человек не сможет жить, если он никому не нужен и его никто не ждет, - пишет Ноуен. - Всякий кто возвращается из длительной и трудной поездки, в душе надеется, что в аэропорту или на вокзале его кто-то встречает. Всякий жаждет поскорее рассказать обо всех трудностях и испытаниях, которые ему пришлось пережить, тем, кто все это время оставался дома и ждал его возвращения».

Моя жена Джэнет работает с самыми бедными жителями Чикаго, возглавляя программу «Церковь улицы ЛаСалле», направленную на работу с брошенными и обездоленными стариками, о которых некому заботиться. Очень часто приходилось наблюдать, как она погружается в жизнь стариков, пытаясь убедить их, что их жизнь важна для нас и нам не все равно, будут ли они жить или умрут. Только таким образом ей удается хоть как-то «смягчить» страдания этих людей.

Один из людей, с которыми работает Джэнет — девяностолетний господин Крюдер — в течение двадцати лет отказывался делать операцию на глазах. Когда ему исполнилось семьдесят, он решил, что смотреть в этом мире уже больше не на что; и раз уж так все получилось, возможно, Бог просто хотел, чтобы он ослеп. Вероятно, говорил он, это наказание за то, что в молодости глазел на красивеньких девушек...

Моей жене потребовалось два года, чтобы всевозможными уговорами, спорами и настойчивостью убедить его сделать операцию. Наконец, господин Крюдер дал согласие по одной лишь причине: моя супруга смогла убедить его в том, что именно ей, Джэнет, очень важно, чтобы он мог снова видеть. Господин Крюдер уже был готов расстаться с жизнью; он больше не видел в ней смысла. Смысл придала Джэнет. Был человек, который очень сильно желал, чтобы господин Крюдер не сдавался даже свои девяносто два года. И вот, в конце концов, старик согласие на операцию.

Джэнет в буквальном смысле поделила с ним страдания. Своими частыми визитами она убедила его в том, что есть человек, которому не все равно, будет он жить или умрет, Зреет или останется слепым. Такой принцип — разделять отпадания с другими и является основой книги Ноуена о раненом целителе. Этот принцип зачастую является единственным способом придать смысл страданиям многих людей. Поступая так, мы следуем примеру Бога, ведь Он тоже взял на Себя нашу боль. Он пришел к нам на землю и

жил жизнью, исполненной таких лишений и страданий, которые многие из нас не смогут даже себе представить. Таким образом, страдание само по себе не может быть бессмысленным, потому что Сам Бог разделил его с нами.

Все же, иногда нам, проявляющим столько сочувствия к боли других людей, приходится самим сталкиваться со страданиями, которые кажутся лишенными всякого смысла. Я сразу же представляю себе человека, у которого болезнь Альцгеймера; его дочь пытается заботиться о нем, однако с каждым днем ее сердце разбивается при одном лишь виде жалкой оболочки, оставшейся от того, кто когда-то был ее отцом. Или же представляю себе парализованного ребенка, мозг которого функционирует на 30%. Возможно, он проживет долгую жизнь, неподвижно лежа на койке, не произнося ни слова и ничего не понимая, а лишь отнимая у врачей многие часы дорогостоящего медобслуживания.

О каком смысле может вообще идти речь в случае с этим стариком или этим ребенком? Ответ на этот вопрос я получил, когда узнал о деле, которым занимаются христиане из Восточной Германии. Эти люди, выросшие в обществе, где страданий намного больше, чем у нас здесь, на Западе, подают нам замечательный пример того, как мы можем заботиться о так называемых «ненужных» и «бесполезных» членах современного общества.

"В чем смысл жизни таких людей?" - задает вопрос доктор Юрген Трогиш, педиатр, работающий с детьми, больными крайними степенями слабоумия. Он был в состоянии лечить их внешнюю оболочку. Однако, что происходит внутри, в больном мозге?

В течение многих лет доктор Трогиш не мог ответить на свой собственный вопрос. Он исполнял свои непосредственные обязанности, но не находил ответа. И вот как-то он в течение года проводил подготовительные курсы для будущих помощников центра, по окончании которых попросил своих студентов заполнить небольшую анкету. Среди пунктов анкеты был следующий вопрос: «Какие изменения произошли в вашей жизни после того, как вы начали работать с людьми-инвалидами?» Вот некоторые из ответов:

- Первый раз в жизни я почувствовала, что делаю нечто значительное.
- Теперь я знаю, что могу делать то, что раньше казалось совершенно невозможным.
- За то время, что я нахожусь здесь, мне удалось завоевать доверие у Сабины. Получив возможность работать с этим человеком, я перестала считать ее инвалидом.
- Я стал более восприимчивым к людским страданиям, и теперь они всегда вызывают во мне желание чем-то помочь.
- Я всерьез задумался над тем, что действительно важно в жизни.
- Эта работа придала моей жизни новый смысл. Теперь я чувствую, что кому-то нужна.
- Я научился терпению и умению радоваться даже самым слабым признакам выздоровления.
- Наблюдая за жизнью инвалидов, я по-новому стал смотреть на свою собственную.
- Я стала более терпеливой. Мелкие жизненные проблемы теперь не кажутся больше такими важными, и я научилась принимать саму себя со всеми недостатками. Более всего, я научилась радоваться мелочам, и я особенно благодарна Богу за то, что Он показал мне, что любовь намного сильнее ненависти и злобы.

Читая эти ответы студентов, доктор Трогиш неожиданно нашел ответ на свой вопрос. Смысл страдания всех этих проявлялся в жизни тех, кто заботился о них. Студенты проходя практику, получили знания, которые не способна дать ни одна даже самая замечательная система образования. Он вспомнил двух детей, которых лечил в течение многих лет без явных признаков выздоровления. «А если Давид и Моника пришли в этот

мир ради меня? Может, все их бесчисленные проникновенные вопросы — Божьи вопросы ко мне? Может, эти два тяжело больных ребенка и есть ответ Бога на мой вопрос?»

Глава 17. Надежда

«Подавленному человеку остается только одно - надеяться. Каждое новое разочарование ведет за собой поиск новой надежды».
— Александр Солженицын

Фармацевтов сегодня проверяют с помощью так называемого «слепого» метода. Это значит, что врач, выписывающий рецепт, не знает, где находится безвредный «контрольный» препарат, а где — обычное лекарство. Делается это с одной целью: определить, насколько врач умеет вселять надежду. До того, как был внедрен данный метод, практически все новые лекарства, независимо от своего химического состава, давали замечательные результаты. Озадаченные исследователи определили, что ключом к успеху является манера поведения врача. Улыбкой, голосом, своим расположением врач, ;ам того не подозревая, вселяет в больного уверенность и надежду, убеждая его в возможности скорого выздоровления. Десятки различных исследований подтвердили тот факт, что надежда обладает целительной силой, а ее отсутствие — наоборот, разрушительной. Ученые из Рочестерского медицинского университета пришли к выводу, что смертность среди больных, перенесших операцию на открытом сердце, выше у тех, кто после операции находился в состоянии депрессии. Другое известное исследование, названное «Разбитое сердце», было направлено изучение уровня смертности среди 4500 вдовцов; исследователи наблюдали за ними в течение шести месяцев после смерти их жен. У вдовцов, большинство из которых также находились в состоянии депрессии, уровень смертности оказался на сорок процентов выше, чем у других мужчин их возраста.

Из исследования личных дел военных заключенных также был сделан вывод, что некоторые из них умирали от потери надежды. Вот один из таких случаев, описанный майором медицинской службы Ф. Дж. Гарольдом Кушниром, который пять с половиной лет провел во вьетнамском лагере для военнопленных.

«Как-то Кушнир узнал об одном из заключенных, молодом солдате морской пехоты, который к тому времени был в лагере уже два года. Парень был образцовым заключенным; он следил за здоровьем, поддерживал себя в форме и руководил воспитательной группой, в основном из-за того, что управляющий лагерем пообещал ему освобождение за сотрудничество. Но с течением времени заключенный стал осознавать, что ему солгали. Когда же он полностью это понял, то превратился в настоящего зомби: отказался работать, ничего не ел и никого не желал слушать. Он просто лежал у себя на нарах и сосал большой палец. Через несколько недель он умер».

Анализируя случай с этим морским пехотинцем, доктор Мартин Зелигман из Пенсильванского университета говорит, что строго медицинское объяснение смерти не адекватно. «Он жил надеждой на освобождение, — говорит Зелигман. — Когда же надежды не осталось, когда он решил, что все его усилия были напрасными и будут напрасными в дальнейшем, он умер».

Как сказал однажды известный физиолог Гарольд Дж-Вульф, «надежда, вера и цель в жизни имеют лечебный эффект. Это не просто голословное утверждение, а результат тщательных научных исследований».

Доступный дар

Когда лечение в больнице затягивается на длительное время, пациенты начинают делиться на две категории: надеющиеся, уверенно смотрящие в будущее и стремящиеся силами побороть свой недуг, и пораженцы. Побывав Меннингера, пастор и писатель Брюс Гарсон попросил врачей ответить ему на вопрос, что является главным составляющим успешного лечения умственно неполноценных людей. Он получил единодушный ответ что в этом деле самым важным фактором является надежда больного на выздоровление. Однако далее медики признались, что не знают, каким образом вселять эту надежду в своих больных. Надежда — качество духа, поэтому просто дать ее кому-то невозможно. И все же они сразу могли определить, когда во время лечения у больного наступал переломный момент и он осознавал, что будущее может быть куда более оптимистичным, чем настоящее.

Врачи клиники Меннингера поняли, что научить человека так надеяться невозможно. Однако есть способы пробудить мужество и надежду в больном человеке.

Международный комитет по делам амнистий - прекрасный пример пробужденной надежды. Его основатель, политический заключенный, тоже некогда находился на грани отчаяния. И вот, кто-то передал ему обычный спичечный коробок с единственным словом на обложке: «Мужество!» Такой знак гуманности с чьей-то стороны пробудил в нем надежду и помог выжить. Когда впоследствии он вышел на свободу, то целиком посвятил себя организации, основанной на простейшем принципе: люди из свободных стран пишут письма заключенным, отбывающим наказание по политическим причинам. Тысячам из них одно лишь осознание того, что есть человек, переживающий за их судьбу, зажгло внутри огонь надежды.

Иногда надежда кажется нам бесполезной и бессмысленной. Такой она могла казаться заключенным в концлагерях. И все же, как настаивает в эпиграфе к этой главе Солженицын, люди без всякой надежды все равно должны искать ее; словно хлеб, она дает нам жизненные силы.

Надежда также способна спасти нас от пессимизма - веры в то, что вся Вселенная — хаос без какого-либо определенного предназначения. Истинная надежда искренна. Благодаря ей спотыкающийся и падающий человек верит в то, что это не конец и жизнь продолжается. Он всегда может снова стать на ноги и идти дальше. Надежда, основанная на реальности, не затмевает собой действительность, однако в то же самое время дает силы продолжать жить дальше. Орвилль Келли, основатель центра «Не упустим сегодня», очень четко выразил это качество мужественной надежды: «Я считаю себя не умирающим от рака, а живущим, несмотря на рак. Каждый день для меня — не еще один день на пути к смерти, а еще один день жизни, которому нужно радоваться и который нужно ценить».

Долготерпение

Люди из моей терапевтической группы больны весьма продолжительными заболеваниями, многие из которых неизлечимы. Такого рода состояния требуют от нас, окружающих, особого внимания. Были времена, когда от эпидемий тифа, оспы или желтой лихорадки люди умирали достаточно быстро, теперь же смертельные болезни зачастую принимают затяжной характер. Люди, страдающие ими, признают, что часто испытывают на себе фактор усталости. В начале, какой бы ни была болезнь, они становятся центром внимания друзей и доброжелателей. Почтовые ящики переполнены

открытками, на столах не хватает места для цветов. С течением времени внимание ослабевает.

Многие стесняются и сильно переживают по поводу проблем, не оставляющих их долгое время. Одна христианка рассказала мне, что при каждом новом проявлении рака ее навещало все меньшее число людей. Чем дольше протекала болезнь, тем более ранимой и одинокой она становилась. Окружавшие ее верующие, казалось, были возмущены тем, что молитвы о чудесном исцелении не были услышаны, и вели себя так, будто во всем виновата она. Они утратили веру и оставили ее наедине с чувством вины и ненависти к себе вдобавок к боли. родители детей с врожденными дефектами подтверждают недовольство этой женщины. Сразу же за рождением следует волна сострадания и сочувствия, которая вскоре бесследно исчезает. Таким образом, по мере того, как у родителей возрастают нужды и эмоциональные проблемы, желающих им помочь становится все меньше. В отличие от смертельно больного человека, родители ребенка-инвалида не видят конца. Они берут на себя груз заботы о ребенке до конца своих дней и в то же время со страхом думают о том, как он будет жить после их смерти.

Перечисляя плоды Духа, апостол Павел употребляет качество, которое мы переводим устаревшим словом «долготерпение». Хорошо бы возродить это слово и описываемое им понятие применительно к проблеме длительной боли. Некоторые христиане предпочитают не затрагивать проблему долготерпения, а говорить о чудесных исцелениях; я же объясню, почему в своей книге стараюсь не затрагивать этот важный аспект проблемы боли. Вот две основные причины, по которым я не акцентировал внимание на чудесном исцелении в своей книге. Во-первых, существует уже немало книг, посвященных чудесным исцелениям, - это и личные свидетельства, и целые теологические трактаты. Во-вторых, я пишу о людях, загнанных болью в тупик и сомневающихся в Боге. Исцеление — единственный выход из их положения, но мы должны признать, что далеко не все получают это чудесное исцеление. Спросите об этом у Брайана Стернберга. Я не стремлюсь свести на нет возможность физического исцеления. Но как я уже говорил, все, кто был исцелен (в том числе и те, кто помог получить исцеление другим), когда-нибудь умрут. Поэтому исцеление не избавляет человека от боли навсегда. Оно лишь отодвигает ее.

Вероятность чудесного исцеления способна вселить огромную надежду в сердце христианина. Однако, если исцеления не происходит, эта сокрушенная надежда превращается в суровое испытание для веры и может вызвать чувства предательства и отчаяния. Барбара Сандервилль, Молодая писательница из штата Миннесота, страдающая Параличом нижних конечностей, описала мне этот процесс в своем письме:

«Когда я стала христианкой, кто-то сказал, что Бог меня исцелит. Сначала мне это казалось совершенно невероятным, и я даже не знала, верить этому или нет. Но, не ни дя в Библии противоречий этому, я начала искренне наде-аться, а затем и верить. Но моя вера была нетвердой, и ко гда другие христиане говорили, что «Бог не исцеляет всех подряд» или, что «наши недуги - это крест, который надо нести», моя вера слабела. Прошлой осенью она, похоже совсем умерла. Я перестала верить в то, что Бог исцелит меня. В тот момент я не желала смириться с мыслью о том что придется провести всю жизнь в инвалидной коляске. Знание того, что Бог в состоянии исцелить меня, но не хочет этого делать (как мне тогда казалось), приводило меня в полное уныние. Я читала 53 главу Книги пророка Исайи 1 Послание апостола Петра 2:24 и обвиняла Бога в том, что Он держал передо мной обещание исцеления, как кусок мяса перед голодным псом. Он искушал меня, показывая возможности, но не разрешая достичь их. Все это, в свою очередь, будило во мне чувства глубокой вины, потому что я знала из Библии, что Бог

любит всех и отвечает всем. Во мне шла настоящая борьба; я начала терять рассудок и не раз думала о самоубийстве. Я стала принимать транквилизаторы, чтобы хоть как-то прожить день, в то время как чувства вины и возмущения выстраивали все более высокую стену между Богом и мной. Тогда у меня начались сильные головные боли и ухудшилось зрение. Врачи же не находили этому никакого объяснения.

Я все еще молилась, ибо знала, что Бог жив; но каждая моя молитва заканчивалась слезами и обвинениями в адрес Бога. Боюсь, тогда я испытывала сильную жалость к себе, которая была очень разрушительной. И все же я снова и снова спрашивала Бога, почему Он меня не исцеляет, когда в Писании так прямо говорится о том, что исцеление есть часть искупления».

В конце концов Барбара прошла курс психиатрического лечения, что помогло ей перебороть уныние. Она все еще ждет физического исцеления. Подобные случаи убеждают меня в том, что к надежде исцеление нужно относиться реалистично. Ведь это просто «надежда», а не гарантия. Если исцеление происходит, это замечательное чудо. Если не происходит, то это вовсе не значит, что Бог бросил вас на произвол судьбы. Он может использовать наши немощи, чтобы творить доб-В этом Его обещании нет никаких сомнений.

Последняя надежда

Наряду со способностью преодолевать все препятствия на пути к выздоровлению — страх, беспомощность, отсутствие смысла — у христианина есть также множество путей пробудить в себе надежду. Заключительная часть этой книги будет посвящена тому, какими преимуществами обладает христианская вера. Однако было бы неразумным с моей стороны не упомянуть в этой главе, наряду с последней надеждой на воскресение, о надежде на новую землю, где «проблема боли» останется лишь далеким воспоминанием. Христианин верит в то, что каким бы мрачным ни казалось настоящее, впереди его ждет нечто несравненно лучшее. Бруно Беттельгейм, прошедший через гитлеровские лагеря, признает, что такая вера оказывает огромную поддержку: «Уже достоверным фактом стало то, что в концлагерях верующие лучше всех справлялись с испытаниями. Их вера, включая веру в жизнь после смерти, давала им намного больше силы переносить трудности, чем другим».

Джони Эрексон Тада рассказывает о том, как однажды она побывала в больнице для умственно отсталых. Обычно, когда она приезжала в другие клиники и, сидя в инвалидной коляске, выступала перед аудиторией, все слушали ее, зажав дыхание; эти же больные, несмотря на разный возраст, но все с недоразвитым мышлением, не могли сосредоточиться. Когда Джони начала рассказывать им о том, каким будет рай, было очевидно, что аудитория уже совсем потеряла интерес к ее рассказу. День был теплый, и Джони почувствовала, что от тако-3 Напряжения она вспотела. Наконец она в отчаянии громко произнесла: «И рай - это место, где у всех вас дет новый разум». Произнеся последнее слово, она почувствовала, что сказала это зря. А что, если это прозвучало слишком жестоко или оскорбительно? Внезапно атмосфера в комнате резко переменилась. Послышались радостные возгласы и громкие аплодисменты.

Джони затронула их самую глубокую надежду. Эти люди более чем кто-либо другой знали, что их разум недоразвит и несовершенен. Но она рассказала им о данном христианам обещании, что есть место, где этого недуга у них не будет место, где произойдет полное исцеление. «Наше же жительство - на небесах, - учит Павел филиппинцев (3:20-21) -откуда мы ожидаем и Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа,

Который уничиженное тело наше преобразит так что оно будет сообразно славному телу Его, силою, которою Он действует и покоряет Себе все».

Мы, западные христиане, со свойственной нам изощренностью, как мне кажется, стесняемся говорить о нашем бессмертии и награде на небесах. Мне очень редко удается услышать проповедь о венце жизни или же венце праведности. Современная культура твердит нам, что реальность - это страдание, а бессмертие и жизнь после смерти - несбыточная мечта.

Однако есть ли у нас какая-либо другая надежда, которую можно было бы дать парализованному или же матери умственно неполноценного ребенка? А можно ли считать надежду на жизнь после смерти и последующее исцеление стоящей надеждой? В качестве ответа на этот вопрос я расскажу вам историю Марты, посещающей центр «Не упустит сегодня». В каком-то плане ее история вкратце описывает все, что я узнал о боли, посещая эту группу в течение года.

При первой же встрече я сразу обратил на Марту внимание. У всех остальных налицо были явные признаки тяжелой болезни — выпадение волос, сильная истощенность, отсутствие какой-либо конечности, непроизвольное дрожание. У Марты же ничего подобного не наблюдалось. Ей было всего двадцать шесть, и выглядела она вполне привлекательно. Я подумал, не навещает ли она кого-то здесь, как я.

Когда настала ее очередь представиться, она сказала, что у нее совсем недавно нашли амиотрофический боковой склероз (АБС). От этого же заболевания год назад умер ее отец, а еще двумя годами ранее — ее дядя. АБС очень редко передается по наследству и еще реже встречается у молодых женщин, но, к несчастью, здесь был именно такой случай.

АБС разрушает нервы. Сначала он поражает произвольные движения, как, например, движения рук и ног, кистей и стоп. Затем заболевание атакует непроизвольные движения, а потом — нервные центры, контролирующие дыхание, и человек умирает. У разных людей болезнь протекает по-разному — у кого-то быстрее, у кого-то медленнее. После постановки диагноза родственники Марты прожили еще по два года. Марта знала о болезни все до самых мельчайших деталей.

Первая наша встреча с Мартой состоялась в марте. В апреле Марта приезжала на встречи уже в инвалидной коляске. Ходить она могла с большим трудом, из-за чего была уволена из университетской библиотеки, где работала. В мае Марта потеряла возможность управлять правой рукой, поэтому больше не могла передвигаться на костылях. Физиотерапевт научил ее поднимать вещи с пола с помощью нехитрого изобретения, состоящего из рукоятки от швабры и липкой ленты. К тому времени она уже с трудом могла управлять инвалидной коляской.

В июне Марта потеряла способность двигать обеими руками и едва шевелила пальцами, чтобы управлять новой электрической инвалидной коляской. Ей потребовался круглосуточный уход, для чего пришлось переехать в реабилитационный центр.

Я начал регулярно навещать Марту уже в реабилитационном центре. Я выкатывал ее на прогулки, а иногда привозил на машине на занятия в группе. Тогда я узнал, насколько унижительно для нее эта болезнь. Я узнал о том, что перед тем, как надеть ей обувь, нужно проверить, не согнуты ли пальцы на ногах, чтобы ей не было больно. Узнал, что перед тем, как просунуть ее руку в рукав пиджака, надо аккуратно сложить пальцы руки в кулак.

Также было следить за тем, чтобы, усаживая ее в машину, случайно не прищемить ей руку. Нелегко усадить 60-килограммовое тело в маленькую машину...

Марте нужно было помогать делать каждое движение - одевать, класть голову на подушку, чистить судно. Когда она плакала, кому-то нужно было вытирать слезы и держать возле носа салфетку. Казалось, тело просто восстало против нее, отказываясь повиноваться ее воле. Иногда мы говорили с ней о смерти и о надежде. Признаюсь честно: когда беседуешь с таким человеком, как Марта, все разговоры о христианской надежде на вечную жизнь, полное исцеление и воскресение превращаются в пустой звук и кажутся совершенно неубедительными и невесомыми, как дым. Ей не нужны были ангельские крылья, а всего лишь: руки, которые бы не болтались, как веревки; рот, из которого бы не текла слюна; легкие, которые бы не перестали вдруг сокращаться. Вынужден признать, что в тот момент вечность, та самая вечность без страха и боли, казалось, не имела никакого отношения к измученной Марте.

Конечно, она думала о Боге, но в ее мыслях не было чувства любви к Нему. Она была полностью против обращения к Богу у смертного одра, настаивая на том, что к Богу она сможет прийти только из чувства любви, а не из чувства страха. А как можно любить Бога, который сделал с ней такое?

К началу октября стало ясно, что болезнь Марты уже совсем скоро закончит свое ужасное дело. Теперь ей нужно было тренировать дыхание на походящем на детскую игрушку пластмассовом приборе, в который изо всех сил надо было дуть, чтобы поднимать маленькие синие шарики в стеклянных колбочках. Между приступами удушья она говорила о том, что бы она предпочла потерять сначала: голос или дыхание. В конце концов, она решила, что будет лучше, если первыми откажут легкие, потому что лучше просто умереть, чем умереть немой, будучи не в состоянии выразить чувства.

Недостаточное снабжение мозга кислородом давало о себе знать, и Марта то и дело засыпала во время разговора. Иногда ночью она в ужасе просыпалась и чувствовала, что задыхается, но не могла никого позвать на помощь.

Несмотря на болезнь, ей все-таки удалось съездить свой любимый летний домик в Мичигане и побывать матери, живущей поблизости. Она делала последние приготовления прощаясь со всеми.

В этот период она очень захотела провести хотя бы па-у недель у себя на квартире в Чикаго, чтобы по очереди «поститься со всеми своими друзьями и спокойно встретить смерть. Однако провести две недели в домашних условиях в ее положении казалось совершенно невозможным, ведь чтобы поддерживать жизнь, ей был необходим круглосуточный уход. Государство оплачивало только пребывание в больнице, на переезд домой и постоянный уход, который ей был необходим просто, чтобы поддерживать жизнь, деньги не были предусмотрены.

Во всем Чикаго нашлась только одна организация, согласившаяся помочь совершенно безвозмездно, — христианская община под названием Дом Ревы из Иванстона. Среди членов этой общины находилась женщина по имени Сара, у которой был паралич нижних конечностей. Она прекрасно представляла себе, что значит жить в теле, которое тебе не повинуется. Отчасти благодаря ей община решила принять Марту на свое попечение и помогла найти добровольцев, согласившихся исполнить ее последние желания. Ради нее шестнадцать женщин перестроили свою жизнь. Они разделились на группы, и, бросив все домашние дела, по двое приезжали к ней на

квартиру на посменное дежурство. Еще семнадцать человек согласились молиться о Марте и тех, кто оказывал ей помощь. Они молились о ее чудесном исцелении, а также о тех, кто будет ей свидетельствовать.

Те шестнадцать женщин постоянно были с Мартой, прислушиваясь к ее дыханию и выслушивая все ее жалобы и бредни; они мыли ее, вывозили на прогулки, каждую ночь сидели рядом с ней, молились за нее, любили ее. Они помогли ей справиться со страхом. Они дали ей возможность почувствовать собственную важность, и она уже не чувствовала себя беспомощной. Они показали смысл ее страдания. Для Марты они стали телом, которое Дал ей Бог.

Женщины из Дома Ревы также объяснили Марте, что такое христианская надежда. И вот, в то самое сложное для нее время, когда Бог казался ей таким безжалостным и жестоким, Марта, видя Божью любовь, воплощенную в Его теле, пришла к Богу через Иисуса Христа. Она пол, ностью вверила себя Тому, Кто умер за нее. Она пришла к Богу не из страха; она наконец-то нашла Его Любовь. Во время служения там, в Иванстоне, она засвидетельствовала об этом и приняла крещение.

Марта умерла в 1983 году перед самым Днем Благодарения. К тому времени ее тело, бесформенное, атрофированное, измятое, уже слабо напоминало былую красоту. Когда оно совсем перестало функционировать, Марта покинула его. Теперь она живет в новом теле, в полноте и радости. Она живет, потому что тогда, в Доме Ревы, Христос одержал победу над ее недугом через Свое тело — церковь и Марта увидела эту победу. Если же мы не верим этому, если наша христианская надежда, запутавшись в изощренности, не дает нам свидетельствовать об этой истине гнущемуся миру, то тогда мы действительно, как сказал апостол Павел, ничтожней всех людей.

Часть 5. Как помогает вера?

Глава 18. Смотреть на мир Его глазами

«Бог плачет вместе с нами, чтобы мы потом смогли порадоваться с Ним».
— Юрген Мольтманн

У каждой религии, будь то буддизм, индуизм, мусульманство или «Нью Эйдж», есть собственный взгляд на проблему боли. Большая часть того, о чем я рассказывал в предыдущих главах — ценность боли для человеческого тела, как самому справляться с болью и помогать в этом другим, — применима ко всем, независимо от вероисповедания. Чем же отличается подход христианской веры к этому вопросу? Какими еще средствами обладают христиане? Задавая этот вопрос, мы в каком-то смысле возвращаемся к названию книги «Где Бог, когда я страдаю?» Именно этот вопрос задавали К. С. Льюис, Клаудия Клакстон, актриса, чей возлюбленный выпал из лодки, Джони Эрек-сон Тада, Брайан Стернберг и заключенные в концлагерях. Этот вопрос в определенный момент задает каждый страдающий человек. Где Бог? Что Он чувствует, когда я так мучаюсь? Есть ли Ему до меня дело? Жаворонок летит. Улитка ползет. Бог в небесах. Мир не умрет. Эти строки написал в середине девятнадцатого века, эпоху безграничного оптимизма, Роберт Браунинг. После двух мировых войн, двух атомных бомбардировок, ста, нескольких геноцидов и эпидемий, во всем мире очень немногие осмелятся сказать, что «мир не Хуже всего то, что Бог все еще где-то у Себя на небесах несмотря на творящееся в мире зло. Почему Он никак не вмешивается?

Вопль крестьянина

Вот современная жалоба на Бога из уст жены одного сельхозрабочего-иммигранта (записанная Робертом Коул-зом, писателем и психиатром).

«В прошлом году мы решили пойти в одну церквушку в штате Нью-Джерси... Мы взяли с собой всех детей, включая грудного ребенка. Там был священник, преподобный Джексон, имя которого я запомню навсегда. Он велел нам вести себя тихо и сказал, что мы должны быть счастливы, что попали в эту христианскую, не «безбожную» страну. ...Потом мой муж вдруг рассердился; у него, наверное, что-то случилось с нервами. Он встал и начал кричать, затем подошел к преподобному мистеру Джексону, требуя, чтобы он замолчал и больше ничего не говорил нам, иммигрантам. Мой муж велел ему убраться в свою церковь, где бы она ни была, и больше не делать вид, что он делает нам одолжение.

Затем он сделал самое худшее: взял в руки Энни, нашу младшую дочь, и, показывая ее священнику, стал кричать, орать и вопить на него так, как мне еще никогда не приходилось слышать. Я не помню, какие слова он говорил, но он говорил о том, что наша маленькая Энни больна, а мы не можем показать ее врачу.-у нас нет денег ни для Энни, ни для других, ни для самих себя.

Потом он поднял Энни вверх, так что она была выше преподобного, и спросил, почему бы ему не пойми и не начать молиться о ней и о том, чтобы Бог наказал наших хозяй-фермеров за то, что они так обращаются с нами, иммигрантами... После этого начал кричать, что Богу нет до нас дела, тогда как Он так хорошо заботится обо всех остальных. Потом преподобный ответил моему мужу, и в этом была его ошибка, да, ошибка. Он сказал, что нам нельзя обвинять, критиковать Бога, жаловаться на Него и так далее, потому что Бог не обязан повелевать, как должны вести себя фермеры и как мы должны жить здесь на земле. «Бог заботится о вашем будущем», — сказал он. И говорю вам, мой муж чуть было не взорвался. Он, наверное, раз десять прокричал преподобному: «Будущем, будущем, будущем». А потом снова схватил Энни и чуть было не ткнул ее в лицо преподобному, а Энни, бедный ребенок, начала плакать. Мой муж спросил преподобного, какое у нее «будущее», и что делал бы сам преподобный, если бы жил как мы, и у него самого было такое «будущее», как у нас.

Потом он сказал, что преподобный, как и все остальные, наживает на нас. Он поднял Энни высоковысоко, почти к самому кресту, и потребовал от Бога, чтобы Он больше не говорил с нами через священников, а пришел Сам и увидел все Своими глазами; и чтобы «проповедники» — он все время называл их «проповедниками» — не говорили вместо Него....После того, как он закончил говорить о «проповедниках», он вернулся к нам. В церкви не слышно было ни единого звука, потом несколько человек сказали, что мой муж прав... и все стали хлопать нам, и мне стало очень неловко».

Эта иммигрантская семья, возможно, является самым ярким примером того, что делает с людьми страдание. Вольные дети, отсутствие денег и надежды на завтрашний день. Куда же смотрит Бог? Проблема этих людей не какая-нибудь абстрактная или философская, но очень личная, их дочь Энни серьезно больна, у родителей же нет низкого выхода. А где же Бог?

Что бы я ни написал в этой или другой книге, ничто не сможет разрешить проблему этой семьи. Ни взывают к состраданию, к любви, и им вовсе - нужно теоретическое решение. Однако криком своей души возмущенный крестьянин невольно указал на основной вклад, который делают христиане в проблему человеческой боли. Держа свое

дитя перед лицом преподобного, он потребовал, чтобы Бог сошел с небес и посмотрел на мир, какой он есть, Своими глазами. Потому что, по его мнению, постоянно говорить только через проповедников недостаточно.

Но дело в том, что Бог уже приходил в этот мир. Он пришел в человеческой плоти и Сам прочувствовал и увидел, что это за мир. Если бы не этот факт воплощения Бога, то нашей вере нечего было бы сказать этому простому крестьянину.

Все по Его правилам

Множество людей в Ветхом Завете, таких, как Иов и Иеремия, иногда задавались вопросом, а не «заткнул ли Бог Себе уши» в ответ на их бесчисленные крики о помощи? Иисус положил конец всем такого рода домыслам. Бог не только не затыкал ушей, а наоборот, взял себе самые настоящие человеческие уши с барабанной перепонкой и ушной раковиной. Там, на высушенных солнцем равнинах Палестины, Божий Сын слышал собственными ушами молекулярные вибрации человеческих стонов: от больных, бедных и тех, кто рыдал больше от вины, чем от боли.

Попытайтесь непредвзято взглянуть на жизнь Иисуса Христа. Он - единственный Человек в истории, который мог планировать собственное рождение. И все же, Он смирил Себя, променяв Свое совершенное святое тело на хрупкое, состоящее из крови, сухожилий, хрящей и нервных клеток. Библия говорит нам, что не было такого искушения, которое бы Иисус не испытал. Ему было одиноко, Он испытывал голод, усталость, оскорбления сатаны, гонения со стороны врагов, за Ним постоянно следовали толпы людей.

Что же касается внешности, в Библии имеется всего лишь одно описание Иисуса, составленное пророком Исайей за сотни лет до Его рождения: «...нет в Нем ни вида, ни величия; и мы видели Его, и не было в Нем вида, [и привлекал бы нас к Нему. Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, мы отвращали от Него лицо свое...» (Исайя 53:2-3). И когда Иисус начал Свое служение, люди смеялись: Из Назарета может ли быть что доброе?» Вот древняя народная шутка: Иисус - деревенщина, простак из Назарета, с такой репутацией Он стоял практически наравне с другими изгоями общества: прокаженными, паралитиками, блудниками, мытарями и злодеями.

Однажды соседи Иисуса отвели Его за город и пытались «бить». Родители сразу же усомнились в Его святости. Тогдашние правители с гордостью заявляли, что никто из властей и духовенства в Него не верит. За Ним следовали люди из низших слоев общества, рыбаки и крестьяне, находясь среди которых, герой нашей главы чувствовал бы себя как дома. Наконец даже они оставили Его, когда Его соотечественники предали Его, променяв Его жизнь на жизнь какого-то разбойника.

Ни одна из религий мира - ни иудаизм, ни индуизм, ни буддизм, ни ислам - не говорит о таком шаге Бога навстречу людям, когда Он по собственной воле терпит лишения и страдает за собственное творение. Вот что пишет по этому поводу Дороти Сейерс: «По какой-то необъяснимой причине Бог сотворил человека именно таким — подверженным лишениям, страданиям и смерти; и у Него хватило честности и смелости принять собственное лекарство. В какую бы игру Он не играл со Своим творением, Он всегда строго придерживался правил и играл честно. Он ничего не требует от человека, чего бы не требовал от Себя. Он смог пройти через все тяготы человеческой жизни — от мелких разногласий в семье, проблем с деньгами и тяжелого физического труда до самых

жутких унижений, боли, отчаяния и смерти. Когда Он был человеком, Он был им по-настоящему. Он родился в нищете, умер в унижении и считал, что жизнь прожита не зря».

Конечно, тот факт, что Иисус пришел на землю и, пострадав, умер, вовсе не решает нашей проблемы боли. Однако он ясно показывает, что Бог вовсе не сидел руки и не наблюдал, как мы мучаемся в одиночестве. Он стал одним из нас. Таким образом, Бог через Иисуса Христа дает нам убедиться воочию, что Ему не безразличны наши страдания. Все вопросы к Богу относительно страданий должны вначале пройти через призму наших знаний об Иисусе Христе. Как же Богочеловек относился к боли здесь, на земле? Видя страдающего человека, Он всякий раз проникался к нему состраданием. Много раз Он призывал к терпению и выдержке во время голода и печали. Когда умер Его друг Лазарь, Иисус плакал. Во многих случаях, когда к Нему обращались непосредственно, Он исцелял. Иногда для этого приходилось нарушать вековые традиции и обычаи, как, например, в случае с женщиной, страдавшей кровотечением, или же когда Он прикасался к изгоям, несмотря на выкрики окружающих: "Нечистые!"

Образ Иисуса Христа убеждает нас в том, что Богу вовсе не нравится смотреть на наши страдания. Не думаю, что ученики Иисуса задавали вопрос: «Куда смотрит Бог?» Перед ними было видимое доказательство Божьей заботы: они постоянно видели Иисуса. Когда же Иисус Сам столкнулся со страданием, то Его реакция мало чем отличалась от реакции любого из нас. Он тоже пытался избежать его, трижды спрашивая, есть ли какой-нибудь другой путь. Другого пути не было, и вот тогда Иисус, наверное, впервые испытал такое знакомое нам чувство одиночества в своем горе; «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» В евангельских повествованиях о последней ночи Иисуса Христа на земле я наблюдаю яростную борьбу со страхом, беспомощностью и надеждой — теми же границами, с которыми сталкиваемся и мы в наших страданиях.

Жизнеописание Иисуса Христа — окончательный ответ на вопрос о том, что чувствует Бог, видя нашу боль. В ответ Бог не дал нам слова или теории по проблеме боли. Он отдал нам Самого Себя. Философия может многое объяснить, но ничего не сможет изменить. Евангелие, история Иисуса Христа, обещает нам великие перемены.

Казнь

*Любовь крепка, как гвозди.
Любовь и есть гвозди:
Тупые, толстые, пробитые
Сквозь плоть Того,
Кто, создавая нас, понимал,
Что делал Он,
Видя Своими глазами
Наш крест и Свой.
К,С Льюис,
«Любовь тепла, как слезы»*

Есть один центральный символ, глядя на который мы сразу вспоминаем Иисуса Христа. Сегодня этот предмет, покрытый золотом, то и дело видишь на шее у какой-нибудь красивой женщины или спортивного вида мужчины - вот так мы истолковываем суровую реальность истории. Пригвождение ко кресту было, конечно же, одним из видов казни. Мы с таким же успехом можем делать разного рода ювелирные украшения в виде

крохотных электрических стульев, газовых камер, игл для смертельных инъекций и других, существующих в наше время методов казни.

Крест, универсальный символ христианства, являет собой доказательство того, что Бог сопереживает нашей боли и страданиям. Он Сам умер от них. Этот символ остается уникальным среди всех символов других религий мира. Во всех этих религиях есть свои боги, но лишь у одной есть Бог, который так возлюбил мир, что стал человеком и умер за нас.

Историю о Его избииении, терновом венце, медленной и мучительной смерти от удушья нам уже твердили столько Раз, что она вызывает у нас минимум эмоций. Зато мы не содрогаясь от ужаса, услышав в новостях, как трагически погибла скаковая лошадь или детеныш морского котика. В отличие от совершаемых сегодня в стерильных условиях быстрых казней, эта тянулась много часов на глазах у глумящейся толпы.

Возможно, в те дни все данные Иисусом обещания казались Его ученикам пустыми. И что, Он - царь? Да это просто самая жалкая пародия на царя, к тому же с короной из терновника! Кто-то накинул на него дорогую багряную плащаницу, но кровь от плетей Пилата свернулась на ткани.

Разве похож Он на Бога? Даже Его ученики, ходившие за Ним по пятам целых три года, разуверились в Нем. Они поспешили затеряться в толпе, боясь быть узванными. Все их мечты о великом Правителе, который положит конец страданиям, превратились в кошмары.

Смерть Иисуса Христа — краеугольный камень христианской веры, самый важный факт Его пришествия. Все Евангелия очень подробно повествуют об этом событии. За время Своего земного служения, Он сказал немало как скрытых, так и явных пророчеств, которые стали понятны только после того, как все свершилось. Какую же пользу в борьбе с болью можно найти в религии, в которой центральное место — крест, где Сам Бог страдает от боли?

Апостол Павел называет крест «камнем преткновения» на пути к вере. История доказала, что это именно так. Еврейские раввины недоумевают, как Бог, не позволивший принести в жертву сына Аврааму, Своего собственного Сына мог отдать на смерть. В Коране сказано, что Бог, не желая допустить смерти Сына, сделал так, что вместо Него распяли какого-то злодея. Даже в наши дни известный американский телеведущий Фил Донахью объясняет свой основной протест христианству: «Как мог всезнающий и любящий Бог позволить, чтобы Его Сын умер на кресте во искупление моих грехов? Если Бог такой «любящий», почему бы Ему Самому не спуститься и не пойти на Голгофу?»

Все такие обвинители упускают из виду самую главную мысль Евангелий: что каким-то чудесным образом Сам Бог и пришел на землю, и умер. Бог не сидел «там наверху» и не наблюдал, что творится «тут внизу». Бог был во Христе, примиряя мир с Собой. Как сказал Лютер, крест показал, как «Бог борется с Богом». Если бы Иисус был простым человеком, Его смерть свидетельствовала бы о жестокости Бога; тот же факт, что Он — Сын Божий, доказывает, что Бог полностью отождествляет Себя со страдающим человечеством. На кресте Бог Сам прочувствовал, как ужасна боль этого мира. Для некоторых зрелище бледного тела умирающего на кресте человека в темную ночь шепчет лишь о поражении, же это за Бог, который не может ничего сделать, когда страдает Его Сын? Но прислушайтесь, и вы услышите, как Бог кричит нам, людям: «Я ЛЮБЛЮ ВАС!» Любовь явилась нам в этом пригвожденном нами ко кресту Человеке, сказавшем, что

достаточно одного только Его слова, чтобы ангелы спасли Его, но не сделавшем этого из-за нас. Там, на Голгофе, Бог принял Свои собственные нерушимые условия справедливости.

Поэтому крест, камень преткновения для одних, стал для других краеугольным камнем христианской веры. Любой разговор о том, как Бог относится к боли и страданию, указывает на голгофский крест. В конце книги Иова Бог отвечает на вопросы о страдании, читая блестящую лекцию о Своей великой силе. После Голгофы Бог смещает акцент с силы на любовь: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Евангелие от Иоанна 3:16).

«Если Бог за нас, кто против нас? Тот, Который Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас, как с Ним не дарует нам и всего?» (Послание к римлянам 8:31-32).

Почему это важно

Однажды я разговаривал со священником, который только что вернулся с похорон восьмилетней девочки. В его приходе больше года усиленно молились и разгляди горе с семьей ребенка, отчаянно боровшегося с раком. Похороны явились самым напряженным моментом для этого священника, пошатнувшим его силы и даже. «Что я теперь скажу ее семье? У меня нет для них утешения, — признался он мне. — Что я им скажу?»

Немного помолчав, он добавил: «Я никак не смогу облегчить их боль, У меня есть лишь один ответ, и этот ответ - Иисус Христос», Смерть и воскресение Иисуса Христа - не просто какое-то абстрактное теологическое обоснование проблемы боли. Эти два события несут для нас практическую пользу в борьбе со страданием. Для себя я выделил по крайней мере четыре основных пути, которыми эти события двух-тысячелетней давности могут оказать непосредственное влияние на мои проблемы: Я учусь смотреть на настоящее из будущего.

Один мудрый человек по имени Джо Бейли однажды сказал: «В темноте не забывай того, чему научился при свете». И все же порой темнота находит так быстро, что сразу же забываешь про свет. Ученики Иисуса Христа - именно такой случай.

Во время Своего самого близкого общения с учениками - на Тайной Вечере — Иисус ободряет их: «В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир» (Иоанна 16:33). Представляю, как по сиянам учеников после таких слов воплотившегося Бога пробежали мурашки. В тот момент одиннадцать из двенадцати были готовы отдать свою жизнь за Него. Позднее, в эту же ночь Симон Петр действительно взялся за меч, пытаясь защитить Иисуса.

Но вот на следующий день все одиннадцать уже потеряли веру. Возможно, эти слова Иисуса мучительно преследовали их, когда они стояли на безопасном расстоянии и наблюдали, как Он страдает на кресте. Казалось, мир одержал победу над Богом. Ученики же скрылись в темноте. Петр даже поклялся, что никогда не знал этого Человека. Конечно, проблема учеников Христа была делом времени. Воспоминания о свете прошлого, казалось, совсем испарились, однако спустя несколько дней этих же учеников озарил новый яркий луч света — Пасха.. В тот день они узнали, что Богу не страшна никакая тьма. Они узнали, как смотреть на настоящее из будущего. Сердца этих некогда маловерных людей засияли светом пасхальной надежды. Они вновь воспрянули духом, пошли и изменили весь мир. Теперь половина мира - и верующие, и неверующие

— вместе отмечают Страстную Пятницу и Пасху. Страстная Пятница на Западе называется Благой из-за того, что произошло в Пасхальное воскресенье. У христиан есть великая надежда на то, что Бог однажды придет и восстановит Свое господство на всей земле. Чудо Пасхи в тот день примет вселенский масштаб.

Когда мы вдруг оказываемся во тьме и кругом одни, неприятности, важно помнить, что мы живем в субботу¹ перед Пасхой, Как сказал об этом апостол Павел: «Ибо думаю, что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славой, которая откроется в нас* (Римлянам 8:18). Думаю, что Иисус тогда не случайно говорил великие слова: «Я ПОБЕДИЛ МИР», в то время как римские солдаты уже готовили оружие, чтобы Его арестовать. Иисус знал, как смотреть на настоящее из будущего. Я учусь придавать боли противоположный смысл.

В христианстве есть ряд парадоксов, которые бы мало что значили сами по себе, если рассматривать их отдельно от жизни и смерти Иисуса Христа, Взгляните на один из них, который я уже упоминал в этой книге: несмотря на то, что бедность и страдание — «нехорошие» вещи, в борьбе с которыми я провожу жизнь, их, с другой стороны, можно назвать настоящим «благословением». Умение делать из плохого хорошее — также одна из ярко выраженных черт характера Иисуса. Взяв боль на Себя, Иисус придал ей благородный смысл и показал нам, как она может быть трансформирована. Он дал нам образец, который хочет воспроизвести в нас.

Иисус явил Собой прекрасный пример всего, чему учит о страданиях Библия, Глядя на пример Иисуса, я уже не скажу о человеке; «Она страдает, потому что у нее есть какой-то грех»; Иисус, будучи безгрешным, тоже страдал. Бог не обещал, что торнадо будут обходить наши дома стороной и обрушиваться на дома язычников, и что микробы не смогут размножаться в теле христианина. Мы в равной степени подвержены всем напастям этого мира, так же, был подвержен им Иисус. Вспомните, как Иисус резко осудил Петра, когда тот сказал, что Христос не должен страдать (Матфея 16:23).

Мы воспринимаем боль как произвол; у Иисуса были такие же чувства, и именно по этой причине Он совершил столько чудес исцеления. В Гефсиманском саду Он не молился словами: «Господи, благодарю, что Ты дал Мне такую возможность пострадать...» Он отчаянно молился о спасении. Но все же, Он искренне желал пройти через все страдания ради более великой цели. В конце молитвы Он отдал все свои беспокойства и вопросы («есть ли какой способ избежать этого...») в руки Своего Отца и доверил Ему все, зная, что Бог сможет даже из Его смерти извлечь великую пользу.

Корнилий Плантинга как-то сказал: «Не указывайте на крест всем, кто желает найти объяснение злу, будто бы, размышляя о Голгофе, мы сможем узнать, отчего возникает рак гортани. Просто поднимите глаза на крест, откуда идет наша помощь, чтобы увидеть, что Бог радуется о нас, и поэтому Ему можно доверять». Глядя на общую историческую картину развития мира, мы видим, что Бог, взяв в Свои руки, казалось бы, самое худшее, что могло произойти, — ужасную казнь Собственного Сына, — превратил ее в окончательную победу над злом и смертью. Невероятная мудрость потребовалась Тому, Кто смог превратить зло в добро; в этом поступке для всех нас кроется великое обетование. Мучительные страдания на кресте были полностью искуплены: Его раны исцелили нас (Исайя 53:5), Его слабость сделала нас сильнее.

Что изменилось бы в мире, если бы Иисус пришел в виде Супермена, которому не страшны никакие раны и никакая боль? Что, если бы Он не умер, а вознесся на небеса еще во время суда Пилата? Не ставя Себя выше других, добровольно неся тяжелый крест,

взваленный на Него этим миром, Иисус дает надежду на то, что Бог сможет помочь каждому из нас придать иной смысл страданиям, с которыми мы сталкиваемся. Благодаря Его смерти и воскресению мы теперь с уверенностью можем утверждать, что любое испытание — будь то болезнь, развод, потеря работы, банкротство, семейное горе — Бог сможет направить к нашему благу.

Во всех четырех Евангелиях есть лишь одно место, где ученики обращаются к Иисусу Христу как к Богу Отцу. Оно записано в Евангелии от Иоанна, после того, как Иисус умер и воскрес. Тогда уже все ученики поверили в воскресшего Христа, не поверил лишь сомневающийся Фома. будучи по натуре эмпириком, Фома заявил, что не сможет поверить, лично не прикоснувшись к ранам Иисуса. В этот зле момент, несмотря на запертые двери, появляется Христос и дает Фоме такую возможность. «Господь мой и Бог мой!» — восклицает Фома. Раны явились свидетельством чуда из чудес. Я учусь придавать страданию новый смысл.

В Ветхом Завете богобоязненные верующие повергались в шок всякий раз, когда на их голову обрушивалось несчастье. Ведь они ожидали, что Бог вознаградит их за верность богатством и покоем. В Новом Завете — налицо разительная перемена — его авторы имеют совсем иные ожидания. Вот что говорил терпящим страдания христианам Петр: «Ибо вы к тому призваны, потому что и Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его» (1 Петра 2:21).

Другие стихи говорят еще о большем - в них речь идет о том, что я даже не берусь комментировать. Павел пишет о страдании только с Ним (Христом) и говорит, что восполняет недостаток в плоти своей скорбей Христовых. Если рассматривать эти отрывки в контексте, можно заметить, что страдание обретает новый смысл, если мы воспринимаем его как часть «креста», который каждый из нас призван нести, следуя за Иисусом.

Хотя Христос не всегда освобождает нас от боли, Он, беря часть этой боли на Себя, наполняет ее определенным смыслом. Мы, как сотоварищи Богу в борьбе за изгнание зла с лица земли, помогаем Ему осуществлять Его план искупления мира.

Гарри Боэр прослужил четыре года капелланом во время Второй мировой войны. Последние дни этой войны он провел в рядах морских пехотинцев на Тихом океане. Вторая дивизия участвовала во многих сражениях и потеряла много людей, - пишет он, - но я еще не видел ни одного солдата или офицера, который бы сомневался в исходе войны. Не видел я также ни одного человека, который бы спросил, почему, когда все уже так уверены в победе, мы все никак не победим. Вопрос был в том, сможем ли мы продержаться до тех пор, пока враг сдастся».

Нечто похожее я наблюдаю в таинственных библейских словах об участии в страданиях Христовых. В мире идет война, с которой не сравнится ни одна из земных войн. От исхода этой войны будет зависеть судьба всего творения. В этой войне не обойдется без потерь.

Павел пишет, что на кресте Иисус одержал победу над силами Вселенной, уничтожив их не Своей силой, а Своей жертвенной любовью. Крест Иисуса Христа, возможно, многим говорит об уже одержанной победе, однако каждому из нас предстоит участвовать во множестве сражений. Что немаловажно, Павел молился, «чтобы познать Его (Христа), и силу воскресения Его, и участие в страданиях Его», одновременно говоря и о радости, и о мучениях, которые испытал Иисус, живя на земле (Филиппинцам 3:10).

Нам также важно осознавать, что потери, которые мы несем, — это раны, которые однажды будут вознаграждены. В нашей земной жизни, мы никогда не узнаем истинного значения всего, что делаем, так как многое нам не дано увидеть. Крест Иисуса Христа здесь также на многое проливает свет: то, что казалось весьма обыденным - еще один жалкий подвиг во имя «справедливости» в римской колонии, - дал всему миру возможность получить спасение.

Если в Южной Африке выразивший мирный протест пастор попадает в тюрьму; если социальный работник вынужден поселиться в гетто; если супруги противостоят сложностям семейной жизни, которые толкают их к разводу; если отец с надеждой и прощением ждет возвращения убежавшего из дома сына; если молодой специалист борется с соблазнами богатства и славы, - то все эти испытания, серьезные и не очень, несут в себе глубокий смысл разделения страданий со Христом на пути к искупительной победе. «Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих» (Римлянам 8:19).

Я получаю уверенность в том, что Бог не равнодушен благодаря Иисусу Христу мне нет нужды изо всех сил кричать в пустоту: «Эй, Ты, там, наверху! Тебе есть до меня дело?» Наличие страдания не говорит о том, что Бог меня оставил. Наоборот, придя к нам на землю, Бог дал весомое историческое доказательство того, что Он слышит наш плач и даже плачет вместе с нами. Когда мы проходим через испытания, Он стоит рядом с нами, подобно Тому четвертому Человеку в пылающей печи.

Зачем Иисусу нужно было страдать и умирать? Этот вопрос заслуживает целой книги, и он лег в основу уже многих книг, но Библия дает на этот вопрос довольно много ответов, один из которых весьма загадочен: страдание - один из Божьих методов «воспитания навыков» у нас. Эти слова, возможно, многим покажутся ересью, однако я здесь просто следую фразеологии Послания к евреям.

Послание к евреям было написано для тех иудеев, которые были целиком воспитаны в духе Ветхого Завета. Автор здесь стремится показать, что Иисус «лучше» - ключевое слово во всем послании. Каким же образом Он лучше той религиозной системы, к которой народ привык с детства? Он более могущественный? А может, более выразительный? Нет, Послание к евреям говорит о том, что Иисус лучше потому, что Он проложил мост над пропастью, разделяющей нас с Богом. «Хотя Он и Сын, однако страданиями навывк послушанию» (Евреям 5:8). В другом месте эта книга говорит нам о том, что Творец нашего спасения совершенствовался посредством страданий (Евреям 2:10).

Эти слова, полные непостижимой таинственности, по крайней мере, точно означают следующее: воплощение Бога в человеке имело большое значение как для нас, так и для Него Самого. История человечества вращается не вокруг того, что мы узнали о Боге, а вокруг того, что Он узнал о нас. С одной стороны, Бог, конечно, понимал, что такое физическая боль, потому что Сам создал превосходную нервную систему, сигнализирующую обо всех опасностях.

За тридцать три года земной жизни Иисус узнал, что такое лишения, непонимание и предательство. Он также знал о том, что такое боль: что ты чувствуешь, когда твой обвинитель бьет тебя по лицу, когда тебя по спине хлещут металлической плетью, когда тупые металлические гвозди пронизывают твои мышцы, связки и кости. Обо всем этом Сын Божий узнал на земле. Благодаря Иисусу, Бог по какой-то необъяснимой причине стал воспринимать наш плач совсем по-другому Автор Послания к евреям с восхищением говорит, что какие бы испытания мы ни переживали, Бог прошел через все это. «Ибо мы имеем не такого первосвященника который не может сострадать нам в немощах наших' но Который, подобно [нам], искушен во всем, кроме греха» (Евреям 4:15). У нас есть

Первосвященник, который, пройдя школу испытаний, «может снисходить невежественным и заблуждающимся, потому что и сам обложен немощью» (Евреям 5:2). Благодаря Иисусу, Бог понимает нашу боль во всей полноте. Наши слезы становятся Его слезами. Мы не брошены. Ни тот крестьянин с больной дочкой, ни восьмилетний ребенок, больной лейкемией, ни горюющие родные в городе Юба, ни больные проказой в больнице в Луизиане — никто не страдает один.

Т.С. Элиот написал в поэме «Четыре четверти»: «Израненный Хирург Собой сгибает сталь, Вводя в смятение разочарованный народ; Руки, истекающие кровью, дают понять, Насколько велико сострадание Целителя, Что наконец сняло вуаль загадки Со всей истории болезни», Операция под названием «жизнь» - небезболезненна. Тем не менее, осознание этого помогает мне понять, что Хирург, Раненый Хирург, на Себе прочувствовал всю ее боль и горечь.

Глава 19. Остальные части тела

«Те, кто на себе испытал, что такое боль, стараются избегать избитых фраз, говоря о страдании. Соприкоснувшись с тайной, человек выходит за рамки обыденных представлений о ней и чаще молчит, либо весьма сдержан в словах утешения, которое можно выразить лишь через чувство единения со страждущим».
- Джон Говард Гриффин

В течение трех лет земного служения Иисуса Христа всякий мог увидеть, какие чувства Он испытывал к окружающим. К Иисусу мог прийти любой, у кого были проблемы. Всякий мог следовать за Ним, и, наблюдая, как Он относился к бедным и больным, идти и говорить о том, что чувствует Бог, видя нашу боль.

Но Иисус, конечно же, не остался на земле навсегда, и вот уже почти две тысячи лет церковь существует без видимого Его присутствия. Мы не можем прилететь на самолете в Иерусалим, взять на прокат машину и записаться к Нему на прием в отеле «Царь Давид». Как же быть тем, кто живет сегодня? Как нам почувствовать Божью любовь?

Авторы книг Нового Завета, пытаясь привыкнуть к мысли, что Иисус уже вознесся, уделили этому вопросу особое внимание. От них мы слышим два предложения по этому поводу.

Одно из них записано в 8-й главе Послания к римлянам: «Дух подкрепляет нас в немощах наших; ибо мы не знаем, о чем молиться, как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными». Евангелия открывают нам Бога, который всегда рядом с нами, который, ЛИотившись, Своими ушами слышал плач людей. Послания открывают нам Бога внутри нас, невидимого Духа, Ищущего в нас и придающего смысл нашей боли.

Основные темы моих книг — боль и разочарование. В связи с этим мне приходит множество писем, в которых люди изливают все свои стенания. Мне хорошо знакомо чувство, когда не знаешь, о чем молить Богу. Это, наверное, пережил каждый христианин. Как можно молиться о своей семье, когда отношения зашли в тупик, брак не крепнет, а, наоборот, распадается? к И молиться о родителях, чей ребенок болен неизлечимой формой рака? Как молиться христианке из Непала, которая из-за своей веры сидит в тюрьме? О чем нам просить Бога? Как нам молиться?

Восьмая глава Послания к римлянам говорит, что нам не обязательно знать, каким образом молиться. Мы должны лишь делать это горячо, с «воздыханиями». Читая эти слова Павла, я представил себе, как мать отзывается на плач ребенка. Я знаю многих опытных матерей, умеющих по одному лишь крику ребенка определять: или он голоден, или же ему просто нужно внимание, болит у него ухо или живот. Для меня любые крики детей звучат абсолютно одинаково, но не для матери, которая инстинктивно определяет значение беспомощного крика ребенка.

Чувствительность Духа Божьего к нашим крикам во много крат превосходит чутье самой заботливой и опытной матери. Павел говорит, что Дух живет внутри нас самих, зная нужды, которые мы не сможем выразить словами, и молит о них на языке, который мы не сможем никогда понять. Когда мы не знаем, о чем молиться, Он восполняет наше молчание. Бог, очевидно, даже рад нашей беспомощности. Наша слабость дает Ему возможность явить Свою силу.

Именно по этой причине — из-за нового уровня общения с любящим Богом, живущим в сердце, — Иисус и сказал Своим ученикам, что оставляет их для их же блага. «Если Я не пойду, — сказал Он, — Утешитель не придет к вам» (Иоанна 16:7), Теперь в нас живет Дух Святой - Божья печать на сердце. Еще в одном месте Писания Он сравнен с «залогом», данным нам Богом в доказательство того, что лучшие времена придут.

Но ведь Святой Дух - всего лишь дух - как дуновение ветра, невидим и неосязаем физически. Рай же — где-то в будущем. Что же делать нам сейчас? Что поможет нам воочию увидеть и ощутить Божье присутствие здесь на земле?

Второй ответ Нового Завета сконцентрирован на «теле уойстовом», причем эта загадочная фраза упоминается в текстах более тридцати раз. Павел, употреблявший ее чаще всех, подразумевал под этим телом Церковь. Покидая землю, Иисус передал Свое служение неумелым людям у каждого из которых были свои пороки и недостатки Он стал исполнять роль головы в Церкви, отдав роли других ее частей — рук, ног, ушей, глаз и голосовых связок - Своим еще неокрепшим в вере ученикам, и вам, и мне.

Французский поэт Поль Клодэль описал эту перемену так: «После воплощения в человеке у Иисуса было одно лишь желание: вновь начать жить человеческой жизнью. Поэтому Ему потребовались люди, которые помогут начать все снова».

Если внимательно перечитать Евангелия, становится ясно, что Иисус стремился воплотить в жизнь это новое установление с самого начала. Он знал, что Его земная жизнь коротка и потому провозгласил: «Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Матфея 16:18).

Решение Иисуса Христа стать невидимой главой большого тела с множеством частей также имеет влияние и на переживаемые нами страдания. Оно означает, что Он часто возлагает на нас ответственность помогать друг другу. Сама фраза «тело Христово» очень ясно указывает нам на наши обязанности: в плоти представлять Христа миру, особенно тем, кому нужна помощь.

Возможно, именно этот принцип имел в виду Павел, когда писал: «[Бог] утешающий нас во всякой скорби нашей, чтобы и мы могли утешать находящихся во всякой скорби тем утешением, которым Бог утешает нас самих! Ибо по мере, как умножаются в нас страдания Христовы, Умножается Христом и утешение наше» (2-е Коринфянам 4-5). Во время своего служения Павел применял этот принцип на практике, собирая средства для

жертв голода и отправляя своих помощников в поселения, где царила разруха. вразумляя верующих, что все их дары - это дары, Богом.

Боль объединяет

Ничто так не объединяет части тела в организме, как система болевых ощущений. Большой палец на пальце ноги сообщает мне, что палец для меня важен, что он — мой палец и требует срочного лечения. Если ты наступишь на мой палец, я закричу: «Это я!» Я знаю, что это я, потому что ты наступил именно на то место, где у меня болевые рецепторы. Боль определяет меня, защищает меня.

Известно, что волк может отгрызть себе заднюю лапу если она онемевает от мороза. Онемение нарушает единство в организме, и волк, вероятно, начинает думать, что это уже не его лапа.

Помните случай, когда маленькая девочка сама себе откусила палец? Не чувствуя боли, она не понимала, что это ее собственный палец и его нужно беречь. Люди, страдающие алкоголизмом, больные проказой, диабетом и другими заболеваниями, притупляющими болевое восприятие постоянно сталкиваются с проблемой непрерывного контроля над своими конечностями.

Работая с доктором Брендом, я особенно остро осознал, насколько жизненно важно человеку чувствовать боль. Красные и белые кровяные клетки спешат изо всех сил к тому месту, откуда был получен тревожный сигнал о внезапном вторжении. Организм приостанавливает все второстепенные процессы и бросает все силы на ликвидацию аварии. В основе этого единого процесса лежит именно физическая боль.

Боль — это механизм, заставляющий меня бросить все, что я делаю, и сосредоточиться на той части тела, откуда поступил болезненный сигнал. Если я во время игры в баскетбол растянул сухожилие, я прекращаю играть; если туфли жмут, я меняю их на другие; если заболел живот - иду к врачу. Другими словами, самое здоровое тело - это такое тело, которое способно чувствовать боль даже в самых слабых своих частях.

Таким же точно образом мы, части тела Иисуса Христа, должны научиться реагировать на боль в других частях этого тела. Поступая так, мы становимся воплощением Его воскресшего тела.

Доктор Пол Брэнд развил эту идею как ключевую часть своей собственной философии:

«Для того, чтобы многоклеточные организмы смогли жить и развиваться, отдельным клеткам пришлось отказаться от своей автономии и научиться сосуществовать вместе. Их Творец задумал пойти дальше и создать человеческую расу уже с новой, гораздо более возвышенной целью. Теперь сосуществование и взаимодействие происходило не только на клеточном уровне, но и сами человеческие существа внутри расы поднимались на новый уровень ответственности перед своим сообществом, новый уровень взаимодействия друг с другом и с Богом. Так же, как и внутри тела, ключ к успеху в человеческих отношениях состоит в чувствительности к боли. Все мы восхищаемся, насколько гармонично функционирует человеческое тело. Глядя же на отношения между мужчинами и женщинами, можно лишь выразить сожаление. В человеческом сообществе мы страдаем оттого, что страдаем мало.

В мире сегодня так много горя из-за того, что есть эгоистичный организм, которого никак не заботит страдание другого организма, находящегося рядом. Когда клетка, либо группа клеток вдруг начинают расти и размножаться за счет других таких же клеток, в теле образуется раковая опухоль, и если ее вовремя не остановить, тело обречено на смерть. Но все же, развитию рака есть альтернатива — абсолютная преданность каждой клетки тела головному мозгу. Бог сегодня призывает нас учиться у низших существ и двигаться к новой ступени в эволюции, являясь частью сообщества, которое Он готовит ко спасению».

Крики и шепот

Конечно, нам было бы гораздо легче просто избегать Нуждающихся. Но нельзя забывать, что нам не дано выбирать — свидетельствовать им или не свидетельствовать — Это поручение, которое на нас возложил Бог. Мы — и вы, и я - часть Божьего ответа на множество страданий в этом мире. Мы - тело Иисуса Христа здесь, на земле, поэт призваны поступать так, как поступал Он — идти к тем му больно. Именно так поступал Бог на протяжении истории.

Ближний Восток, Южная Африка, Северная Ирландия все это болевые сигналы в теле Христа. Скандалы в кругу известных христианских лидеров. Беднота стран третьего мира. Прислушиваемся ли мы к ним, слышим ли, отвечаем ли на их крик? Или же мы немеем и не реагируем на боль, жертвуя тем самым частью тела Христова? Не все нуждающиеся в помощи так далеко от нас: их немало и на работе и в церкви. Безработные, разведенные, вдовы, прикованные к постели больные, бездомные, престарелые - оказываем ли мы им внимание?

По мнению многих, христианская церковь, как тело Христа, вела себя на протяжении всей истории весьма противоречиво. Иногда она, казалось, уничтожала саму себя (инквизиция, религиозные войны). Все же, Христос, желающий дать свободу всему человечеству, продолжает надеяться на то, что мы будем являть миру Его любовь. Однако, несмотря на все свои неудачи, церковь все же не раз отвечала на нужды людей. В любом крупном городе США можно встретить названия больниц, таких, как Лютеранская, больница Христа, Святой Марии, Доброго самаритянина, Баптистская больница. Сейчас многие из них являются обычными коммерческими учреждениями, однако, изначально они были основаны группами верующих, считающих исцеление больных своим призванием, как части тела Иисуса Христа.

В такой стране, как Индия, где христианами себя считают лишь около трех процентов населения, христианские лечебные учреждения составляют восемнадцать процентов всех учреждений здравоохранения. Если сказать слово «христианский» какому-нибудь индийскому христианину, который, возможно, никогда не слышал о Христе, первое, что придет ему на ум — больница, или же медицинский автобус, приезжающий к ним в деревню раз в месяц для оказания бесплатной помощи. Конечно же, это не все, чему нас учит Евангелие, но это уже неплохое начало.

Во многих западных странах проблема оказания помощи решена путем организации целой сети служб, однако в больших городах выросла другая проблема — проблема бездомных. Что ответит наше общество на крики о помощи от миллионов бездомных, ночующих на скамейках в парках и под мостами скоростных магистралей? И вновь церковь одной из первых ответила на эту проблему организацией приютов и бесплатных столовых.

Как-то я получил копию письма женщины из Гранд рэпидз, которая на себе испытала целительное прикосновение тела Христа. В течение семи лет она помогала своему мужу, известному церковному музыканту, больному амиотрофическим боковым склерозом (АБС). Он умер, а на годовщину его смерти вдова разослала всем своим друзьям в церкви благодарственное письмо. Вот его часть:

«С тех пор, как у мужа стали появляться первые симптомы АБС, а было это более восьми лет назад, мы ощущали постоянную заботу и любовь с вашей стороны. Вы поддерживали нас бесчисленным множеством писем и открыток, приходивших в наш адрес, забавных и серьезных, теплых и заботливых. Все это имело для нас огромную ценность. Вы навещали нас, звонили, порой, даже из других стран... Многие приходили к нам в гости с вкусными угощениями, которые в равной степени насыщали как тело, так и дух. Вы помогали нам по хозяйству, бегая по магазинам и чиня нам в доме вещи, забывая при этом о собственных нуждах. Вы подметали наш двор и ровняли дорожки, приносили почту и выносили мусор. Нам даже удавалось принимать участие в церковных служениях, когда вы записывали их на магнитофон. Вы одаривали нас своей любовью, скрашивая тем самым наши дни. Вы «врачевали» нас... и умудрились в домашних условиях вылечить зуб. Вы изобрели множество приспособлений, облегчивших нам обоим жизнь, одним из которых — «тревожной кнопкой» — Норм пользовался до самых последних дней его жизни. Вы делились с нами местами из Священного Писания, а некоторые молились за всех кто регулярно приезжал к нам проводить дыхательные упражнения. Вы дали возможность моему мужу почувствовать себя важной частью как церковного служения, так и музыкальной индустрии в целом. А как горячо вы молились за нас!!! День за днем, месяц за месяцем, даже год за годом! Все эти молитвы поддерживали нас, давали силы справляться с невероятными трудностями, делать то, что казалось невозможным, помогали самим обращаться за помощью к Богу. Настанет день, когда мы поймем, почему Норман не получил полного исцеления здесь. Но одно мы уже знаем точно: он пробыл с нами гораздо дольше, и ему было намного легче, чем бывает другим, таким же больным, как он. Мне кажется, слова «любовь» недостаточно, чтобы выразить все чувства, которые мы испытываем к вам!»

Можно было бы вернуться к четвертой части этой книги «Как справиться с болью?» и показать, как, помогая вдове, все члены ее церкви инстинктивно следовали всем изложенным в книге пунктам. Они явили ей Божье присутствие. Благодаря их любви и заботе, она более не сомневалась в том, что Бог любит ее. Она видела Его любовь в заботе, проявленной членами тела Христова, ее поместной церкви.

Нести бремена друг друга

Прислушайтесь к тому, кто осознает важность единства с телом: «Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?» (2 Коринфянам 11:29). И еще: «Помните узников, как бы и вы с ними были в узах» (Евреям 13:3). Или еще голос, голос Джона Донна: «Церковь всеобъемлюща, универсальна, и это относится ко всем ее действиям; все, что она делает, касается всех. Когда она крестит ребенка, это касается и меня, ибо этот ребенок становится частицей тела, частью которого я сам являюсь. Когда церковь хоронит человека, это тоже касается меня: человечество сотворено одним Создателем и является единым целым...

Человек не подобен острову, он — часть континента, часть чего-то большего. Когда какая-то часть земли смывается морем, Европа становится меньше, пусть даже это небольшой мыс, а может, земля твоего друга или твоя собственная; с каждой человеческой смертью, меня самого становится на частичку меньше, потому что я —

часть человечества. Потому нет смысла спрашивать, по ком звонит колокол, — он звонит по тебе».

Библия учит нас носить бремена друг друга. Это урок о боли, который мы все должны выучить. Некоторым из нас боль не кажется даром; некоторые всегда будут обвинять Бога в несправедливости. Но ведь все дело в том, что боль и страдания нас окружают, и нам нужно научиться реагировать на них. Иисус в этих случаях брал на Себя бремена тех, к кому Он прикасался. Чтобы нам жить в мире, являясь Его телом, Его духовным воплощением, нам нужно следовать Его примеру.

Образ тела в точности отражает то, как Бог действует в этом мире. Он иногда проявляет Себя явно, совершая чудеса и даруя сверхъестественные силы тем, кто страдает. Однако в большинстве случаев Он Свой труд возлагает на нас, Его представителей. Мы призваны жить в этом мире жизнью Христа, а не просто ее вспоминать или приводить другим в пример. Мы несем Его весть, боремся за справедливость, молимся о милости и... страдаем со страждущими.

Алан Пейтон, писатель из Южной Африки, в своей книге «Плачь, любимая страна» ставит в пример, достойный для подражания, св. Франциска Ассизского. Одним из переломных моментов в жизни Франциска стал случай, когда он еще в молодости, скача на лошади, увидел стоящего у дороги прокаженного. В то время Франциск был чем-то обижен на Бога, поэтому почувствовал отвращение к больному бродяге. Но вот, что-то внутри перебороло оба этих чувства. Он слез с лошади, подошел, обнял бродягу и крепко поцеловал в губы.

Св. Франциск мог просто проклясть или Бога, этого человека, пишет Пейтон. Но он не сделал ни того ни другого. Вместо того, чтобы изо всех сил пытаться обвинить Бога, допускающего такие страдания, он решил стать орудием мира в Божьих руках. Этот поступок изменил и его самого, и того бедняка. «То, отчего я только что чувствовал горечь и обиду, вдруг превратилось в невероятную гармонию души и тела», — говорит св. Франциск.

Реакция св. Франциска была очень похожей на реакцию Алеши по отношению к его брату Ивану в «Братьях Карамазовых». Он никак не мог найти ответ на мучившие их с братом вопросы о причине боли и страданий. Но он решает идти к страждущим и являть им любовь. Достоевский же весьма остроумно описал образ Иисуса отвечающего тем же Своему врагу, Великому инквизитору. Если бы церковь всегда следовала этим примерам и отвечала на людские страдания не спорами, а любовью, возможно, эти мучительные вопросы возникали бы гораздо реже. Объединение усилий всех частей тела Христа способно оказать ни с чем не сравнимую помощь одиноким, больным и отверженным. Церковь тогда станет тем огромным деревом, описанным в Евангелии, в ветвях которого укрываются и вьют гнезда птицы.

Посещая больницы, я увидел, насколько разными словами утешают друг друга верующие («Мы молимся за тебя») и неверующие («Удачи тебе — плюнь три раза через левое плечо»). Сегодня, если меня попросят одним предложением ответить на вопрос: «Где Бог, когда я страдаю?», я отвечу другим вопросом: «Где церковь, когда я страдаю?» Мы являем собой Божий ответ страдающему миру. «Любовь познали мы в том, что Он положил за нас душу Свою: и мы должны полагать души свои за братьев. А кто имеет достаток в мире, но, видя брата своего в нужде, затворяет от него сердце свое, — как пребывает в том любовь Божия? Дети мои! станем любить не словом или языком, но делом и истиною» (1 Иоанна 3:16-18).

Глава 20. Впереди — новый мир

*«Тает горечь,
Как в мае снег,
Холодов как не бывало».
- Джордж Герберт «Цветок»*

Страдающему человеку христианство может оказать большую и, наверное, самую важную помощь во всей его жизни. Описывая события, происходившие с человечеством на протяжении трех тысяч лет, Библия словно через увеличительное стекло обращает наше внимание на казнь на Голгофе. Это событие — главное во всей истории — краеугольный камень. Однако смерть — решительно не конец истории.

По прошествии трех дней со времени погребения Иисуса в темной могиле, поползли слухи, что Он ожил. Ожил! Разве такое возможно? В эту новость трудно было поверить. Не поверили в нее и ученики, пока Иисус Сам не пришел и не позволил им прикоснуться к Своему новому телу. Более того, Он пообещал, что даст и им новые тела после их воскресения.

После воскресения Иисуса Христа и Его победы над смертью к списку слов о боли и страдании добавилось еще одно, совершенно новое слово — «временный». Иисус Христос открыл для нас новое обещание о новой жизни без боли. Какой бы сильной ни была для нас боль сейчас, она не будет длиться вечно.

Выходит, что главная надежда всех христиан — надежда На будущее без боли и слез вместе с Богом. Сегодня же, по какой-то причине многие просто стесняются говорить о вере в жизнь после смерти. Само это понятие кажется причудливым и трусливым желанием поскорее уйти от проблем этого мира.

У черных мусульман есть похоронная традиция, кото рая символично выражает эти современные мнения. Когда гроб с телом умершего выставляют напоказ, родственники и друзья становятся вокруг, не произнося ни слова~ Нет ни слез, ни цветов, ни песен. Сестры-мусульманки передают по кругу небольшой поднос, с которого каждый берет тонкий круглый мятный леденец. По условному сигналу все кладут леденцы в рот, и пока леденец медленно тает во рту, каждый думает о том, как сладка была жизнь хоронимого ими человека. Когда от леденца во рту ничего не остается, это означает, что жизнь окончена. Дальше уже ничего нет.

В современном обществе со смертью борются путем избежания всяческих напоминаний о ней. Морги, палаты интенсивной терапии и кладбища мы прячем за высокими стенами. Однако, когда смерть уже неизбежна, поведение обычных людей практически ничем не отличается от поведения черных мусульман. Язычество заставляет нас смотреть на смерть, как на окончательный конец земной жизни, а вовсе не переход из одной жизни в другую, бесконечную. Элизабет Кюблер-Росс выявила пять этапов подготовки человека к смерти и сделала ясный вывод о том, что последний из этих пяти этапов — смирение — самый ценный. С тех пор медики стараются, чтобы смертельно больные люди стремились именно к этому идеалу.

Помню, как на одном из вечерних занятий в центре «Не упusti сегодня» женщина по имени Донна, больная последней стадией лейкемии, сказала, с каким нетерпением ждет дня, когда попадет на небеса. Реакция остальных на ее слова была неоднозначной: долгая

тишина, чей-то кашель, кто-то негодуяще закатил глаза. Социальный работник начал объяснять Донне, как ей преодолеть страх и продвинуться к стадии смирения.

После того собрания у меня на сердце было тяжело. Наша материалистическая, недогматическая культура просила своих членов выразить самые искренние чувства. Донна, следуя какому-то основному внутреннему инстинкту, затронула фундаментальный камень христианской теологии. Смерть — это враг, последний и беспощадный враг, и его нужно уничтожить. Как же могли все члены группы, видевшие, что их собственные тела месяц за сячем превращаются в прах, просто-напросто мириться этим? Сам я на месте Донны относился бы к смерти одним лишь образом: «Смерть, будь ты проклята!»

Некоторое время спустя мне на глаза попало высказывание Блеза Паскаля, жившего в то время, когда мыслители только начали высмеивать «примитивные» взгляды на лучшую и жизнь после смерти. Вот что сказал о таких людях Паскаль: «Они считают, что доставят нам удовольствие, утверждая, что наша душа — ничто иное, как дым, дуновение ветерка, и говоря обо всем этом радостным и самодовольным тоном? Разве здесь есть чему радоваться? Радоваться нечему, наоборот, здесь нужно плакать, ибо это самое страшное, что только может быть».

Какая перемена ценностей произошла в умах людей, что они вдруг начали считать веру в окончательную смерть и пустоту верхом отваги, а надежду на полную радости вечную жизнь — трусостью? Как можно считать благородством слепое следование взглядам черных мусульман, материалистов и марксистов, что этот мир, полный зла и страданий, есть конец жизни человека? Такое понятие появилось спустя 7000 лет от начала истории человечества. У каждого, даже самого примитивного общества и древней культуры имелись взгляды и вера в жизнь после смерти. (Археологам нынче пришлось бы очень туго, если бы наши предки не хоронили свои культурные ценности в надежно замурованных гробницах.)

Библия предлагает совершенно противоположную систему взглядов. Жизнь после смерти описана в ней с чувством радостного ожидания, а не стеснения и стыда. Наша планета полна страданий; христиане же с радостью ожидают новый мир, где нет места слезам.

Пасхальная вера

Мы лишь отчасти можем представить себе наше будущее и ту радость, которая наполнит нас там, на небесах. Все мы сейчас заперты в темной комнате, как в одной из сцен пьесы Сартра «Нет выхода». Но сквозь щели в стенах просачиваются лучи света — добродетель, счастье, красота, сострадание, частицы истины и справедливости, — наталкивая на мысль о том, что за этими стенами — совершен, но иной мир, ради которого стоит пострадать здесь.

Христианская вера не дает нам какого-то особого способа примириться со смертью. Нет, вместо этого она помогает нам победить смерть. Христос дает Жизнь, и Его воскресение является еще одним доказательством того что Бог не желает примириться с каким-то там «жизненным циклом», конец которому — смерть. Он сделает все возможное, Он уже сделал все возможное, чтобы упразднить этот цикл.

В октябре 1988 года, занимаясь подводным плаванием на озере Мичиган, погиб один из моих самых близких друзей. Помню, как в тот самый день, когда Боба не стало, я обедал в университетском кафе и, ничего не подозревая, читал книгу известного врача и писателя Ролло Мэя «В поисках красоты». В ней рассказывается о том, как Мэй всю свою жизнь

искал прекрасное в этом мире. В одном из случаев, описанных в книге, рассказывается, как автор попал на гору Афос, один из греческих полуостровов, населенный исключительно монахами.

В то время Ролло Мэй только начинал приходить в себя после пережитого им перед этим нервного срыва. На гору Афос он приехал как раз в тот момент, когда монахи отмечали греческую православную Пасху — невероятно красивый, полный символизма праздник. Кругом висели иконы, пахло фимиамом. В кульминационный момент церемонии священник раздал прихожанам подарки — по три пасхальных яйца, чудесным образом расписанных и завернутых в тонкую ткань. «Христос воскрес!» — сказал он. Все, в том числе и Мэй, по традиции в один голос ответили: «Воистину воскрес!»

Ролло Мэй не был верующим. Но в своей книге он пишет: «В тот момент меня охватила какая-то духовная реальность: а что если Он действительно воскрес? Что это значит для мира?» Дочитав до конца главу, я отправился домой. На пороге меня встретила жена и сообщила ужасную новость о гибели Боба. В течение нескольких следующих дней вопрос Ролло Мэя не давал мне покоя. Что значит для мира воскресение Иисуса Христа?

На похоронах друга я задал подавленным и окруженным со всех сторон горем собравшимся людям вопрос ролло Мэя, правда, немного его изменив. А что, если бы Боб воскрес? Что это значило бы для нас? Мы сидели в часовне, онемелые за три дня скорби, когда я попросил всех представить себе, каково было бы, если бы мы сейчас вышли на автостоянку и, к своему удивлению, увидели там Боба живым и невредимым. Того самого Боба, с его широкой улыбкой, ясными серыми глазами и походкой вприпрыжку.

Этот волшебный образ дал мне отчасти прочувствовать то что чувствовали ученики Иисуса в Пасхальное воскресенье. Так же, как и мы, они три дня ходили в печали, но в воскресенье им открылось нечто новое, им открылось будущее. Если бы не было Пасхи, не было жизни после смерти, нового начала, новой земли — если бы не было всего этого, мы, наверное, были бы вправе обвинять Бога в бессилии, нелюбви, а то и в жестокости по отношению к нам. Библия учит нас тому, что Бог в силах возратить все творение к первоначальному состоянию совершенства.

Признаюсь честно, я когда-то тоже стеснялся говорить на тему рая и жизни вечной. Это казалось каким-то нереальным. Нам следует жить так в этом мире, как будто больше уже ничего не будет, думал я. С годами же, видя, как умирают люди, я изменил свои взгляды. Какой Бог будет доволен этим миром, исполненным страданий и смерти? Если я буду просто стоять и смотреть, как такие, как Боб, уходят из жизни и испаряются без всякой надежды на будущее, я вряд ли поверю в Бога.

В Новом Завете, в пятнадцатой главе 1-го Послания коринфянам говорится о том же самом. Павел оглядывается назад на свою жизнь, в которой он прошел через тюрьмы, избиения, кораблекрушения и игрища с дикими животными, подобные гладиаторским боям. Затем он весьма многословно говорит о том, что был бы просто безумцем, если бы, пройдя через все это, умер без всякой надежды. «И если мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков». Вместе с апостолом Павлом я тоже возлагаю надежду на воскресение из мертвых, на день, когда Христос «уничтоженное тел наше преобразит так, что оно будет сообразно славному телу Его» (Филиппийцам 3:21).

Дом на небесах

Известный шотландский теолог и писатель Джорд* Макдональд однажды написал своей мачехе письмо утешения после гибели ее близкой подруги: «Бог никогда бы не позволил, чтобы она (смерть) стала законом Его Вселенной, как это может порой казаться нам». На нас, верующих, лежит ответственность рассказывать миру о том, как смотрит на смерть Бог, который со страхом и трепетом встретился с ней лицом к лицу и вновь вернулся к жизни.

О том, насколько ощутимо помогает такая вера умирающему человеку, рассказывает документальный фильм под названием «Смерть», показанный как-то по центральному телевидению. Режиссер-постановщик этого фильма Майкл Роумер вел наблюдение за несколькими больными с неизлечимыми формами рака в последние месяцы их жизни. После съемок фильма Роумер признался: «Люди умирают сообразно тому, как они жили раньше. Смерть становится выражением человеческого существа, и взять с собой можно лишь то, что получил в этой жизни». На примере двух семей из Бостона в фильме особо ярко показано, насколько велика разница между отчаянием и надеждой.

У Билла и Харриет в тридцать три года сильно сдали нервы. В одном эпизоде Харриет, озабоченная тем, как, оставшись вдовой, она будет жить дальше с двумя сыновьями, Харриет в порыве гнева говорит мужу: «Чем дольше все это будет тянуться, тем хуже будет нам всем».

«Что стало с той милой девушкой, на которой я женился?» — спрашивает в ответ Билл.

Харриет поворачивается к камере: «Милая девушка страдает от его рака. Кому нужна будет вдова с двумя детьми? Я не хочу, чтобы он умирал, но ведь он все равно умрет. Почему бы не умереть сейчас?»

В последние недели совместной жизни семья распадается, не в силах справиться со страхом. Они плачут и кричат, нападая друг на друга, разбивая вдребезги былую любовь и доверие. Угроза смерти становится все ближе.

Реакция пастора Брайана, 56-летнего умирающего служителя баптистской церкви для чернокожих, — полная «отивоположность. «Я сейчас переживаю самое счастливое время в жизни, — говорит он. — Думаю, сам Рокфеллер не был таким счастливым, как я».

Съемочная группа следит за тем, как пастор Брайан проповедует в своей церкви о смерти, читает внукам Библию и ездит на свою родину. Он — воплощение безмятежности и уверенности в том, что он просто идет домой — туда, где боли нет.

На его похоронах хор исполняет гимн «Он уснул». Проходя мимо гроба, люди наклоняются к нему, чтобы прикоснуться к руке или похлопать по груди. Они потеряли дорогого им друга, но знают, что ненадолго. Все они верят в то, что пастор Брайан встретил свое начало, а не конец.

Кадры фильма, снятые в церкви пастора Брайана казались мне родными, ведь моя жена в Чикаго работает с престарелыми людьми, половина из которых — чернокожие. Все они, кто в свои семьдесят, кто — в восемьдесят, живут в постоянном ожидании смерти. И все же, Джанет увидела, насколько по-разному относятся к смерти люди с белым и с черным цветом кожи.

Большинство белых, ее подопечных, с каждым днем начинают все сильнее переживать и бояться. Они чаще жалуются на проблемы в семье, в жизни и на то, что все хуже себя

чувствуют. У черных реакция совсем иная — они бодры, полны юмора и оптимизма, даже несмотря на то, что У многих из них гораздо больше причин горевать. (Большая их часть жила на юге США, буквально через поколение после отмены рабства. Всю свою жизнь они терпели экономические притеснения и несправедливость. Когда были приняты законы о Гражданских правах, многие уже Достигли пожилого возраста.)

Почему же люди ведут себя так по-разному? Джанет пришла к выводу, что дело в надежде, надежде на рай, которую чернокожие впивывают с молоком матери. «Этот Мир — не мой ДОМ(я в пути», — говорят они. Эти и многие другие их высказывания были рождены в весьма трагические времена их истории, когда все в этом мире казалось безрадостным. Но все же негритянским церквям каким-то образом удалось вселить в своих прихожан веру в то, что их ждет другой дом.

Если вы хотите освежить в памяти образы рая, сходите на похороны чернокожих. Там проповедники рисуют такие невероятные картины небесной жизни, что каждый в их собрании начинает стремиться поскорее попасть на небеса. Вполне естественно, что все, присутствующие на похоронах, чувствуют горечь утраты, однако эта утрата временна. Все это напоминает мне временное затишье в бою, исход которого уже предreshен.

Конечно, мечту о рае нельзя использовать для того, чтобы оправдывать отсутствие борьбы с бедностью и нищетой здесь, на земле. Однако, не будет ли это, лишать надежды на рай того, кто стоит в конце жизненного пути?

Одной ногой в раю

Вера в будущий небесный дом влияет не только на то, как мы умираем. Она должна также влиять и на то, как мы живем.

Однажды к Дж. Робертсону Макквилкину, в прошлом президенту Колумбийского библийского колледжа, подошла престарелая женщина, столкнувшаяся с испытаниями старости. Тело становилось все слабее, былую красоту сменили редющие седые волосы, морщины, бледная кожа. Многие, что она делала раньше, теперь ей было уже не под силу. Она начала чувствовать себя обузой для окружающих. «Скажите мне, Робертсон, зачем Бог сделал так, что мы стареем и слабеем? К чему столько мучений?» — спросила она.

Немного подумав, Макквилкин ответил: «Я думаю, Бог устроил все так, чтобы в молодости наша сила и красота были видны внешне. С возрастом же мы приобретаем внутреннюю, духовную силу и красоту. Мы постепенно теряем внешнюю, временную красоту, поэтому больше начинаем задумываться о красоте внутренней, которая вечна. Это помогает нам оставить все то, что и тленно, и стремиться к дому, где будем жить вечно. Если бы мы в этой жизни всегда были молодыми и красивыми, нам, возможно, не захотелось бы никуда уходить!»

Если и есть секрет того, как справиться со страданием, он кроется в этих строках. Чтобы выжить, нужно укреплять и питать свой дух, только тогда будут силы сломить границы плоти. Христианская вера, тем не менее, не всегда способна вернуть здоровье телу. Ни Брайан Стернберг, ни Джони Эрексон Тада не были исцелены, несмотря на тысячи молитв. Однако Бог обещает насыщать наш дух, который в один прекрасный день обретет новое, совершенное тело. Брайан сможет бегать и скакать, словно выпущенный из конюшни жеребенок, — об этом говорит пророк Малахия; Джони сможет без чьей-либо помощи свободно танцевать.

«Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить», — говорил Иисус Христос, посылая Своих учеников на труд. Раз физическая смерть — не конец, не стоит ее так бояться. Но так как она — враг Жизни, то нельзя и ждать ее с распростертыми объятьями.

Короче говоря, благодаря вере в небесный дом, христиане могут реально смотреть на смерть, не теряя надежды. Смерть — это враг, но враг побежденный. Как сказал однажды своим последователям Мартин Лютер, «даже когда мы абсолютно здоровы, не стоит забывать о смерти, потому что мы на земле не навсегда; так что нужно, как говорится, стоять одной ногой в раю». Стоя одной ногой в раю, мы совсем по-иному смотрим на проблему боли и страдания. Любой спор о том, почему мы страдаем, не будет завершен до тех пор, пока не будет рассмотрен взгляд на этот вопрос с точки зрения вечности. Какой-нибудь ярый любитель поспорить наверняка станет защищать боль, говоря, что это лучшая из всех предлагаемых Богом альтернатив. Возможно. Но боль и страдание всего лишь одна сторона медали.

Как представить себе вечность? Она во столько раз Длиннее нашей короткой земной жизни, что ее невозможно просто так вообразить. Для наглядного примера нарисуйте на школьной доске линию длиной в 3 метра. Затем на этой линии нарисуйте точку диаметром в 2 сантиметра. Теперь представьте, что в ее середине находится микроскопическая бактерия. Для бактерии размер самой точки невероятно огромен. Бактерия могла бы провести жизнь исследуя точку. Но стоит нам отойти на пару шагов и окинуть взглядом всю доску, мы увидим, насколько велики размеры линии по сравнению с величиной нарисованной на ней точки, кажущейся бактерии чем-то необъятным.

Таким же образом и человеческую жизнь можно сравнить с вечностью. Семьдесят лет — срок немалый, его достаточно, чтобы выдумать множество теорий о том, почему Бог иногда как будто бы безразличен к человеческим бедам. Но задумайтесь, разве можем мы судить о поступках и замыслах Бога, живя на земле так мало по сравнению с вечностью? Это равносильно тому, что та бактерия станет судить о размерах доски, не выходя за пределы маленького грязного мелового пятнышка.

Разве мы не принимаем во внимание понятие о Вселенной и бесконечности? Стали бы мы жаловаться Богу, если бы Он за все наши семьдесят лет жизни допустил лишь час страданий, наполнив остальное время покоем и радостью? Конечно, в нашей земной жизни хватает страданий, но ведь эта жизнь всего лишь час по сравнению с вечностью. Как однажды остроумно выразилась св. Тереза Авильская, с высоты небес самая жалкая земная жизнь покажется лишь бессонной ночью в дешевой гостинице. Для христиан жизнь, прожитая в этом мире, — вовсе не конец существования. Земля — это испытательный полигон, точка на бесконечной линии Вселенной; но все же эта точка имеет свой смысл, ведь Иисус сказал, что от нашего послушания здесь зависит наша дальнейшая судьба. Поэтому, когда вы в очередной раз в порыве отчаяния решите обвинить Бога за столь жестокий мир, вспомните, что у Бога для нас приготовлено нечто несравненно лучшее, и наша земная жизнь — меньше миллионной части, и даже эта часть проживается нами под флагом бунтовщика.

Лишь на небесах мы сможем познать истинный смысл земных страданий и боли. Об этом немало сказано в Библии; «Бог же всякой благодати, призвавший нас в вечную славу Свою во Христе Иисусе, Сам, по кратковременному страданию вашему, да совершит вас, да утвердит, да укрепит, да соделает непоколебимыми» (1 Петра 5:10). «Ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную

славу, когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое: ибо видимое временно, а невидимое вечно» (2 Коринфянам 4:17-18).

Меня всегда интересовала одна незаметная деталь, описанная в самом конце книги Иова, в которой так много сказано о человеческих страданиях. Автор делает большой акцент на этой детали: Иов потерял все, что имел, но в итоге получил ровно в два раза больше. Вместо 7000 овец Иов получил 14000; 6000 верблюдов вместо 3000; тысячу волов и ослиц вместо 500. Есть лишь одно исключение: ранее у Иова было семеро сыновей и три дочери. Вот и теперь у него опять семеро сыновей и три дочери — то же количество, что было ранее. Возможно, автор намекает на вечную жизнь. Если судить так, то получается, что и здесь Иов получил от Бога вдвойне — десять его нынешних детей присоединятся к тем десяти, которые уже в вечности.

Смерть и рождение

Вот вам ирония: смерть, приносящая столько горя и боли, в действительности открывает дверь в вечность, полную радости. Говоря о собственной смерти, Иисус привел аналогию с тем, как женщина испытывает муки при родах: она страдает до тех пор, пока малыш не появится на свет. В тот момент ее муки сменяются искренней радостью (Иоанна 16:21).

Смерть и рождение во многом схожи. Давайте представим, как рождение в свет выглядит с точки зрения самого ребенка.

Вы живете в мире, где темно, уютно и безопасно. Теплая жидкость окружает вас со всех сторон. Вы ничего не делаете сами. Вас автоматически кормят. Вы постоянно слышите, как убаюкивающе бьется сердце какого-то большого существа, защищающего вас. Вся ваша жизнь — ожидание. Чего ждать, вы сами еще не знаете, но любая перемена кажется вам

страшной. Вокруг нет никаких острых предметов, нет боли, нет опасности. Тихое и мирное существование.

И вот наступает день, когда вы чувствуете первые потуги. Стены вокруг вас сужаются, как будто бы толкают куда-то. Прежние мягкие стены теперь вдруг стали резко сокращаться, пропихивая вас куда-то вниз. Тело сложилось пополам, руки и ноги, кажется, вывернулись наизнанку. Вы падаете куда-то вниз головой. Впервые вы чувствуете боль. Кругом все бурлит, давление становится просто невыносимым. Голова совсем сплюснута, вас толкают все сильнее и сильнее по какому-то темному тоннелю. Жуткая боль. Шум. Давление. Болит все тело. Вы слышите, как кто-то кричит, и в этот момент вас окутывает страх. Все — миру пришел конец. Вдруг впереди вы видите отверстие и ослепительно яркий свет. Чьи-то холодные грубые руки хватают вас, вытягивают наружу и подвешивают вверх ногами. Болезненный шлепок. Ууууаааааааааа!

Поздравляем, вы только что родились.

Смерть — почти то же самое. На этом конце тоннеля все кажется нам страшным. Внутри тоннеля какая-то неизвестная сила тянет нас вперед в неизвестность. Вряд ли кому-то не терпится все это увидеть. Нам страшно. Там все — боль, тьма ... неизвестность. Но за всей этой болью — совершенно иной мир. Когда мы после смерти очнемся там, от боли и слез останется одно лишь воспоминание.

Вы думаете, что иногда Бог не слышит вас? Что ваш плач и мольба идут в никуда? Бог не глухой. Он скорбит вместе с вами. Ведь как-никак Его Сын умер здесь.

Пусть история сделает свое дело. Пускай оркестр доиграет последнюю грустную ноту перед тем, как начать играть марш. Как сказал Павел: «Ибо думаю, что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славой, которая откроется в нас. Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих...Ибо знаем, что вся тварь совокупно стонет и мучится донныне; и не только [она], но и мы сами, имея начаток Духа, и мы в себе стенаем ожидая усыновления, искупления тела нашего» (Римл. 8:18-19; 22-23).

Если мы оглянемся назад на ту крупицу вечности, которую называем историей нашей планеты, нас поразит не важность ее, а ее незначительность. Глядя на Землю, к примеру, туманности Андромеды, все покажется столь малым, что взрыв всей нашей солнечной системы будет выглядеть там не ярче зажженной и погасшей где-то вдалеке спички. И ради этой самой спички Бог пожертвовал Собой!

Боль можно рассматривать, по определению Беркоуве-ра, как великое «предчувствие» вечности. Она напоминает о том, кто мы есть сейчас, и пробуждает в нас стремление стать такими, какими мы будем там, на небесах. Я с полной уверенностью считаю, что настанет тот день, когда каждый синяк, каждая больная лейкоемией клетка, весь стыд, страх, боль и отчаяние отступят навсегда, а те бесчисленные минуты, прожитые в надежде и вере, будут щедро вознаграждены.

Находясь на пике страданий, Иов сказал:

«О, если бы записаны были слова мои! Если бы начертаны были они в книге, резцом железным с оловом, — на вечное время на камне вырезаны были! А я знаю, Искупитель мой жив, и Он в последний день восставит из прах распадающуюся кожу мою сию; и я во плоти моей узрю Бога. Я узрю Его сам; мои глаза, не глаза другого, увидят Его. Истаеет сердце мое в груди моей!» (Иов 19:23-27)

Где Бог, когда я страдаю?

Большую часть жизни я разделял взгляды тех, кто гневался на Бога, когда Он допускал боль. Страдание сдавливало меня все сильнее. Я не находил этому отравленному миру никакого рационального объяснения.

Встречаясь с людьми, чья боль во много крат превосходила мою собственную, я был поражен воздействию, которое она на них оказывала. Страдание усиливало веру одних и приводило к агностицизму других. Встречаясь, в частности, с больными проказой, я пришел к выводу, что у боли есть своя скрытая ценность.

Проблема боли будет решена лишь тогда, когда Бог придет и возродит всю землю. Я твердо верю и надеюсь на это. Если бы я искренне не верил в то, что Бог — великий Целитель, а не садист, и что Он, как сказал Джордж Мак-дональд, «чувствует в Себе мучительное присутствие каждого нерва, которому нет покоя», я бы бросил всякие попытки найти ключ к разгадке тайны страданий.

Мой гнев насчет боли был полностью развеян по одной лишь причине: я познал Бога. Он дал мне радость, любовь, счастье и доброту, осветив ими мой серый, унылый мир. Они пришли в неожиданной вспышке в мой запутанный, несовершенный мир. Но этого было достаточно, чтобы убедить меня, что Бог достоин доверия. Познание Бога стоит всех страданий. Что же мне все это даст, когда я вновь буду стоять у койки друга, страдающего болезнью Ходжкина? Что ж, вся эта история когда-то тоже началась у

больничной койки. Но теперь у меня есть вера в Богочеловека, вера, способная выдержать самые невыносимые страдания.

Где Бог, когда я страдаю?

Он был здесь с самого начала, с того самого момента, когда создал нашу нервную систему, которая справляется со всеми своими функциями по сей день, даже в условиях нашего падшего мира, давая нам возможность нормально существовать. Он преобразует боль, уча и воспитывая нас через нее, если мы даем Ему такую возможность, когда обращаемся к Нему.

С огромным терпением Он наблюдает за тем, как живет восставшая против Него планета, по Своей великой милости позволяя каждому человеку поступать по свободной воле.

Он позволяет нам кричать, как Иов, гневаться на Него и обвинять Его за мир, который мы испортили.

Он объединился с бедными и страждущими, чтобы затем воздвигнуть для них Свое Царство. Его победа в Его унижении.

Он обещает даровать нам помощь сверхъестественным образом, дабы напитать наш дух, несмотря на то, что наш физический недуг не исчезает.

Он пришел к нам. Он испытал боль, истекал кровью, рыдал и страдал. Разделяя боль со страждущими, Он навсегда прославил всех их.

Он сейчас с нами, свидетельствуя через Духа Своего Святого и через членов Своего тела, призванных поддерживать нас и облегчать страдания во имя Главы тела.

Он ждет и готовит Свою армию добра. Настанет день, и Он пустит ее на землю, и тогда мир в последний раз увидит боль и ужас, за которыми уже навсегда воцарится полная победа над злом. Затем Бог создаст для нас новый, замечательный мир. Боли больше не будет никогда.

«Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся. Ибо тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему — облечься в бессмертие. Когда же тленное сие облечется в нетление и смертное сие облечется в бессмертие, тогда сбудется слово написанное: «поглещена смерть победою». «Смерть! где твое жало? Ад! где твоя победа?» (1 Коринфянам 15:51-55)